
ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
Отъ куда пошла земля русская
И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градомъ рускимъ
ВИЛЬНА
1865.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

«Вѣстникъ западной Россіи» будетъ издаваться въ $18^{65}/_{66}$ году по прежней программѣ, въ прежнемъ видѣ и объемѣ, съ іюля мѣсяца, ежемѣсячно книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати. Подписка принимается въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, что и въ прошломъ году. Условія подписки и цѣна тѣже.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій.**

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

АПРѢЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Р. М. Ромма.

1865.

Дозволено цензурою 6 Іюля 1865 года. Вильна.

I.

№ 13-й.

ДНЕВНИКЪ ЗАСѢДАНІЙ

Коммисіи для разбора и приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ виленскомъ музеумѣ древностей.

(*Вмѣсто отдѣла актовъ*)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вниманію читателей предлагаются протоколы засѣданій Коммисіи, учрежденной главнымъ начальникомъ сѣверо-западнаго края, графомъ М. Н. Муравьевымъ, для пересмотра, и составленія проэкта преобразованія, виленскихъ ученыхъ учрежденій: Музеума Древностей и состоящей при немъ Временной Археологической Коммисіи.

Задача, данная коммисіи заключалось въ слѣдующемъ: 1 привести въ извѣстность всѣ предметы, составляющіе коллекціи музеума; 2) размѣстить ихъ въ историческомъ порядкѣ и послѣдовательности; 3) удалить изъ музеума впредь до дальнѣйшаго о нихъ распоряженія предметы, которые въ глазахъ мѣстныхъ посѣтитетелей имѣли демонстративное значеніе, 4) составить новый проэктъ Положенія о сихъ учрежденіяхъ.

II

Первая часть работы оказалась неисполнимою, вслѣдствіе беспорядочности какъ размѣщенія предметовъ такъ и самыхъ описей соотвѣтственныхъ коллекцій. Явилась необходимость прежде всего очистить мѣсто отъ предметовъ, которые, по собственному ихъ характеру или по численному преобладанію надъ однородными, имѣли значеніе демонстративное, особенно при объясненіяхъ, даваемыхъ о нихъ посѣтителямъ, не довольно свѣдущимъ въ исторіи.

И на этой работѣ Коммисія встрѣтила слѣдующія затрудненія: описи сообщались ей администраціею музеума весьма неохотно; каталоги библіотеки не представляли малѣйшаго ручательства въ строгой вѣрности ихъ составленія; каталоги нумизматики и естественныхъ кабинетовъ суть не болѣе какъ беспорядочныя черновыя бумаги; каталогъ археологической коллекціи и разныхъ достопамятностей, по сознанію составителя его, *не имѣетъ никакого научнаго значенія, какъ составленный поспѣшно, къ извѣстному сроку.* Нѣкоторые предметы представлялись коммисіи не подъ истинными ихъ названіями—въ томъ числѣ весьма любопытныя рукописи; другіе имѣли значеніе апокрифовъ; о происхожденіи предметовъ въ археологической коллекціи, по словамъ хранителя сего отдѣла, нѣтъ положительно никакихъ документовъ.— Коммисіи оставалось производить разборъ предметовъ по каталогу, на сколько описанія его оказывались вѣрными съ признаками предметовъ, а потомъ по наглядному осмотру, съ рѣшеніемъ, по большинству голосовъ. При этомъ коммисіи представлялась та вѣроятность почти безошибочныхъ ея рѣшеній, что, въ числѣ членовъ своихъ она имѣла графа Тышкевича, основателя и попечителя музеума, знакомаго съ каждою мельчайшею его принадлежностію.

Такимъ образомъ коммисія произнесла свои сужденія по коллекціямъ археологической, геральдической, портретной и бюстовой, нумизматической, такъ называемой достопримѣчательныхъ предметовъ, по отдѣлу естественныхъ наукъ и библіотеки; въ продолженіи работъ своихъ опираясь то на мнѣніи графа Тышкеви-

ча, то на рѣшеніи по большинству голосовъ: и въ двадцать два засѣданія окончила первый періодъ своихъ занятій. Остались неотдѣленными: знаки массонскихъ ложъ, имѣвшихъ въ свое время чисто политическій характеръ, и нѣкоторыя мелкія вещи ускользнувшія, при беспорядочномъ размѣщеніи ихъ, отъ вниманія членовъ.

Общее впечатлѣніе вынесенное членами изъ пересмотра музеума и изъ разсмотрѣнія трудовъ временной археологической коммисіи за десять лѣтъ ея существованія таково: *первое*, непосредственные дѣятели по устройству музеума, вѣрные ложнымъ началамъ, воспитаннымъ въ обществѣ системою кн. Адама Чарторыйскаго, при дружномъ участіи мѣстнаго дворянства и римскаго духовенства, нѣкоторые съ умысломъ, а другіе безсознательно, работали надъ поддержаніемъ въ многочисленныхъ посѣтителяхъ музеума преданій: о польскомъ владычествѣ въ краѣ, о призракахъ литовской самостоятельности во время соединенія великаго княжества съ Польшею, и о закрытомъ польско-латинскомъ въ Вильнѣ университетѣ, вредномъ для здраваго и естественнаго развитія девяти десятыхъ русскаго населенія. И *второе*, что коллекціи музеума, за исключеніемъ изъ нихъ специальныхъ, не трудами археологической коммисіи собранныхъ, выражали намѣреніе составителей, образовать пантеонъ латино-польской старины въ краѣ.

При самомъ началѣ работъ преобразовательной коммисіи, по самой силѣ вещей, вполнѣ согласно съ прочими членами, дѣйствовалъ и попечитель музеума до той поры, пока коммисія, по заключеніи своихъ занятій, не представила результата ихъ на усмотрѣніе г. главнаго начальника края. Тогда уже, немедленно по выѣздѣ изъ Вильны графа М. Н. Муравьёва, попечитель музеума вошелъ къ предсѣдательствовавшему въ коммисіи съ протестомъ, во имя ненаучнаго способа ея дѣйствій при отдѣленіи предмотовъ.

Этотъ протестъ былъ обсужденъ въ коммисіи, на засѣданіи 8 апрѣля (смотри протоколъ 21 засѣданія); при чемъ гр. Тышке-

вичъ заявилъ коммисіи о непріятномъ положеніи своемъ предъ мѣстнымъ дворянствомъ, принесшимъ музеуму свои историческія сокровища на вѣру въ его имя; и отъ дальнѣйшаго участія въ засѣданіяхъ коммисіи отказался.

Но за тѣмъ, въ Вильнѣ и Петербургѣ, былъ распространенъ слухъ о ненаучномъ и варварскомъ способѣ дѣйствій коммисіи. Въ числѣ лицъ до коихъ подобныя жалобы доходили, нашлись и такія, которыя, утверждали, что онѣ сами видѣли музеумъ во всей полнотѣ его историческаго литовско-русскаго значенія. Но въ такомъ случаѣ чтоже значатъ найденные коммисіею и, въ большинствѣ случаевъ, подписью попечителя музеума засвидѣтельствованные: *съ одной стороны,* превозношеніе въ ученыхъ трудахъ археологической коммисіи, и искусное размѣщеніе въ музеумѣ, при поразительномъ меньшинствѣ вещей русскихъ, предметовъ относящихся къ латино-польскому въ краѣ началу, какъ напримѣръ граматъ папъ, портретовъ королей, ихъ автографовъ и вещей имъ лично принадлежавшихъ или до званія ихъ относившихся, при чемъ ни халатъ Понятовскаго, ни подѣльной древности бокалъ съ безграмотною надписью »Казимирусъ Рексъ польски« не укрощали ревности собирателей; магнатовъ, представителей латино-польскаго вліянія въ странѣ, *населенной русскими людьми;* изображенія членовъ латинскаго духовенства съ мельчайшими вещами имъ принадлежавшими, какъ напримѣръ апокрифическими кусками платья изъ гробовъ Скарги и Нарушевича; портретовъ ученыхъ, поэтовъ, эмигрантовъ, представителей польской идеи на Литвѣ, и вещей ими употребляемыхъ, какъ напримѣръ съѣденный молью плащъ Мицкевича, гитара и пучокъ травы съ могилы поэта Карпинскаго, посуда употреблявшаяся при засѣданіяхъ общества шубравцевъ; тщательное собираніе мельчайшихъ памятниковъ пребыванія въ странѣ французскихъ войскъ, и все это при отсутствіи доказательствъ о происхожденіи предметовъ. *Съ другой стороны,* сокрытіе отъ посѣтителей первопечатнаго литовскаго статута; забвеніе упомянуть даже въ протоколахъ о замѣчательномъ письмѣ высокопреосвященнаго мит-

рополита Іосифа, внесшаго въ музеумъ эту рѣдкость; лишенное логичности постановленіе о томъ, чтобы отнюдь не избирать въ члены коммисіи лицъ изъ православнаго духовенства *„безъ разрѣшенія ихъ начальства,“* *) пренебреженіе къ памяти сподвижниковъ императора Александра 1, въ борьбѣ его съ Наполеономъ: медальоны союзниковъ и полководцевъ Россіи найдены запрятанными въ шкафѣ; *отвернутый назадъ въ витринахъ библіотеки русскій текстъ грамотъ,* при чемъ на видъ выставлялись однѣ латинскія подписи польскихъ королей; наконецъ предметы, которымъ посвящено было три засѣданія: 1, обломокъ съ гербами, значащимися по каталогу польско-литовскими, которые г. попечитель музеума предъ коммисіею признавалъ за русско-московскіе, и оказавшіеся, по осмотру ихъ, ни тѣмъ ни другимъ, напоминая издали, ad libitum, смотря по роду посѣтителей, или тѣ или другіе; 2, зрительная труба, записанная въ каталогѣ принадлежавшею Костюшкѣ, но которая по осмотру оказалась позднѣйшаго произведенія?

Дѣло объяснилось прямыми заявленіями г. хранителя археологической коллекціи (на 6-мъ засѣданіи), что «гербы получили въ каталогѣ польско-литовское наименованіе по ошибкѣ, вслѣдствіе спѣшности составленія каталога,» и г. попечителя музеума (на 15 засѣданіи), что «зрительная труба внесена была въ музеумъ и принята въ ономъ подъ именемъ Костюшкиной для того, *чтобы придать болѣе рельефности коллекціи замѣчательныхъ предметовъ»* **). Если при этомъ вспомнимъ, что коммиссія

---

*) Постановленіе *не логично:* отецъ архимандритъ Александръ отказывался быть членомъ не потому, чтобы не имѣлъ разрѣшенія начальства, котораго въ такихъ случаяхъ ни отъ кого и ни въ какомъ вѣдомствѣ не требовалось и не требуется. Нелогичность эта чувствовалась и самою коммисіею, которая, принявъ постановленіе свое къ исполненію (съ тѣхъ поръ она не избрала въ члены свои ни одного изъ лицъ православнаго духовенства) въ печатномъ изданіи своихъ записокъ, въ ряду прочихъ статей протокола, его не помѣстила.

**) Если припомнимъ разсказъ о томъ, какъ старичокъ Якутовичъ, котораго портретъ и барельефъ хранятся въ музеумѣ, хотя въ ученомъ мірѣ г. Вильны онъ и не былъ извѣстенъ, путеводитель въ музеумѣ, показывалъ дѣтямъ коллекціи: «А чій то душко портретъ?»— То Стефанъ Баторій.— «Добже, дзѣцко, добже, то нашъ Стефанъ; а чимъ знакомитый былъ тенъ круль Стефанъ?»— Москали билъ, дзядуню.— «Сличнѣ, дзѣцко, сличнѣ, о то машъ, душко цукѣрекъ,.» И онъ давалъ ребенку конфетку, запасъ которыхъ у него бывалъ всегда на этотъ случай въ карманѣ.

нашла въ витринѣ библіотеки русскій текстъ граматъ отвороченнымъ назадъ, при чемъ основательно полагать, что можно было въ случаѣ нужды обратить его и на лицо,—то легко объясняется какъ *русскіе* видѣли товаръ лицомъ; *полякующіе* и поляки видѣли обратную его сторону; и какъ, тѣмъ и другимъ показывались такіе предметы, какіе для произведенія впечатлѣнія требовались; что, наконецъ коммисія, взглянувшая на общее собраніе предметовъ попристальнѣе, нашла въ музеумѣ преобладаніе послѣднихъ надъ первыми.

Ненаучное состояніе въ которомъ найденъ музеумъ, а также слухи, распространяемые о ненаучномъ способѣ дѣйствій коммисіи, учрежденной графомъ Муравьевымъ, были причиною что г. главный начальникъ края разрѣшилъ обнародованіе протоколовъ коммисіи, дабы стороннимъ людямъ и тѣмъ ученымъ обществамъ и лицамъ, съ которыми временная археологическая коммисія при виленскомъ музеумѣ находилась въ сношеніяхъ, разъяснить научный способъ дѣйствій той или другой стороны.

При этомъ, вниманію лицъ, которыя затруднились бы прочитать всѣ протоколы, поручаются слѣдующія засѣданія: о двусмысленныхъ гербахъ 4 и 6; о недоброжелательствѣ и неблагонадежности администраціи музеума 8 и 22; о безпорядкахъ по библіотекѣ 9-е, 10-е и конецъ 22; объ отвороченномъ назадъ текстѣ грамотъ 13; о зрительной трубѣ Костюшки 6 и 15; о коллекціи печатей 17; о витринѣ вещей французской арміи 18; о нумизматической коллекціи 19; о протестѣ г. попечителя музеума 21-е.

ДНЕВНИКЪ ЗАСѢДАНІЙ

коммисіи для разбора и приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ виленскомъ музеумѣ древностей.

ЗАСѢДАНІЕ ПЕРВОЕ, 1 марта 1865 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ попечителя виленскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Корнилова члены: флигель-адъютантъ Его Величества полковникъ Михаилъ Валентиновичь князь Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ, попечитель музея, графъ Евстаѳій Піевичъ Тышкевичъ, директоръ раввинскаго училища коллежскій ассесоръ Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ,священникъ каѳедральнаго собора АнтонійПщолко и архиваріусъ виленскаго центральнаго архива, коллежскій совѣтникъ Никита Ивановичъ Горбачевскій. Въ засѣданіи коммисіи присутствовалъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Аркадій Димитріевичъ Столыпинъ.

Засѣданіе открыто чтеніемъ предложенія господина глав-

наго начальника сѣверо-западнаго края, генерала отъ инфантеріи Михаила Николаевича Муравьева, 27 февраля 1865 года за № 2819, на имя г. предсѣдателя коммисіи, слѣдующаго содержанія: „Съ 1856 года существуетъ въ г. Вильнѣ музей древностей, открытый съ Высочайшаго соизволенія и состоящій подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА. Музеумъ этотъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія о немъ(пунктъ 1), долженъ заключать въ себѣ предметы, относящіеся къ исторіи западнаго края Россіи, съ цѣлію, способствуя сохраненію памятниковъ древности, доставить возможность воспользоваться ими къ изученію края, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно выраженію Высочайшаго рескрипта Государя Наслѣдника Цесаревича на имя попечителя музеума графа Тышкевича, содѣйствовать къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ прочими областями Россіи. Между тѣмъ, не смотря на такое прямое и ясное указаніе главнаго назначенія, даннаго Высочайшею Волею этому собранію древностей литовско-русскаго края, большая часть предметовъ, заключающихся въ ономъ, составляетъ коллекцію, относящуюся къ чуждой этому краю польской народности. Такое совокупленіе въ этомъ, открытомъ для публики, хранилищѣ литовско-русской старины предметовъ, относящихся къ польскому народу и польской исторіи, и размѣщеніе на первомъ планѣ тѣхъ изъ нихъ, которые болѣе другихъ напоминали бы о временномъ владычествѣ польскомъ въ здѣшнемъ краѣ, служило къ поддержанію въ здѣшнемъ населеніи и обществѣ превратныхъ понятій о томъ, что край этотъ есть край польскій, а не русскій, а также къ возбужденію въ публикѣ польскихъ идей, противуправительственныхъ стремленій и притязаній на мнимыя

права Польши на западно-русскій край; такъ, что одинъ изъ предметовъ, и именно мраморную группу, работы художника Сосновскаго, изображающую соединеніе Литвы съ Польшею, какъ возбуждавшую болѣе другихъ любопытство и вниманіе публики, и при содѣйствіи революціонной польской партіи сдѣлавшуюся моделью для копій и снимковъ, распространяемыхъ въ народѣ,—я призналъ нужнымъ изъять изъ музея и отправить въ С.-Петербургъ въ распоряженіе министра Императорскаго Двора. Въ видахъ пересѣченія на будущее время подобныхъ несвойственныхъ ни здѣшней народности, ни настоящему положенію края заявленій, а равнымъ образомъ, почитая необходимымъ сообщить виленскому музеуму надлежащій ему характеръ, соотвѣтственный назначенію быть собраніемъ и хранилищемъ предметовъ, напоминающихъ о русской народности, православіи, искони господствующихъ въ здѣшнемъ краѣ, и содѣйствовать къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ литовскія губерніи съ Россіею, я поручаю вашему превосходительству составить особую коммисію подъ вашимъ предсѣдательствомъ изъ состоящаго въ моемъ распоряженіи флигель-адъютанта ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полковника князя Шаховскаго Глѣбова-Стрѣшнева, попечителя музеума каммеръ-юнкера графа Евстаѳія Тышкевича, вновь назначеннаго нынѣ директоромъ виленскаго раввинскаго училища коллежскаго ассесора Безсонова, священника Пщолко и архиваріуса виленскаго центральнаго архива Горбачевскаго, пригласивъ въ оную также для присутствованія и совѣщанія состоящаго въ моемъ распоряженіи свиты Его Величества генералъ-маіора Столыпина. Коммиссія эта должна немедленно заняться приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ предметовъ, находящихся въ музеумѣ, и за тѣмъ, отдѣливъ тѣ изъ нихъ, которые относятся собственно къ русской народности въ здѣшнемъ краѣ, устроить ихъ въ *пер-*

выхъ залахъ на видномъ мѣстѣ, съ надлежащимъ соотвѣтственнымъ описаніемъ, дабы каждому изъ посѣтителей музеума могли быть ясны и понятны эти живые свидѣтели искони присущей здѣшнему краю русской народной жизни; во *второй* разрядъ помѣстить предметы, относящіеся къ литовско-русскому началу, и устроить оные въ тѣхъ же залахъ; затѣмъ въ *третьемъ* разрядѣ соединить вещи, составляющія предметы обще-научные. Что же касается предметовъ, принадлежащихъ къ польской народности, а въ особенности портретовъ польскихъ королей и магнатовъ, временно владычествовавшихъ въ здѣшнемъ краѣ, а такъ же статуй и другихъ вещей и изображеній, относящихся къ польской исторіи, то таковые, какъ несоставляющіе предметовъ и назначенія музеума, собрать особо и размѣстить въ отдѣльной залѣ, впредь до дальнѣйшаго объ оныхъ распоряженія. Независимо отъ того, прошу поручить коммисіи озаботиться пересмотромъ положенія о музеумѣ, и, составивъ новый проэктъ устава для этого учрежденія, сообразный цѣли и назначенію онаго, представить мнѣ. Причемъ покорно прошу ваше превосходительство ускорить исполненіемъ всего вышеизложеннаго и распорядиться размѣщеніемъ предметовъ музеума согласно сдѣланнымъ выше указаніямъ. Для успѣшнаго же окончанія дѣла поручаю дѣлопроизводителемъ въ коммисіи быть прикомандированному къ моему управленію коллежскому ассесору Рачинскому, которому и предписано явиться къ вашему превосходительству". За тѣмъ по наглядномъ обзорѣ залъ библіотеки, собранія древностей и малаго портретнаго отдѣленія, было разсуждаемо о порядкѣ предстоящихъ работъ коммисіи и постановлено:

1) Чтобы ускорить, согласно желанію его высокопревосходительства, приведеніе музеума въ указанный порядокъ,

собираться ежедневно, посвящая занятіямъ отъ 12 часовъ до 2-хъ по полудни.

2-е) Въ виду требуемаго г. главнымъ начальникомъ края приведенія въ извѣстность всѣхъ предметовъ, находящихся въ музеумѣ, просить попечителя онаго графа Тышкевича, доставить къ засѣданію 4-го марта описи и каталоги, какіе есть; всѣ вообще замѣтки, какія имѣются у хранителей отдѣленій музеума, а также годичные отчеты, книги и протоколы бывшихъ засѣданій.

3-е) Въ предложеніи своемъ, г. главный начальникъ края, предметы, заключающіеся въ музеумѣ, раздѣляетъ на три главные разряда: 1-е предметы собственно къ русской народности въ здѣшнемъ краѣ относящіеся; 2 предметы относящіеся къ литовско-русскому началу; 3-е вещи составляющія предметъ обще-научнаго интереса. Что же касается вещей, не составляющихъ предметовъ назначенія музеума и подлежащихъ особому размѣщенію до дальнѣйшаго объ нихъ распоряженія, то коммиссія постановила считать такіе предметы въ разрядѣ *послѣднемъ*.

4-е) Но какъ большая часть зала, предназначенная для вещей перваго разряда, занята коллекціей предметовъ, относящихся къ разряду послѣднему, то для очищенія отъ нихъ мѣста принять слѣдующій, предложенный княземъ Шаховскимъ способъ: при разсмотрѣніи каталога и списковъ отмѣчать въ оныхъ, по рѣшенію большинства, тѣ предметы, которые назначаются въ послѣдній разрядъ, и по окончаніи засѣданія выносить эти предметы въ особое помѣщеніе, составляя имъ валовой перечень. Затѣмъ, если окажутся еще предметы, принадлежащіе къ послѣднему разряду, невошедшіе въ каталоги и списки, то таковые, по наглядномъ ихъ осмотрѣ и по рѣшенію большинства, присоединять туда же, со внесеніемъ въ валовой перечень.

5) Просить распоряженія г. попечителя музеума, чтобы ни

во время засѣданій, ни въ другое время, кромѣ гг. предсѣдателя, членовъ и дѣлопроизводителя коммисіи, никто въ музеумъ не входилъ, за исключеніемъ приглашаемыхъ въ случаѣ нужды, распространивъ это постановленіе на все время дѣйствій коммисіи. Вмѣстѣ съ симъ, просить графа Тышкевича, къ засѣданію четвертаго марта внести въ коммисію его соображенія: какія слѣдуетъ принять мѣры къ охраненію предметовъ во все время переноски и размѣщенія ихъ до совершеннаго окончанія дѣйствій коммисіи. Подписали Иванъ Корниловъ, флигель-адъютантъ князь Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, священникъ Антоній Пщолко, коллежскій ассесоръ Александръ Рачинскій, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, присутствовалъ Аркадій Столыпинъ.

ЗАСѢДАНІЕ ВТОРОЕ 4 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйст. стат. совѣт. Ивана Петровича Корнилова присутствовали: Князь Михаилъ Валентиновичъ Шаховской - Стрѣшневъ, графъ Евстафій Піевичъ Тышкевичъ, Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ, От. Антоній Іоанновичъ Пщолко и Никита Ивановичъ Горбачевскій.

1) Г. предсѣдатель, для помѣщенія предметовъ послѣдняго разряда предоставилъ во 2-мъ этажѣ зданій гимназіи залъ, рядомъ съ помѣщеніемъ музеума, такъ что вещи и удобно и недалеко переносимы быть могутъ. Внесеніе ихъ въ сей залъ, чрезъ особо приглашаемыхъ коммиссіею лицъ, а такъ-же храненіе ихъ въ ономъ, до дальнѣйшихъ распоряженій г. главнаго начальника края, принялъ на себя г. попечитель музеума, съ тѣмъ, чтобы замкнутая дверь была всякій разъ опечатана печатями г. предсѣдателя и его.

2) Попечитель музеума внесъ въ коммисію печатный

каталогъ предметовъ и рукописную опись портретамъ, хранящимся въ музеумѣ. Изъ каталога, изданія 1858 года, прочитано въ коммисіи шесть первыхъ отдѣловъ, при чемъ предметы послѣдняго разряда немедленно обозначались несомнѣнно подлежащими особому размѣщенію или сомнительными.

3-е) Изъ вышеозначенныхъ шести отдѣловъ гг. предсѣдателемъ и членами осмотрѣно четыре. Единогласно рѣшено: предметы, первыхъ трехъ отдѣловъ оставить пока безъ выдѣленія до подробнаго разсмотрѣнія нѣкоторыхъ мелкихъ ихъ отличій. Въ четвертомъ разрядѣ, коммисія обратила вниманіе на №№ отъ 1518 до 1540-го.

4) Работу при разборѣ предметовъ въ слѣдующихъ засѣданіяхъ коммисіи положено раздѣлить на два отдѣла: къ первому будетъ принадлежать опредѣленіе предметовъ, принадлежащихъ несомнѣнной выноскѣ; къ второму разсмотрѣніе предметовъ сомнительныхъ. Сомнительные предметы при началѣ каждаго засѣданія приносить въ присутствіе коммисіи чрезъ особо приглашенныхъ лицъ.

5) Графъ Тышкевичъ, во исполненіе постановленія 3 марта, заявилъ коммисіи свои соображенія о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять для охраненія предметовъ во все время переноски и размѣщенія ихъ въ отведенномъ залѣ до совершеннаго окончанія дѣйствій коммисіи: 1-е подвергнуть опечатанію извнутри печатями г. предсѣдателя и своею три наружныя двери музеума, оставивъ неопечатанными единственно двери главнаго входа, и ключь отъ сего послѣдняго по окончаніи каждаго засѣданія вручать г. предсѣдателю; или 2-е, ввѣрить сохраненіе всѣхъ предметовъ, состоящихъ и не состоящихъ въ описи, самому графу, на собственную его отвѣтственность.. Такъ какъ заявленія графа убѣдили, что 2-й способъ болѣе обеспечиваетъ цѣлость музеума, то коммисія допустила сей способъ; т. е. оставить,

подобно тому какъ было со времени основанія музеума, всѣ предметы онаго на храненіи, попеченіи, отвѣтственности графа. Подписали: Иванъ Корниловъ, флигель-адъютантъ князь Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, священ. А. Пщолко, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій и коллежскій ассесоръ Рачинскій.

ЗАСѢДАНІЕ ТРЕТЬЕ 5 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйств. стат. совѣт. И. П. Корнилова, присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, Графъ Е. П. Тишкевичъ, П. А. Безсоновъ, отецъ А. І. Пщолко и Н. И. Горбачевскій.

1) Предсѣдатель и члены вторично просили графа Тишкевича доставить къ засѣданію 6-го марта всѣ описанія, каталоги, отчеты по музеуму, напечатанные въ журналѣ М. Н. П. и между прочимъ каталоги библіотеки музеума. При чемъ графъ заявилъ, что наличное имущество музеума составляетъ общественное достояніе, но что описи далеко не заключаютъ въ себѣ всѣхъ предметовъ, разновременно поступившихъ въ музеумъ. Изъ сего князь Шаховской заключилъ о необходимости доложить г. главному начальнику края: не благоугодно ли будетъ его высокопревосходительству разрѣшить коммисіи правильное составленіе общей описи музеума, по наличному состоянію въ немъ предметовъ, съ назначеніемъ нѣкоторой суммы денегъ, въ распоряженіе г. предсѣдателя, на наемъ писцевъ. Предложеніе принято.—Ученымъ секретаремъ археологической коммисіи, внесенъ каталогъ книгамъ библіотеки музеума, на запискахъ. Постановили: хранить въ залѣ библіотеки.

2) Въ настоящемъ засѣданіи просмотрѣны каталога отдѣлы: вторично 6-й и вновь 7-й и 8-й.

3) Изъ осмотрѣнныхъ въ настоящемъ засѣданіи предметовъ опредѣлены къ вынесенію: 1, подъ № 2868 стоящій въ описи, столовой коверъ съ гербами Полубинскихъ, по заявленію гр. Тишкевича; вынести опредѣлили коверъ по той причинѣ, что онъ напоминаетъ совращеніе и ополяченіе русскаго дома, который принялъ польскій гербъ отъ польскихъ королей, и по каталогу, подъ №№ 1,538, 1539, 2466, 24, 74, 2475 и 2476, слѣдующіе предметы: 2) Два стекла съ живописью изъ костела Богородицы *въ Краковѣ;* 3) Сабля съ польскимъ орломъ и польскою надписью: „виватъ шляхтицъ, панъ и фундаторъ войска" „виватъ добро повшехносци;" съ другой же стороны литовскій всадникъ и надпись „виватъ наивысша владза шляхты, виватъ вольне сеймики и послы", изъ дома гр. Тышкевичей 4) сабля съ надписью: pro gloria Poloniae; 5) два клинка отъ шпагъ, называемыхъ Августовки.

4) По сомнительности, назначены къ осмотру въ засѣданіи 6 марта предметы, значущіеся въ каталогѣ подъ №№ 2464, 2465, 2467, 2468, 2473, 2477, 2488, 2491, 2506, 2504, 2517, 2518, 2520, 2522, 2523 и 2524. Подписали: И. Корниловъ, флигель-адъютантъ князь Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, священникъ Антоній Пщолко, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, коллежскій ассесоръ Рачинскій.

Засѣданіе четвертое 6 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. П. Корнилова, присутствовали: князь М. В. Шаховской, графъ Е. П. Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ П. Безсоновъ, отецъ А. I. Пщолко и Н. И. Горбачевскій.

1) Осмотрѣвъ предметы, упомянутые въ протоколѣ вчерашняго засѣданія, изъ VI отдѣленія отъ № 2465 до 2504, коммисія опредѣлила несомнѣнное отдѣленіе въ послѣдній разрядъ №№ 2465, 2470, 2475, 2476, 2483, 2493, 2497, 2503 и 2504, слѣдующихъ предметовъ: 6) Сабля съ отчеканеннымъ изображеніемъ Сигизмунда III; 7, 8, 9 и 10, сабли, именуемыя „Августовки“ по вычеканенному на нихъ вензелю А.; 11) бердышъ; 12 и 13) два молота; 14 и 15) двѣ тронныя алебарды: пять послѣднихъ номеровъ значатся въ каталогѣ составлявшими почетное оружіе внутренней стражи Августа II, изъ Дрездена; 16 два ржавыхъ клинка внесенные Яномъ Островскимъ съ польскими на рукояткахъ надписями имени его.

2) Прочитаны по каталогу 1858 года отдѣленія VII, VIII, IX, и X до № 2868.

3) Изъ отдѣленій VII, VIII и частью X назначены къ осмотру въ засѣданіи 8 марта сомнительные предметы подъ №№ 2537, 2547, 2556, 2557, 2574, 2588, 2591, 2602, 2603, 2611, 2617, 2619, 2620, 2632, 2633, 2638, 2639, 2644, 2649 и 2640.

4) При разсмотрѣніи въ каталогѣ отдѣла X, назначены къ несомнѣнному отдѣленію №№ 2708, 2709, 2710, 2718, 2722, 2724, 2728, 2731, 2732, 2734, 2737, 2737, 3745, 2752, 2753, 2775, 2779, 2785, 2787, 2802, 2803, 2806, 2810, 2811, 2819, 2821, 2827, 2831, 2835 и 2837. № 2774 былъ описанъ по ошибкѣ.

5) Въ каталогѣ, который составленъ г. Киркоромъ, Вильна, 1858, значится: а) подъ № 2729, „обломокъ найденнаго надгробія съ гербами В. К. Литовскаго и Царства польскаго и двумя неизвѣстными, отысканный въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ.“ При сужденіи о несомнѣнномъ отдѣленіи сего предмета въ послѣдній разрядъ, г. попечитель музеума графъ Тышкевичъ заявилъ, что гербы

совершенно ошибочно названы литовскимъ и польскимъ, и затѣмъ указалъ самый барельефъ, высоко надъ портретомъ Государя Цесаревича вдѣланный въ стѣну; на немъ, сколько можно было судить при отдаленіи, въ двухъ верхнихъ частяхъ герба орелъ изъ двухъ бывшихъ на немъ главъ нынѣ явственную имѣетъ одну, а въ изображеніи всадника, въ которомъ гр. Тышкевичъ признаетъ Георгія побѣдоносца, верхняя часть отбита. б) 2779 „Зрительная труба Ѳ. Костюшки, переданная имъ подъ Мацѣевцами генералу Понговскому"; в) 2819 „отломокъ отъ ордена св. Станислава-Августа", и г) 2831 „частица платья изъ гроба Петра Скарги въ Краковѣ." О послѣднихъ трехъ предметахъ гр. Тышкевичъ такъ же заявилъ, что подлинность ихъ и описаніе сомнительны. Коммисія нашла необходимымъ, для рѣшенія сомнѣній, изъявленныхъ гр. Тышкевичемъ о сихъ четырехъ нумерахъ, и для разъясненія, почему они въ каталогѣ опредѣлены такъ положительно, пригласить въ свое присутствіе хранителя археологической коллекціи и составителя католога, А. К. Киркора, на слѣдующее засѣданіе.

6) Пятое засѣданіе, по случаю воскреснаго дня, отложено на понедѣльникъ 8 числа. Подписали: И. Корниловъ, флигель-адъютантъ князь Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, священникъ А. Пщолко, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, дѣлопроизводитель Рачинскій.

Засѣданіе пятое, 8 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. П. Корнилова присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Е. П. Тышкевичъ, П. А. Без-

соновъ, от. А. I. Пщолко и Н. И. Горбачевскiй. Въ засѣданiи присутствовалъ свиты Е. И. В. Аркадiй Димитрiевичъ Столыпинъ.

1) При разсмотрѣнiи въ каталогѣ предметовъ помѣщенныхъ въ X отдѣлѣ съ № 2842 отмѣчены къ осмотру вещи подъ №№ 2842-2845, 2859-2865, 2872, 2878, 2880, 2882, 2886, 2893, 2895, и 2909.

2) Въ томъ же отдѣлѣ признаны подлежащими осмотру, и, если съ описанiемъ ихъ въ каталогѣ окажутся вѣрными, то несомнѣнному перенесенiю въ послѣднiй разрядъ вещи подъ слѣдующими №№: 2869, 2871, 2879, 2881, 2883, 2884, 2897, 2908, 2911, 2914, 2919 и 2920.

3) Въ засѣданiи возобновленъ былъ А. Д. Столыпинымъ вопросъ: не слѣдуетъ ли памятниковъ, относящихся до литовско-русскаго боярства, въ видѣ портретовъ, надгробниковъ, гербовъ, хотя бы то и времени польскаго въ краѣ владычества, не смѣшивая ихъ съ памятниками чисто польскими, оставлять въ музеумѣ, при приличныхъ къ нимъ надписяхъ, объясняющихъ время и степень важности политическаго отступничества лицъ, если таковое было (не касаясь религiознаго ихъ совращенiя, какъ вопроса посторонняго, по смыслу даннаго коммисiи г. главнымъ начальникомъ края порученiя). По обсужденiи сего вопроса коммисiя пришла къ заключенiю, что, по точному смыслу указанiя г. главнаго начальника края, при самомъ учрежденiи коммисiи, отдѣленiю вообще, впредь, до дальнѣйшаго объ нихъ распоряженiя, подлежатъ всѣ вещи и изображенiя, относящiяся къ польской исторiи, какъ не составляющiя предметовъ прямаго назначенiя виленскаго музеума. Памятники же бывшихъ прежде литовско-русскихъ бояръ, добровольно принявшихъ при польскомъ владычествѣ характеръ магнатовъ польскихъ, уже по этому самому неразрывно связаны съ

исторіею Польши; а потому и должны быть прежде всего отдѣлены, особо размѣщены и по возможности подробно описаны,—впредь до дальнѣйшаго объ нихъ распоряженія. Подписали: И. Корниловъ, флигель-адъютантъ князь Шаховской-Стрѣшневъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, священникъ А. Пщолко, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, Аркадій Столыпинъ, дѣлопроизводитель Рачинскій.

ЗАСѢДАНІЕ ШЕСТОЕ 9 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйств. стат. совѣт. И. П. Корнилова присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, П. А. Базсоновъ, отецъ А. І. Пщолко и Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіе прибыли свиты Е. И. В. ген.-маіоръ А. Д. Столыпинъ и особо приглашенные: б. ректоръ кіевскаго университета св. Владиміра, дѣйств. стат. совѣтн. Ник. Димит. Иванишевъ и хранитель археологической коллекціи, надв. совѣт. Ад. Карл. Киркоръ.

1) Г. предсѣдатель предъявилъ коммисіи полученный имъ сего числа отзывъ гр. Евст. Піев. Тышкевича о томъ, что по случаю нездоровья онъ не можетъ сего дня присутствовать. Во время засѣданія, коммисія чрезъ своего предсѣдателя обратилась къ гр. Тишкевичу съ просьбою указать, къ кому, въ случаѣ надобности, и въ отсутствіе графа, отнестись, по сохраненію въ цѣлости предметовъ музеума. Гр. отвѣтилъ, что ключи отъ всѣхъ витринъ находятся у письмоводителя; швейцаръ и другой служитель имѣютъ приказаніе не впускать никого въ музеумъ и отвѣчаютъ за цѣлость вещей. Затѣмъ графъ предполагая, что болѣзнь его быть можетъ по обыкновенію продолжительна, заключаетъ, что коммисіи со своей стороны слѣдовало бы принять мѣры для сохраненія всего, что

составляетъ коллекціи музеума. На отзывъ коммисіи, что такъ какъ 5-ю статьею протокола 4-го марта было рѣшено оставить сохраненіе всѣхъ предметовъ, состоящихъ и не состоящихъ въ описи, на храненіи, попеченіи и отвѣтственности графа, то и въ настоящемъ случаѣ коммисія, не можетъ принять на себя отвѣтственности за цѣлость коллекцій, содержаніе которыхъ ей не вполнѣ извѣстно,— Графъ отвѣтилъ, что отвѣтъ на сей отзывъ къ завтрашнему засѣданію коммисіи доставить будетъ считать обязанностію.

2-е) Отложивъ, по болѣзни попечителя музеума, графа Тышкевича осмотръ какъ сомнительныхъ такъ и несомнѣнно слѣдующихъ къ отдѣленію въ послѣдній разрядъ предметовъ археологическаго отдѣла, коммисія приступила къ разсмотрѣнію описи портретовъ и гравюръ; и отмѣтила въ ней подлежащими отдѣленію въ послѣдній разрядъ №№ 2, 5, 7, 9, 11, 13, 14, 16--24, 27—29, 32; 34—36, 38—40, 47—49, и 51—55.

3) Коммисія поручила члену своему Н. И. Горбачевскому и дѣлопроизводителю А. В. Рачинскому разсмотрѣніе протоколовъ засѣданій археологической коммисіи со времени ея учрежденія, для опредѣленія предметовъ, не вошедшихъ, какъ заявлялъ графъ Тышкевичъ, въ описи.

4) Между тѣмъ, хранитель археологической коллекціи музеума А. К. Киркоръ, приглашенный по послѣднему протоколу въ засѣданіе коммисіи, разъяснялъ возникшія со стороны графа Тышкевича въ засѣданіи 6 марта сомнѣнія, относительно правильности наименованія въ каталогѣ (изданія г. Киркора 1858 г.) разныхъ предметовъ, и между прочими: № 2729, обломка съ литовско-польскими гербами; № 2779, зрительной трубы Костюшки; № 2819 отломка ордена св. Станислава Августа, и № 2831 частицы платья изъ гроба Петра Скарги. Изъ разъясненій г. Киркора видно, что „памятнику, намекающему на бывшее изображеніе

двуглаваго орла и великомученика Георгія—приданъ въ каталогѣ характеръ литовско-польскій ошибкою; что принадлежность трубы Костюшкѣ свидѣтельствовалась запискою, при которой внесъ ее въ музеумъ г. Костровицкій: записка лежала съ предметомъ до внесенія его въ каталогъ, послѣ чего была брошена, какъ не нужная. Опечатку въ выраженіи „орденъ св. Станислава Августа“ должно читать такъ: „орденъ св. Станислава принадлежавшій королю Августу;“ частицу платья Петра Скарги кто-то, не помнитъ, привезъ изъ Кракова, гдѣ частицы такія продаются по талеру. О происхожденіи другихъ предметовъ въ коллекціи нѣтъ положительно никакихъ документовъ: ошибки въ каталогѣ объясняются спѣшностію его составленія, въ теченіе двухъ недѣль, къ пріѣзду Государя Императора; самый каталогъ, не имѣя ни какого научнаго значенія, представляетъ изданіе, подлежащее не болѣе какъ литературной полемикѣ.“ Затѣмъ г. Киркоръ просилъ „не обращая никакого вниманія на каталогъ, приступить къ непосредственному описанію музеума, по наличному его состоянію.“ А. Д. Столыпинъ возразилъ, что онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннѣйшаго консерватора археологическаго отдѣла, о совершенномъ отсутствіи научнаго значенія каталога, такъ какъ онъ былъ въ свое время разосланъ во всѣ ученыя общества и ко всѣмъ ученымъ лицамъ, состоящимъ въ сношеніяхъ съ виленскою археологическою коммисіею, и по этому уже служитъ мѣриломъ научнаго достоинства самаго музеума. Затѣмъ, для сохраненія научнаго достоинства за учрежденіемъ, составляющимъ общественное достояніе, и тѣсно связаннымъ съ археологическимъ обществомъ, которое считаетъ въ числѣ членовъ своихъ ученыя знаменитости въ нашемъ обширномъ отечествѣ и во всей Европѣ, Аркадій Димитріевичъ изъявляетъ желаніе видѣть опубликованнымъ критическій об-

зоръ каталога; такой обзоръ, обличивъ политическія, если онѣ въ немъ есть, тенденціи—придать коллекціи исключительно польско-литовскій характеръ, — докажетъ научную несостоятельность изданія, предназначеннаго служить руководителемъ въ музеумѣ для отсутствующихъ его членовъ.

Коммисія, обращаясь къ преподанной г. главнымъ начальникомъ края системѣ работы, и усматривая изъ объясненія г. Киркора, что, кромѣ не точно и безъ твердо-научныхъ основъ составленнаго каталога археологическаго отдѣла, она не имѣетъ никакого другаго руководства для болѣе правильной классификаціи предметовъ, заключила:

а) Во исполненіе 4 ст. протокола перваго своего засѣданія 3 марта, продолжать отдѣленіе предметовъ послѣдняго разряда, сначала по каталогу, на сколько описанія его окажутся вѣрными съ признаками предметовъ, а потомъ, по наглядному ихъ осмотру, съ рѣшеніемъ по большинству голосовъ. б) Г-ну предсѣдателю предоставить, согласно 1 ст. протокола засѣданія 5-го марта, по заявленной графомъ Тышкевичемъ неполнотѣ *описей, далеко не заключающихъ въ себѣ всѣхъ предметовъ разновременно поступившихъ въ музеумъ*, войти къ господину генералъ-губернатору съ представленіемъ, не угодно ли будетъ его высокопревосходительству разрѣшить составленіе описей по наличному состоянію предметовъ въ музеумѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, в) согласно предложенію А. Д. Столыпина просить разрѣшенія: по окончаніи трудовъ коммиссіи, по составленіи критическаго обзора каталога, основываясь между прочимъ на мнѣніяхъ гр. Тышкевича и г. Киркора о невѣрности и неполнотѣ описаній, обсудить какъ ученую несостоятельность каталога, такъ и мѣры для поддержанія въ глазахъ ученаго міра значенія и достоинства виленскаго древлехранилища, предавъ самый критическій обзоръ печатной глас с и. Подписали: И. Корниловъ, флигель-

адъютантъ князь Шаховской-Стрѣшневъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, свящ. А. Пщолко, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, присутствовалъ Аркадій Столыпинъ, дѣлопроизводитель Рачинскій.

ЗАСѢДАНІЕ СЕДЬМОЕ 10 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйст. стат. совѣт. И. П. Корнилова присутствовали члены: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, П. А. Безсоновъ, священникъ А. І. Пщолко, и Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіи присутствовалъ свиты Е. И. В. ген.-маіоръ Аркадій Димитріевичъ Столыпинъ.

1) Г. предсѣдатель предъявилъ коммисіи отзывъ гр. Тышкевича о томъ, что „въ виду 10-ти лѣтней ненарушимости порядка принятаго для храненія предметовъ въ музеумѣ, подъ наблюденіемъ его и лицъ, имъ для сего назначенныхъ, не предстоитъ и теперь, по случаю болѣзни его, принимать какія либо особенныя мѣры; ибо цѣлость предметовъ въ музеумѣ по прежнему остается на отвѣтственности непосредственнаго его начальства."

Коммисія усматриваетъ, что настоящее заявленіе гр. Тышкевича нѣсколько несогласно съ вчерашнимъ его отзывомъ № 2, которымъ графъ, въ предположеніи, что болѣзнь его продлится, предлагалъ коммисіи принять съ своей стороны мѣры къ сохраненію въ цѣлости всего, что составляетъ коллекціи музеума. Находя, что завѣренія графа, какъ непосредственнаго попечителя музеума,—при извѣстномъему постановленіи коммисіи, *чтобы никто, кромѣ членовъ ея не входилъ въ музеумъ*, и при болѣзни его, могущей продлжиться,—несовершенно достаточно для обезпеченія цѣлости коллекцій, коммиссія постановила принять и настоящій отзывъ гр. Тышкевича къ свѣдѣнію и обсужденію 11-го марта.

2) Членъ коммисіи Н. И. Горбачевскій докладывалъ коммисіи результаты произведеннаго имъ обзора протоколовъ двадцати одного засѣданія археологической коммисіи 1856 и 1857 годовъ. Изъ предметовъ ему показавшихся замѣчательными, обращалъ онъ вниманіе коммисіи на слѣдующіе:

а) ***Въ засѣданіи* 11 *февраля* 1856 *г*.** Семьдесятъ четыре книги древнихъ рукописей, относящихся къ внутренней жизни мѣстныхъ монастырей.— Постановленіе, отнюдь не избирать въ члены коммисіи лицъ православнаго духовенства, *„безъ разрѣшенія ихъ начальства.“*— Три тома хронологическаго описанія актовъ виленской капитулы съ 1387 по 1717 годъ.

б) ***Засѣданіе* 11 *сент*. 1856 *г*.** Рукописи, содержащія подлинную корреспонденцію кардиналовъ Бандини, Барберини, Касмуса и другихъ (на 127 листахъ) съ грекоунитскими митрополитами, о причисленіи къ лику святыхъ полоцкаго архіепископа Іоасафата Кунцевича и о прочемъ.

в) ***Засѣданіе* 11 *іюня* 1856.** Грамоты касающіяся сношеній полоцкихъ князей съ ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ.

г) ***Засѣд*. 11 *іюля* 1856.** Описаніе лѣсовъ въ Царствѣ Польскомъ, Полуянскаго изъ Сувалокъ.

д) ***Засѣд*. 11 *августа* 1857.** Копія акта люблинской уніи 1569, которую археологическая коммисія приняла *съ чувствительнѣйшею благодарностью.*—Инвентарная книга музеума.

е) ***Засѣд*. 11 *ноября* 1857.** Бюстъ Яна Кохановскаго, *князя польскихъ поэтовъ.*— Собственноручныя письма гетмана Масальскаго, ксендза Колонтая, генераловъ: Зайончека, Миранда, Фишера и маршалу Даву.

ж) ***Засѣд*. 11 *декабря* 1857.** Подробное описаніе шт.-капит. генер. штаба Коревы въ стратегическомъ отно-

шеніи мѣстечка Рѣчки, въ 15-ти верстахъ отъ Вилейки по полоцкому тракту.

Коммисія изъявляетъ члену своему Н. И. Горбачевскому искреннюю признательность за открытіе слѣдовъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, касающихся исторіи края, и о которыхъ умалчивали доселѣ всѣ предъявленныя коммисіи поверхностные перечни предметовъ въ музеумѣ. Находя вмѣстѣ съ симъ, что не смотря на убѣдительныя приглашенія г-ну попечителю музеума, въ ст. второй засѣданія 3 марта и въ ст. первой засѣд. 5 марта, описанія музеума поступаютъ въ коммисію весьма туго, постановлено: въ послѣдній разъ, за болѣзнію графа Тышкевича, поручить г. ученому секретарю Круповичу, немедленно доставить коммисіи, какія еще есть описи, каталоги, и въ особенности открытый Н. И. Горбачевскихъ инвентаръ музеума, поименованныя книги и собраніе рукописей о Кунцевичѣ; о чемъ г. Круповичу и объявлено въ засѣданіи коммисіи.

3) Въ третьемъ засѣданіи коммисіи 5 марта г. Круповичъ внесъ каталогъ книгъ библіотеки, расположенный по предметамъ на запискахъ. Графъ Тышкевичъ въ томъ же засѣданіи заявилъ, что предметовъ противу описей, должно быть значительно болѣе; между тѣмъ, сегодня открыты на одномъ изъ столовъ библіотеки въ ящикѣ пятнадцать записокъ, изъ коихъ двѣ, съ отмѣткою карандашомъ „секретны“, носятъ слѣдующія названія: „Збіоръ универсаловъ въ часъ народовего повстаня выдаваныхъ“ „Збіоръ нужныхъ одезвъ до войскъ обойга народовъ, 1789, 1792, 1793, 1794,“ — поручено г. Круповичу доставить предметы обѣихъ названій, а дѣлопроизводителю къ будущему засѣданію доложить всѣ пятнадцать названій. Подписали: И. Корниловъ, князь Шаховской-Стрѣшневъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, коллежскій совѣтникъ Горба-

чевскій, присутствовалъ Аркадій Столыпинъ, свящ. А. Пщолко, дѣлопроизводитель Рачинскій.

ЗАСѢДАНІЕ ВОСЬМОЕ 11 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйств. стат. совѣтника И. П. Корнилова присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, П. А. Бевсоновъ и Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіи присутствовалъ свиты Е. И. В. генер.-маіоръ А. Д. Столыпинъ. Членъ, о. Антоній Пщолко отсутствовалъ по занятіямъ въ городѣ.

1) Ученый секретарь Круповичъ представилъ въ коммисію дополненіе каталога орнитологическаго отдѣла по 1111 предметамъ и опись 10 нумеровъ фортификаціонныхъ моделей. Въ настоящее время въ рукахъ коммисіи находятся разновременно г. Круповичемъ представленные: 1) Каталогъ археологической коллекціи, изданный г. Киркоромъ 1858 г.; 2) Каталогъ предметовъ по естественнымъ наукамъ на 21 листѣ; 3) печатныя записки виленской временной археологической коммисіи 1858; 4) систематическая опись минералогическаго кабинета, 1842 г.; 5) рукописный переченъ „Animalia evertebrata“; 6) каталогъ портретовъ, рисунковъ и ландшафтовъ; 7) два тома протоколовъ засѣданій археологической коммисіи съ 1856 по 1865 г.; 8) Инвентарь музеума, на польскомъ нарѣчіи и подъ польскимъ названіемъ, „спись офяръ“; 9) опись фортификаціоннымъ моделямъ; и наконецъ: 10) Каталогъ книгъ библіотеки музеума на запискахъ. Затѣмъ г. Круповичъ объявилъ, что ни у кого изъ хранителей музеума никакихъ болѣе описаній не имѣется; и вслѣдъ за симъ, нашлись на столикахъ библіотеки и въ столѣ письмоводителя четыре связки записокъ къ катологу библіотеки. Постановлено: просить распоряженія г. попечителя музеума, что-

бы всѣ предметы, какіе могутъ находиться на рукахъ, внѣ стѣнъ музеума, были немедленно въ оный возвращены.

2) Предсѣдатель, чрезъ письмоводителя, поручилъ ученому секретарю представить къ засѣданію 12 марта слѣдующія изданія: 74 книги древнихъ рукописей о внутренней жизни мѣстныхъ монастырей; 2) три тома хронологическаго описанія актовъ виленской капитулы съ 1387 по 1717 годъ; 3) Описаніе лѣсовъ въ Царствѣ Польскомъ, Полуянскаго; 4) Копію акта люблинской уніи 1569 года, 5) Собственноручныя письма Масальскаго, Колонтая, Даву, Зайончека и Фишера.

3) Свиты Е. И. В. генер.-маіоръ Столыпинъ заявилъ слѣдующее мнѣніе: такъ какъ первые пріемы коммисіи совершенно доказали неблагонадежность прежняго храненія музеума, нѣкоторыя злоупотребленія при семъ, не только неохоту со стороны дѣятелей при немъ состоявшихъ содѣйствовать успѣшнымъ дѣйствіямъ коммисіи, но даже и явное недоброжелательство, противудѣйствующія успѣхамъ коммисіи; между тѣмъ г. попечитель музеума заявилъ свою болѣзнь, люди же, коимъ онъ предоставилъ обезпеченіе въ храненіи музеума, совершенно коммисіи неизвѣстны, и обязанности ихъ раздроблены; то посему онъ считаетъ необходимымъ, для сохраненія предметовъ музеума составляющаго собственность государственную представить его высокопревосходительству господину главн. начальнику края и просить о устраненіи связи археологической коммисіи съ музеумомъ на все время дѣйствій настоящей коммисіи; съ другой стороны, дабы избавить совершенно сію послѣднюю отъ пріема и храненія предметовъ музеума, и отвѣтственности за то,—назначить, кого благоугодно ему, особаго чиновника съ необходимими помощниками, для пріема по инвентарю, и по наличному числу предметовъ сего музеума, отъ служащихъ при ономъ и числящихся лицъ, чисто админи-

стративнымъ порядкомъ, а вмѣстѣ, для храненія поставить при залахъ музеума часовыхъ. Настоящая коммисія, совершенно устраненная отъ сего, въ видахъ болѣе ученыхъ, пользуясь услугами администраціи, для большагo успѣха, будетъ продолжать разсмотрѣніе предметовъ и разграниченіе ихъ по указаннымъ отдѣламъ. Коммисія постановила: совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ А. Д. Столыпина, тѣмъ болѣе, что послѣ того, какъ съ самаго начала засѣданій, коммисія двукратно, 3 и 5 марта, просила г. попечителя музеума приказать доставить какія только есть описанія музеума, лишь 10 марта внесены были въ коммисію протоколы засѣданій временной археологической коммисіи, и тогда уже, послѣ заявленія ученаго секретаря Круповича, что никакихъ болѣе описаній не имѣется, членъ Н. И. Горбачевскій, разсматривая, по порученію коммисіи, протоколы, открылъ существованіе общаго инвентаря: проситъ, чрезъ посредство г. предсѣдателя, о приведеніи сего мнѣнія въ исполненіе. Подписали: И. Корниловъ, князь Шаховской-Стрѣшневъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, присутствовалъ Аркадій Столыпинъ, коллежскій ассесоръ Рачинскій.

ЗАСѢДАНІЕ ДЕВЯТОЕ 12 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйст. стат. совѣт. Н. П. Корнилова присутствовали: графъ Е. П. Тышкевичъ, князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, П. А. Безсоновъ, Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіи присутствовалъ свиты Е. И. В. ген.-маіоръ Аркадій Димитріевичъ Столыпинъ. Членъ О. Ант. Іоан. Пщолко по нездоровью отсутствовалъ.

1) Дочитанъ съ 56 по 114 № включительно каталогъ портретной коллекціи музея.

2) Осмотрѣна часть портретной бюстовой и барельефной

коллекціи; и изъ нея, по большинству голосовъ опредѣлены къ отнесенію въ послѣдній разрядъ семьдесятъ два №№, изображающіе: 1) Королевича Казиміра; 2) митрополита Булгака; 3) Казиміра; 4) Дамеля; 5) Казиміра; 6) Чернецкаго; 7) Баторія; 8) Сапегу; 9) Догеля; 10) гр. Валицкаго; 11) Баторія; 12) Джеферсона; 13) слѣпокъ костельныхъ дверей изъ Гнѣзна; 14) жену Собѣсскаго; 15) Варвару Радзивилъ; 16) Мадонну; 17) Фотографію послѣдняго суда; 18) Пинабеля; 19) Августа II; 20) Панекоханку Радзивила; 21) Гюбеля; 22) Браницкаго; 23 и 24) памятникъ Лещинскаго въ Нанси; 25) Флемминга; 26) дѣда костельнаго; 27) гр. Хрептовича; 28) Смуглевича; 29) Нарушевича; 30) неизвѣстн. содержанія; 31) Ельскаго работы барельефъ *Якутовича;* 32) Ириду; 33) Сырокомлю; 34) смерть Варвары Радзивилъ; 35) модель памятника Дмоховскому; 36) Мицкевича; 37, 38, 39, 40, 41, 42, 48, 49 и 50 модель и детали памятника Варвары Радзивилъ; 43 и 46) на мѣди папу Григорія XVI и Непомочена; 44 и 45) на мѣди неизвѣстнаго содержанія; 51) Іосифа Понятовскаго; 52) Андр. Снядецкаго; 53) Ходкевича; 54) барельефы временъ унитства въ Троицкомъ монастырѣ; 55) Льва Сапѣгу; 56) канцлера Платера; 57) гербъ Варв. Нарушевичевой; 58) Рустема; 59 и 60) надгробные барельефы; 61 и 62) надгробныя бляхи Огинскихъ; 63) надгробникъ; 64) барельефъ; 65) Хрептовича; 66) І. Франка; 67) Жилинскаго; 68) Нѣмцевича; 69) польскій надгробникъ; 70) гербъ; 71) гробовая бляха; 72) тожъ. Всѣ сіи предметы мѣломъ или углемъ занумерованы. Постановлено: просить г. попечителя музеума о переноскѣ исчисленныхъ предметовъ въ опредѣленное помѣщеніе, въ присутствіи члена сей коммисіи Ник. Ив. Горбачевскаго.

3) Членъ коммисіи П. А. Безсоновъ проситъ занести въ протоколъ слѣдующій случай, относящійся къ исполненію

хранителями музеума порученій коммисіи: 11 сего марта г. предсѣдатель просилъ ученаго секретаря доставить изъ библіотеки открытые г. Горбачевскимъ въ протоколахъ „три тома хронологическаго описанія актовъ виленской капитулы. „Г. Круповичъ объявилъ, что онъ ихъ по наружному виду узнаетъ, и отыщетъ; къ концу засѣданія онъ принесъ четыре старинныя рукописи; по разсмотрѣніи П. А. Безсоновымъ, рукописи оказались совершенно посторонняго содержанія. 12 марта утромъ г. Круповичъ объявилъ, что рукописи прелатомъ Гербутомъ отосланы были къ графу Толстому; Валицкій высказалъ, что гр. Толстой ихъ возвратилъ. Тогда Круповичъ сталъ утверждать, что рукописи у прелата Гербурта, и составляютъ его собственность. Въ протоколѣ 11 февраля 1856 сказано: „Предсѣдатель (гр. Тышкевичъ) представилъ въ рукописи три тома трудовъ прелата Гербурта, объемлющихъ въ себѣ хронологическое описаніе актовъ виленской капитулы съ 1387 по 1717 годъ, и увѣдомилъ, что знаменитый исторіографъ капитулы постановилъ извѣщать о своихъ трудахъ коммисію. Положено при мѣстныхъ изысканіяхъ коммисіи, относящихся къ исторіи р. к. костеловъ имѣть въ виду труды ксендза прелата Гербурта, и пользоваться ими при изданіи годовыхъ записокъ.“—Г. предсѣдатель взялъ на себя трудъ обратиться къ ксендзу прелату Гербурту, съ просьбою доставить означенные три тома въ коммисію. Случай этотъ привелъ г. предсѣдателя къ заключенію, что система каталога библіотеки на запискахъ въ случаѣ неблагонадежности хранителя, не даетъ достаточнаго обезпеченія въ цѣлости собранія, доходящаго до 19,000 томовъ: и является необходимость составленія систематическаго каталога. Коммисія постановила записать о семъ въ протоколъ.

4) Постановлено поручить дѣлопроизводителю, составить описи тѣмъ предметамъ, которые по католёгамъ

археологическому и портретному, а также и по личному осмотру, отмѣчены къ отнесенію въ послѣдній разрядъ.

5) Единогласно принято предложеніе А. Д. Столыпина: представить г. главному начальнику края о передачѣ фортификаціонныхъ моделей музеума въ виленскую юнкерскую школу. Подписали: И. Корниловъ, князь Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, присутствовалъ Аркадій Столыпинъ, Александръ Рачинскій.

Засѣданіе десятое, 13 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. П. Корнилова присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Е. П. Тышкевичъ, П. А. Безсоновъ и Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіи присутствовалъ свиты Е. И. В. ген.-маіоръ А. Д. Столыпинъ.

1) Г. предсѣдатель, на основаніи 3 ст. протокола послѣдняго засѣданія, возобновилъ мнѣніе свое, что трудно допустить, чтобы при десятилѣтнемъ существованіи библіотеки не было общей описи книгамъ. Тогда гр. Тышкевичъ заявилъ, что каталогъ книгъ, назначенныхъ для пользованія посѣтителей музеума долженъ быть; онъ удивляется, что ученый секретарь доселѣ его не представилъ и согласился съ П. А. Безсоновымъ въ предположеніи, что причиною такой медлительности можетъ быть то, что каталогъ сей писанъ по польски. По приказанію графа, г. Круповичъ немедленно представилъ каталогъ,-дѣйствительно веденный по польски,- книгъ, назначенныхъ для чтенія посѣтителей, и объявилъ, что записокъ гораздо болѣе чѣмъ показано книгъ въ представленномъ имъ каталогѣ.

2) Г. Круповичъ заявилъ, что записокъ, относящихся

къ общей библіотекѣ болѣе десяти тысячъ; (при этомъ графъ сказалъ, что всѣхъ изданій болѣе четырнадцати тысячъ) послѣ чего П. А. Безсоновъ предложилъ ученому секретарю вопросъ: „однѣ ли писались записки къ книгамъ или же кромѣ того составлялась инвентарная книга общей библіотеки?“ Г. Круповичъ отвѣчалъ, что однѣ записки. Г. Безсоновъ возразилъ ему, что „въ такомъ случаѣ, по однѣмъ запискамъ, на коихъ написаны лишь заглавія книгъ съ номерами, нельзя было скоро отыскивать, по требованію, книги въ общей библіотекѣ. Тогда г. Круповичъ заявилъ, что дѣйствительно онъ началъ и описаніе библіотеки въ особой книгѣ; и первые отдѣлы сего описанія обѣщалъ представить къ слѣдующему засѣданію. Коммисія, выразивъ мнѣніе, что образомъ дѣйствій г. Круповича доказывается явная неблагонадежность его какъ хранителя отдѣла, постановила: записать о семъ въ протоколъ, и приступить къ переноскѣ вещей, осмотрѣнныхъ 12 марта въ портретномъ и бюстовомъ отдѣленіи.

3) При рѣшеніи о переноскѣ вещей графъ Тышкевичъ заявилъ, что въ комнатѣ вчера осмотрѣнной существуетъ еще шкафъ, въ которомъ хранятся портреты ген. Гейдройця и бывшаго намѣстника Ц. Польскаго Зайончека; графъ указалъ коммисіи въ стѣнѣ, за большимъ портретомъ Валицкаго, потайной шкафъ, въ которомъ найдены портреты № 73) Генриха Валуа, 74) Зайончека, 75) Мицкевича, 76) бюстъ его же и 77) Августа III. Коммисія постановила: изъявить графу Тышкевичу искреннюю признательность за открытіе слѣдовъ существовавшихъ книгъ, описей и указателей, просимыхъ коммисіею съ перваго ея засѣданія, и необходимыхъ для ея дѣйствій, а также потайнаго шкафа.

4) Коммисія приступила за тѣмъ къ осмотру портретовъ, бюстовъ, барельефовъ и гравюръ въ залѣ библіо-

теки, при чемъ отмѣчены къ отдѣленію въ послѣдній разрядъ предметы подъ слѣдующими №№: 78) портретъ Льва Сапѣги; 79) *Ягайлы* бюстъ; портреты: 80) Почобута, 81) Зноско, 82) Мицкевича, 83) Кулаковскаго, 84) Огинскаго, 85) барельефъ, изображающій передачу виленской академіи императоромъ Александромъ I отъ Чарторыйскаго Стройновскому, стоящему подъ сѣнію вѣнчаннаго лаврами Стефана Баторія, 86) княгини Радзивилъ, 87) доктора Мошинскаго, 88) Балинскаго; 89) медальонъ Нарбута, 90) Дзялынскаго, и 91, 92) маски Гомолитскаго и Абихта. Постановили: въ дополненіе къ 2 ст. протокола 12 марта, просить распоряженія г. попечителя музеума о переноскѣ исчисленныхъ предметовъ въ опредѣленное помѣщеніе, въ присутствіи члена сей коммисіи Н. Ив. Горбачевскаго.

5) А. Д. Столыпинъ принялъ на себя порученіе разсмотрѣть все рисованное и гравированное, для систематической классификаціи по отдѣламъ сказанныхъ предметовъ. Подписали: И. Корниловъ, князь Шаховской Стрѣшневъ, графъ Е. Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, Александръ Рачинскій.

Засѣданіе одиннадцатое 15 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйст. стат. совѣт. Ивана Петровича Корнилова присутствовали: князь М. В. Шаховской - Стрѣшневъ, графъ Е. П. Тышкевичъ, П. А. Безсоновъ и Н. И. Горбачевскій, А. Д. Столыпинъ трудился надъ разсмотрѣніемъ картинъ и гравюръ. От. А. Пщолко по болѣзни не присутствовалъ.

1) Графъ Тышкевичъ доставилъ въ коммисію каталогъ, сдѣланный барономъ Россильономъ, монетъ русскихъ, поль-

скихъ, курфистрства бранденбургскаго и королей прусскихъ, германской имперіи и датскихъ.

2) Ученый секретарь, г. Круповичъ, согласно обѣщанію, заявленному въ прошедшемъ засѣданіи представилъ въ коммисію инвентарь общей библіотеки, переписанный на бѣло—слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Агрономія и Технологія; 2) математика и естественные науки; 3) смѣсь; 4) Сборники; 5) медицина; 6) политическая экономія; 7) географія; 8) Законовѣденіе; 9) Археологія; 10) Филологія; въ тетрадяхъ 10-й—4¼ л., 5-й—1¼ л., 8-й, 7-й, 4-й—1½ л., 2-ой, 1-ой и 6-ой—6½ л. Постановлено: по изъявленному членомъ коммисіи П. А. Безсоновымъ желанію, просить его заняться разсмотрѣніемъ общаго инвентаря. Подписали: И. Корниловъ, князь Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, коллеж. совѣт. Безсоновъ, Александръ Рачинскій.

ЗАСѢДАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ 16 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйств. стат. совѣт. И. П. Корнилова, присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Е. П. Тышкевичъ, П. А. Безсоновъ, отецъ А. І. Пщолко и Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіи присутствовалъ свиты Е. И. В. ген.-маіоръ А. Д. Столыпинъ.

Коммисія окончила осмотръ портретовъ и гравюръ какъ вошедшихъ въ доставленное ей описаніе, такъ и не показанныхъ въ немъ. Осмотрѣны предметы сего рода, а также и нѣкоторые изъ археологическаго отдѣла, въ залахъ археологической и орнитологической.—Отмѣчены къ отдѣленію въ послѣдній разрядъ подъ слѣдующими номерами: 93) копія барельефа надгробнаго памятника Кохановскому, 94) портретъ Януша Тышкевича, 95) бюстъ Нишковскаго, 96) портретъ Тышкевича, 97) тожъ іезуита Ленчицкаго;

98) мраморный памятникъ женѣ Льва Сапѣги, 99) Ельскаго барельефъ мира 1856 г., 100) гравированный видъ костела Антокольскаго, 101) портретъ Сарбіевскаго, 103) мраморная столовая доска съ латинскою надписью, 104) бюстъ маршала Ромера, 105) столъ, на которомъ будто бы Станиславъ Августъ подписалъ отреченіе, 106) епископа Тышкевича, 107) барельефъ Любецкаго, 108) *Знамя*, 109) Яна Тышкевича, 110) примаса Понятовскаго, 111) Тизенгауза, 112) Радзивила, 113) Маринки Мнишекъ, 114) Володковича, разстрѣленнаго въ Минскѣ, 115) маршала Тышкевича, 116) Монаха Кордецкаго, 117) Ходкевича, 118) Николая Вольскаго, основателя монастыря кременецкаго, (*) 119) епископа Коссаковскаго, 120) Родіевскаго, 121) Букатаго, 122) Коссаковскаго, участника въ барской конфедераціи, повѣшеннаго 1794 поляками въ Вильнѣ за отступничество, 123) Варвары Радзивилъ, 124) Михаила Вишневецкаго, 125) Владислава III, 126) Владислава IV, 127) монахини Тышкевичевой, 128) Станислава Лещинскаго, 129) *Знамя* съ гербомъ Налэнчъ, 130) бюстъ Липинскаго, 131) Станислава Августа, 132) Чернецкаго, 133) Августъ III, 134) *Знамя* пане коханку Радзивила, 135) Богуша, 136) изображеніе Сѣцинскаго, трупъ коего доселѣ хранится въ костелѣ м. Упиты поневѣжскаго уѣзда, какъ непринятый землею за сорваніе сейма, 137) сундукъ Петра Скарги, 138) барельефъ Чарнецкаго, 139) бюстъ Станислава Августа, 140) портретъ Стефана Баторія, 141) Кентембрикъ, духовникъ Радзивиловой, 124) черепъ Бекеша съ шапочкою на немъ, 143) Понятовскаго, 144) Войцехъ Радзивилъ,

---

(*) Знаменитаго насильника, построившаго въ православное мѣстности латинскій костелъ, и заставлявшаго крестьянъ ходить въ оный подъ страхомъ пени-вола на костелъ. Доселѣ употребляется крестьянскаго поговорка: Звонъ рявець - вола тягнець.

145) бюстъ Якутовича, музейнаго чичероне, 146) Станислава Августа, 147) Сигизмунда Стараго, 148) чепракъ Станислава Августа, на лѣстницѣ,—149) барельефъ неизвѣстный, 150) профессора Юндзила, 151) доска съ именами маршалковъ сейма 1581 г., 152 и 153) неизвѣстные. Графъ Тышкевичъ объявилъ № 151—имена верховныхъ маршаловъ литовскаго трибунала.

2) Членъ П. А. Безсоновъ объявилъ, что въ засѣданіе 17 марта прибыть не можетъ, по причинѣ роспуска учителей и учениковъ состоящаго подъ управленіемъ его Раввинскаго училища. Подписали: И. Корниловъ, флигель-адъютантъ князь Шаховской-Стрѣшневъ, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, священникъ А. Пщолко, графъ Евстафій Тышкевичъ, Александръ Рачинскій.

Засѣданіе тринадцатое, 17 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. П. Корнилова, присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Е. П. Тышкевичъ, отецъ А. І. Пщолко и Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіи присутствовалъ свиты Е. И. В. ген.-маіоръ А. Д. Столыпинъ.

1) Осмотрѣны частію значущіеся, частію необозначенные въ каталогѣ и отнесенные въ послѣдній разрядъ предметы подъ №-154) Троцкое знамя съ именемъ Сигизмунда III; 155) огромное знамя съ изображеніемъ всадника, присланное, какъ заявилъ гр. Тышкевичъ, изъ городской виленской ратуши въ музеумъ генералъ губернаторомъ Назимовымъ; 156) кайма отъ занавѣса той кровати, на которой умеръ Владиславъ IV въ Меречѣ; 157) чепракъ, будто бы подъ Вѣною принадлежавшій Собѣскому, 158) шапочка въ которой умеръ поэтъ Нѣмцевичъ въ Парижѣ; 159) каска полка Чарторыйскихъ; 160) шапка конфедератка; 161) халатъ Понятовскаго и два полжупана; 162) три кунтуша;

163) мундирные кафтаны: зеленый артиллерійскій-Костюшки, съ шитымъ воротникомъ—Снядѣцкаго, и два жилета; 164) уланская шапка польскихъ войскъ; 165) гетмана Забѣллы шапка, съ гербомъ всадника; 166) маска Ходкевича; 167) портретъ Чарторыйскаго; 268) бюстъ Кохановскаго; 169) бюстикъ Гофмановой, урожденной Танской, эмигрантки 1831 г., умершей въ Парижѣ; 170) гитара поэта Карпинскаго; 171) съѣденный молью плащъ Мицкевича и двѣ пары эполетъ.

2) Осмотрѣны въ стѣнныхъ витринахъ библіотеки литографическіе портреты польскихъ королей и членовъ ихъ *семействъ*, а также выставленные рядомъ съ ними автографы ихъ - въ подписяхъ подъ письмами и грамотами, конверты, къ письмамъ принадлежавшіе и печать, оттиснутая на бумагѣ. Таковыхъ оказалось въ четырехъ витринахъ № 172) литографій четырнадцать, № 173) грамотъ, писемъ, шифрованныхъ депешъ, съ подписями на языкахъ латинскомъ, французскомъ и польскомъ—шестьдесятъ, печать—одна.

Постановили: вещи и предметы сіи отнести къ послѣднему разряду. Означенные въ статьѣ первой помѣстить для храненія въ опредѣленную для сего комнату. Изъ описанныхъ во второй статьѣ писемъ, грамотъ, шифровъ, конвертовъ и изображеній: портреты передать къ разбору и размѣщенію въ портфели А. Д. Столыпину, вмѣстѣ съ этикетками литографа Дзвонковскаго, а рукописи запечатать въ общій пакетъ подъ № 173) пріобщить къ предметамъ послѣдняго разряда. Впредь же, во избѣжаніе сомнѣній о происхожденіи документовъ, выставлять таковые въ витринахъ *развернутыми*. Подписали: И. Корниловъ, князь Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, свящ. А. Пщолко, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, Александръ Рачинскій.

ЗАСѢДАНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ, 19 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйст. стат. совѣт. И. П. Корнилова присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, гр. Е. П. Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ П. А. Безсоновъ, Священникъ А. И. Пщолко и коллежскій совѣтникъ Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіи присутствовалъ свиты Е. И. В. ген.-маіоръ Столыпинъ.

1) Вынесены въ особое помѣщеніе, двери котораго опечатаны печатями музеума и г. предсѣдателя коммисіи, предметы отъ № 1-го до 177-го включительно, 174) столъ Баторія; 175) Бюро Станислава Августа; 176) два кресла его же 177) предметы подъ №№ 178 и 179) въ спискѣ по ошибкѣ пропущены и внесены въ оный подъ №№ 240 и 241; подписалъ дѣлопроизводитель А. Рачинскій.

2-е) Опредѣлены къ отнесенію въ послѣдній разрядъ слѣдующіе предметы, въ каталогъ 1858 года не вошедшіе: 178) балотировочная урна съ латинскими надписями affirmat и negat; 179) бюстикъ польскаго поэта Красицкаго.

3-е) Коммисія вторично просила гр. Тышкевича содѣйствовать члену коммисіи Н. И. Горбачевскому къ вынесенію изъ витринъ археологическаго отдѣла предметовъ, отнесенныхъ по ея постановленіямъ въ послѣдній разрядъ; а такъ же къ засѣданію 20 марта приготовить предметы, отмѣченные въ каталогѣ сомнительными. Подписали И. Корниловъ, кн. Шаховской-Стрѣшневъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, священникъ А. Пщолко, коллеж. совѣт. Горбачевскій, гр. Е. Тышкевичъ.

ЗАСѢДАНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ 20 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйств. стат. совѣтн. И. П. Корнилова присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ. гр. Е. П. Тышкевичъ, П. А. Безсоновъ, отецъ А. Пщолко и Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіи присутствовалъ свиты Е. И. В. ген.-маіоръ А. Д. Столыпинъ.

1) Осмотрѣны отмѣченные въ печатномъ каталогѣ къ отнесенію въ послѣдній разрядъ слѣдующіе предметы: № 178 и 179) два стекла съ живописью изъ костела краковскаго. 180 и 181) медальонъ и крестикъ съ буквами C. C. S. S. N. D. L. M. D. P. M. B. L. 182) металическая бляшка съ изображеніемъ Богородицы; 183) сабля съ изображеніемъ Сигизмунда III; 184) сабля съ польскими орлами и надписью латинскими буквами: „Виватъ шляхтицъ, панъ и фундаторъ войска, виватъ воля и добро повшехносци.“ съ другой стороны литовскій всадникъ и надпись: „Виватъ найвысша владза шляхты, виватъ вольне сеймики и послы.“ изъ дома гр. Тышкевичей; 185) сабля съ надписью: Pro gloria Poloniae; 186 и 187) клинки отъ шпагъ, называемыхъ августовки; 189) бердышъ-почетное оружіе внутренней стражи Августа II; 149 и 195) старые клинки въ деревянной оправѣ съ надписью латинскими буквами: Янъ Островскій; 196) изразецъ съ изображеніемъ Сигизмунда I, въ коронѣ со скипетромъ въ рукѣ; 197 и 203) семь изразцовъ изъ лѣтняго дворца князей литовскихъ на Вершубкѣ; 204) изразецъ изъ 4-хъ кусковъ съ гербами Ходкевичей и Друцкихъ Горскихъ: кругомъ буквы K. C. H. Z. D. H. W. W. B. K. S.; 205) лента бѣлаго орла, носимая королемъ Станиславомъ Августомъ; 206) зрительная труба Ѳ. Костюшки, переданная имъ подъ Мацѣевцами генералу Понговскому; 207) два знака массонской ложи—„Владиславъ Ягайло“;

208) знакъ массонской ложи—«Казиміръ Великій;» 209) крестъ р. к. жмудской епархіи; 210) крестъ Царства Польскаго; 211) изображеніе Сигизмунда III на янтарѣ, имъ самимъ сдѣланное; 212) каммергерскій ключъ двора Станислава Августа; 213) обломокъ ордена св. Станислава, принадлежавшаго королю Августу; 214) перстень съ груднымъ изображеніемъ Станислава Августа; 215) перстень принадлежавшій Костюшкѣ; 216) перстень кн. Іосифа Понятовскаго; 217) перстень сдѣланный изъ подковы лошади этого князя; 218) перстень Красицкаго; 219) перстень гетмана кн. Масальскаго; 220) частица платья епископа Адама Нарушевича; 221) карточныя марки гр. Валицкаго; 222) Двѣ богатыя запонки отъ жупановъ; 223) суконный коверъ съ гербами Полубинскихъ; 224) ковры К. Паца; 225) заздравный бокалъ съ гербомъ Раецкихъ; 226) большой бокалъ съ польскою надписью: *виватъ сто лятъ* и пр.; 227) тожъ съ именемъ князя Р. Радзивилла; 228) тожъ съ гербомъ Леліва; 229) тожъ съ гербомъ Нарбутовъ; 230) тожъ съ гербомъ Огинскихъ; 231) тожъ съ гербомъ Чарторыйскихъ; 232) тожъ съ крышкой и гербомъ Трубы; 233) тожъ съ гербомъ Сапѣговъ; 235) тожъ съ изображеніемъ Августа III; 236) кубокъ изъ слоновой кости съ гербомъ Сапѣговъ; 237) тарелка съ именемъ Карла Радзивилла; 238) рюмка съ гербомъ и именемъ кн. М. Огинскаго; 239) салфетка съ гербами Польши и Литвы; 240) графинъ, стаканъ и подносъ хрустальные, принадлежавшіе виленскому литературному обществу Шубравцевъ (Scabrosus), имѣвшему, по объясненію отца Антонія Пщолко, между другими занятіями, и слѣдующее: подвергать осмѣянію распоряженія правительства; 241 и 242) (смотри въ примѣчаніи къ протоколу засѣданія 19 марта).

2) Коммисія просила гр. Тышкевича доставить ей къ засѣданію 22 марта предметы значащіеся по каталогу подъ

слѣдующими №№: 9783) три знаки ложи массонской „Усерднаго литовца“; 2801) крестъ-динстикторій уніатскихъ канониковъ брестской епархіи; 2821) перстень грекоунитскихъ митрополитовъ, данный будто бы Ипатію Поцѣю папою; 2822) перстень съ груднымъ изображеніемъ Станислава Августа (кромѣ полученнаго въ коммисію за № 2833, 2831); частицу платья изъ гроба Петра Скарги въ Краковѣ; 2833, три герба вел. кн. литовскаго-всадники; 2837) двѣ пуговицы съ именемъ Станислава Августа; 2840) силуэтъ знаменитаго Ходаковскаго; 2911) тарелку съ гербами Литвы и Польши: что графъ обѣщалъ исполнить, объявивъ при томъ, что перстень подъ № 2822 промѣнялъ онъ графу М. Тышкевичу на золотой римскій; а тарелку подъ № 2911, разбила какая то посѣтительница музеума.

3) При осмотрѣ зрительной трубы Ѳ. Костюшки (206/2822, такое происхожденіе ея показалось сомнительнымъ, по устройству въ ней ахроматическихъ стеколъ, которое показываетъ, что она должна принадлежать къ издѣліямъ послѣдняго времени, позднѣйшаго чѣмъ то, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Костюшко съ Понговскимъ подъ Мацѣевцами. Попечитель музеума, графъ Тышкевичъ заявилъ, что она дѣйствительно была внесена въ музеумъ, и принята въ ономъ подъ этимъ названіемъ для того лишь, чтобы придать болѣе рельефности собранію замѣчательныхъ предметовъ.

4) Г. предсѣдатель внесъ въ коммисію не вошедшія въ витрины семь штукъ изъ коллекціи гравировальныхъ досокъ слѣдующаго содержанія:

1) Смотръ войскамъ кн. Понятовскаго 30 іюля 1813; 2) Флора Тиціана; 3) Остробрамская икона; 4) планъ наваринскаго сраженія; 5) медаль на 250-ти лѣтній юбилей университета виленскаго, съ двойнымъ изображеніемъ Императора Александра I-го и Стефана Баторія; 6) Леген-

дарное изображеніе 10 т. польскихъ мучениковъ; и 7) изображенія неизвѣстныхъ. Постановили просить графа Тышкевича: принять въ музеумѣ означенныя доски, и всѣмъ имъ вообще въ коллекціи (по каталогу число ихъ 161), составить перечневую опись.

5) Обращаясь къ коллекціямъ по части естественныхъ наукъ, коммисія усмотрѣла, что бывшія на всѣхъ предметахъ польскія надписи только закрашены мѣломъ, или прикрыты полосками бумаги. Постановили: просить распоряженія графа Тышкевича: замѣнить остающіяся доселѣ надписи новыми, на русскомъ и латинскомъ языкахъ, а прежнія сдать въ коммисію для пріобщенія ихъ къ предметамъ послѣдняго разряда. Подписали: И. Корниловъ, кн. Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, кол. ассесоръ Безсоновъ, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, Александръ Рачинскій.

Засѣданіе шестнадцатое, 22 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйств. стат. совѣт. И. П. Корнилова присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Е. П. Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ П. А. Безсоновъ и кол. совѣтникъ Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіи присутствовалъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Аркадій Димитріевичъ Столыпинъ.

1) Письмоводитель музеума Зенонъ Валицкій представилъ въ коммисію счетъ затраченныхъ имъ собственныхъ денегъ на предметы необходимые при занятіяхъ коммисіи съ 15 текущаго марта: 1 ф. свѣчей 21 к.; клею баночка и кисть 34 к.; 20 листовъ бѣлаго картона 1 р. 20 коп.; 21 листъ сѣраго картона 73½ к.; 3 ф. сальныхъ свѣчей 48 к.; 2 коробочки спичекъ 6 к.; переплетчику 75 к.; 4 Пап-

ки 2 р. 40 к.; 2 баночки клею 60 к.; вѣшалка 1 р. 50 коп.; столяру за рѣшетку въ окнѣ 1 р, 20 к.; евреямъ за переноску вещей 3 р.; 10 листовъ бѣлаго картона 60 к.; 2 дести писчей бумаги 18 к.; обрѣзка 30 лист. картона 20 к.; а всего на тринадцать рублей сорокъ пять съ половиною копѣекъ. Г. предсѣдатель поручилъ Валицкому явиться въ канцелярію попечителя учебнаго округа для полученія денегъ.

2) Коммисія постановила: просить гр. Тышкевича о распоряженіи: вынуть изъ стѣнъ тѣ предметы, которые постановленіемъ коммисіи отнесены къ послѣднему разряду, и на мѣстахъ уже занумерованы, а именно: № 54) лѣпная работа изъ уніатскаго монастыря; 56) гербъ Варвары Нарушевичъ; 57) надгробный барельефъ съ пушками; 60) доска съ льготною отъ постоя надписью; 63) надгробникъ Гонсевскаго съ пистолетами; 64) барельефъ съ четырьмя гербами; 69) польская надгробная надпись о Загайскомъ; 70) четыречастный гербъ; 93) копія барельефа надгробнаго памятника Кохановскому; 138) барельефъ палатина Ст. Чарнецкаго.

3) Коммисія поручила своему дѣлопроизводителю, къ засѣданію 22 марта составить списокъ предметамъ въ каталогѣ отмѣченнымъ сомнительными.

4) Коммисія проситъ попечителя музеума гр. Тышкевича распорядиться перенесеніемъ въ залу библіотеки витрины со старинными печатями городовъ, пользовавшихся магдебургскими законами, упраздненныхъ монастырей, правительственныхъ мѣстъ и властей, нынѣ не существующихъ, по каталогу числомъ сто пятьдесятъ четыре, къ осмотру и распредѣленію по разрядамъ.

5) Коммисія проситъ распоряженія гр. Тышкевича о перенесеніи въ помѣщеніе назначенное для послѣдняго разряда: а) шести сотъ девяноста восьми монетъ и медалей,

составляющихъ по катологу г. Киркора особый польско-литовскій отдѣлъ, и б) коллекціи гербовъ дворянскихъ литовскихъ родовъ, вырѣзанныхъ на камняхъ потому же каталогу двѣсти восемь штукъ.

6) Коммисія проситъ гр. Тышкевича приказать найти, и въ коммисію доставить, внесенную ксендзомъ Малышевичемъ въ археологическую коммисію 1 октября 1860 г. при бумагѣ № 66, брошюру подъ названіемъ: *Gemma etc... Typis Laurae Supraslensis p. p. Basilianorum.*" Брошюру эту жертвователь считалъ необходимымъ пріобщить къ предметамъ супрасльской типографіи, также точно какъ считалъ нужнымъ разъяснить: какое отношеніе имѣетъ латинское выраженіе „Laurae" къ встрѣчавшимся дотолѣ по польскому произношенію *„Лаврэюь."*

7) Согласно постановленію 20 марта, 2-ой его статьѣ, графъ Тышкевичъ доставилъ въ коммисію: № 2783) три знака ложи массонской „Усерднаго Литовца" съ латинскими буквами G. L., что по мнѣнію графа значитъ: „Горливый Литвинъ"; № 2801), крестъ динстикторій уніатскихъ канониковъ брестской епархіи; № 2821) перстень греко-унитскихъ митрополитовъ, данный папою второму изъ нихъ Ипатію Поцѣю; и который послѣдній изъ нихъ Булгакъ носилъ на себѣ до смерти. По смерти Булгака перстень достался графу Тышкевичу. Онъ состоитъ изъ обдѣланнаго въ золотой перстень продолговатаго сапфира съ отчетливымъ рѣзнымъ изображеніемъ двѣнадцати апостоловъ, сидящихъ кругомъ доски, на которой въ четыре ряда начертана греческая надпись ПЕ-НТИ-КО-СТИ; № 2831) частицу платья изъ гроба Петра Скарги въ Краковѣ; № 2833 три герба литовскіе всадники, съ ушками, для прикрѣпленія ихъ; № 2837) двѣ пуговицы стальныя полированныя, съ вензелемъ S. A. R. и надписью латинскими буквами „за конституціенъ 3-го мая 1791; № 2840) силуетъ

знаменитаго Ходаковскаго (псевдонимъ Чарнецкаго). Коммисія постановила: внести эти предметы въ списокъ подъ рядовыми №№ 243—249 и отдѣлить ихъ въ помѣщеніе для послѣдняго разряда. Подписали: князь Шаховской-Стрѣшневъ графъ Евстафій Тышкевичъ, кол. ассесоръ Безсоновъ, протоіерей Антоній Пщолко и коллежскій совѣтникъ Горбачевскій. Александръ Рачинскій.

ЗАСѢДАНІЕ СЕМЬНАДЦАТОЕ, 23 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ дѣйств. стат. совѣт. И. П. Корнилова, присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Е. П. Тышкевичъ, П. А. Безсоновъ, отецъ А. І. Пщолко и Н. И. Горбачевскій. Въ засѣданіи присутствовалъ свиты Е. И. В. ген.-маіоръ А. Д. Столыпинъ.

1) Прочитано отношеніе помощника г. главнаго начальника края отъ 23 марта за № 4232, коимъ генералъ-маіоръ Потаповъ извѣщаетъ предсѣдателя коммисіи, что за отъѣздомъ Ивана Петровича Корнилова въ С. Петербургъ, его высокопревосходительство поручаетъ, на время его отсутствія, предсѣдательство въ коммисіи по устройству виленскаго музеума древностей, свиты Его Величества генералъ-маіору Столыпину. Постановили: принять означенное отношеніе къ исполненію.

2) Коммисія просила попечителя музеума графа Тышкевича, съ перстня грекоунитскихъ митрополитовъ поручить кому либо сдѣлать два снимка: одинъ фотографическій, а другой въ увеличительномъ размѣрѣ. Графъ для исполненія сего передалъ самый перстень дѣлопроизводителю коммисіи.

3) Коммисія занималась разсмотрѣніемъ витрины, заключающей печати городовъ пользовавшихся магдебургскими

законами, упраздненныхъ монастырей, правительственныхъ мѣстъ и властей, нынѣ несуществующихъ. Отдѣлено семьдесятъ два предмета, составляющихъ оттиски печатей слѣдующаго содержанія: 1) гербъ польскій орелъ. Институція генеральна пѣхоты польской; 2) гербъ всадникъ подъ орломъ, конфедераціи генеральней вел. кн. лит.; 4) гербъ польскій орелъ, Коммисіи крул. польск. скарбу короннего; 5) вольносць, цалосць, неподлеглосць. Коммисаріата; 6) гербъ Поцѣя. Ludovicus Constantinus Pociey Supremus exercitum Dux Magni Duc. Lituaniae. 8) гербъ баранъ Franciscus Bielinski Archi Marchalcus Rni Poloniae; 9) гербъ польскій орелъ, штабъ главны довудцы Августовскѣго; 11) гербъ орелъ, лиліи, по угламъ орлы и львы Sigillum iurisdictionis Bożydar ad Warshawiam; 12) гербъ топоръ, Рудскѣго, печать доминіумъ; 13) гербъ орелъ на панцырѣ, конфедераціи земли Варшавской; 14) гербъ Швеціи. Іоаннъ Казиміръ, Швеціи... Польши и вел. кн. Лит.; 15) гербъ всадникъ съ мечомъ и дракономъ, Іоаннъ III... Польскій вел. кн. Лит., Русс. и пр.; 16) гербы Польши и Литвы. Генеральней конфедераціи крул. польск. и В. К. Л.; 17) Ядвиги Круліовы польскѣй; 18) гербъ польск. орелъ штабъ довудцы силъ на лѣвымъ бржегу Вислы.; 19) Подкова, Ржевуцкій гетм. корол. Стулинс. староста; 20) Sigil. kontuberni Stanniensorum 1779; 21 и 22) орелъ и всадникъ, Коммисіи ликвидаціонней длуговъ ржечи посполитой; 23) гербъ баранъ, по угламъ орлы и всадники, крулевскѣй мосци экономична его; 24) орелъ воеводства черниговскаго; 25) Depositoru Judicial. officia Magistratus Radomiens; 26) юрисдикція Ходкевича; 27) баранъ, юрисдикціи Бѣлинскаго; 28) орелъ одноглавый внутри двуглаваго. Крулевство польск; 29) маршалекъ палацу Е. К. К. Мосци; 30) Ужондъ старшихъ згромадзеня Куншту конвисарскѣго; 31) съ вѣнцемъ изъ 11 гербовъ; 32) одноглавый орелъ, два столбца буквъ L. P. Z. и

R. M. Z. конфедераціи земли закрочимской; 33) гербъ Сирена съ мечомъ. Экономіи мяста Варшавы; 34) Двѣ башни, рыба, Sigillum advocatiale M. L. Czon; 35) одноглав. орелъ, подъ нимъ три коронки, Sigil. Jurisdictionis Bozydar ad Warschawa; 36) Ecclesiae Porachialis Malestowensi; 37) Michael dux in Klewan et Żukow Czartoryski Supremus M. D. L. Cancielarius Uswiatensis, poduswiatensis; 39) Сфинксъ, товажиство герба сфинкса; 40) всадникъ на слонѣ и пчелы. Добръ острожанскихъ; 41) одноглавый орелъ. Референдарій коронный; 42) звѣзда надъ полумѣсяцемъ. Воевода Хелминскій; 43) Михаилъ Радзивилъ кастеланъ виленскій; 44) Legia II падвислянска; 46) гербъ замокъ магистрату мяста W. R. P. Радомя 1700. 47) Confratern. Meriat. antiq. civit. Warsch 1546; 48) баранъ, по угламъ орлы и всадники, Collegium prefacetorum publicae institutionis; 50) Архива суда аппеляц. деп. Варшавы; 51) 1660 Consolare civitatis Tincotiensis; 52) Войтъ гмины Ясенца; 54) коны мѣйской Анджейковской; 55) Коса. Панство Тынецъ; 56) Кшистофусъ Радзивилъ; 57) Баранъ, Mich. Princ. Poniatowski Deii etc. Apostolici sedis gratia episcopus Plocensis, dux Pultuvensis; 58) Aurific, Antiq. civit varsch; 59) Sigil. Castel Mernet; 60) Simon Cautus. 61) одинакая съ № 64) Коммис. Пожондку вильна войскове, воевод. Ленчице; 65) Магистрат. мѣста Осѣка до видзя Санда належонцего; 66) Панъ дѣдицъ мяста Александріи, Кароль, Генрихъ, Миколай, Отто нассаускій; 67) Sancti Joannis amicitiae perfectae or Winnica; 68) E. A. K.; 69) орелъ польскій; 71) Силуслава, воеводы Краковскаго; 72) Интенденціи парафіи Бжебожскѣй. Вольносць, цалосць неподлеглосць. Нѣмецкія 2, 7, 10, 38, 45, 49, 53, 62 и 63, относящіеся до прусскаго владычества въ польскихъ областяхъ. Постановили: кромѣ № 30-го занести въ списокъ подъ № 250, запечатать въ особый пакетъ, и подъ тѣмъ № сдать въ помѣщеніе для предметовъ послѣдняго

разряда, включивъ туда же подъ №№ 251 и 252 пряжку и дощечку съ гербами всадникъ. Подписали графъ Евстафій Тышкевичъ, коллежскій совѣтникъ И. Горбачевскій и коллежскій ассесоръ Безсоновъ. Александръ Рачинскій.

Засѣданіе восемнадцатое, 24 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора Аркадія Столыпина, присутствовали гр. Е. П. Тышкевичъ, П. А. Безсоновъ и Н. И. Горбачевскій.

1) Коммисія продолжала осмотръ предметовъ въ археологическомъ отдѣленіи, отмѣченныхъ по печатанному каталогу, сомнительными, и постановила признать изъ нихъ подлежащими несомнѣнному отнесенію въ 'послѣдній разрядъ, и внесенію въ списокъ подъ слѣдующими №№ 253) портретъ маслян. краск. Николая Радзивилла; 254) тожъ матери польской королевы Екатерины Ягеллонки; 255) на мраморѣ барельефный силуетъ съ польскою надписью почти изглаженною; 256) сабля съ надписью america cum Vashington suo amico, T. Kosciusscioni; 257) лядунка съ изображеніемъ Іоанна Казиміра; 258) пряжка отъ пояса, съ мѣднымъ всадникомъ; 259) тожъ съ польскимъ гербомъ виленской временной городовой стражи; 260) мраморное надгробіе...княгини изъ дома Ягеллоновъ; 261) барельефъ изъ желѣза изъ костела бернардиновъ въ Ковнѣ; 262) четыре пластинки панцыря и кусокъ кольчуги Жолкѣвскаго; 263) поясъ литовскій съ гербовой бляхой; 244) двѣ жестяныя контремарки съ гербами Варшавы; 265) двѣ дощечки съ польскими печатными этикетками на память о слуцкой фарѣ; 266) бляха съ одноглавнымъ орломъ и надписью: pro gloria et patria; 267) надгробная дощечка Готтар-

да Тизенгауза 1640; 268) отъ лядунки знакъ съ вензелемъ Станислава Августа; 269) четыре изразца старинныхъ съ тремя изображеніями святыхъ и однимъ неизвѣстнымъ.

2) Предсѣдательствующій въ коммисіи, А. Д. Столыпинъ внесъ слѣдуюющія три предложенія: 1) витрины въ археологическомъ отдѣленіи № 41 граматъ и № 42 автографовъ очистить, собравъ граматы и автографы въ особый портфель, и присоединивъ къ нимъ тѣ, которые сданы въ особое помѣщеніе, въ пакетѣ подъ № 173. Разборъ ихъ, составленіе описи и распредѣленіе по разрядамъ поручить члену коммисіи, Н. И. Горбачевскому, прося его сдѣлать изъ всѣхъ коллекцій двѣ особыя: чисто русскую и литовско-русскую. 2) Витрину французскую подъ № 21, въ полномъ ея составѣ временно вовсе удалить, до составленія равной ей по полнотѣ изъ чисто русскихъ мѣстныхъ памятниковъ объ эпохѣ 1812 года.

3) Для пополненія коллекціи печатей, представляющей весьма слабо русскую въ здѣшней сторонѣ стихію, отнестись къ высокопреосвященному митрополиту литовскому и виленскому, и представить г. главноначальствующему въ краѣ о содѣйствіи, къ доставленію въ музеумъ печатей или оттисковъ съ нихъ упраздненныхъ и издревле существующихъ монастырей, церквей, учрежденій, братствъ и т. п. Принять на себя трудъ по означенному предположенію, какъ относительно редакціи представленій отъ лица коммисіи, такъ и личнаго по онымъ ходатайства, для подкрѣпленія таковыхъ, просить члена коммисіи, князя М. В. Шаховскаго-Стрѣшнева. Подписали: Аркадій Столыпинъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ и коллежскій совѣтникъ Н. Горбачевскій. Александръ Рачинскій.

ЗАСѢДАНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ, 26 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ свиты Е. И. В. генералъ-маіора Столыпина присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Е. П. Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, и коллежскій совѣтникъ Н. И. Горбачевскій.

1) Графъ Тышкевичъ внесъ въ коммисію приведенное имъ въ порядокъ, названное въ печатномъ каталогѣ литовско-польскимъ собраніе монетъ, хранившееся въ витринахъ музеума. По каталогу ихъ значится 698, но съ 1858 года собраніе возрасло за 1000. При этомъ графъ заявилъ, что большинство монетъ чеканено въ Варшавѣ въ то время, когда здѣшній край составлялъ съ Польшею одно цѣлое. По точному смыслу порученія даннаго коммиссіи г. главнымъ начальникомъ края, основываясь на выраженіи, употребленномъ его высокопревосходительствомъ, означенное собраніе монетъ, какъ относящееся къ польской исторіи, и служащее къ напоминанію о польскихъ короляхъ, временно владычествовавшихъ въ здѣшнемъ краѣ, должно быть собрано особо, и размѣщено въ отдѣльномъ залѣ, впредь до дальнѣйшаго объ ономъ распоряженія. При семъ г. предсѣдательствующій и члены выразили слѣдующія мнѣнія:

А. Д. Столыпинъ: порученіе отдѣлять, впредь до особаго о нихъ распоряженія, предметы относящіеся къ польскому періоду исторіи здѣшняго края имѣютъ цѣлію удалить демонстративное ихъ значеніе. Коллекція литовско-польскихъ и польскихъ монетъ, составляя необходимую часть полной коллекціи минцъ-кабинета, относится къ ней какъ 1: 10.—Уже такимъ отношеніемъ уничтожается демонстративное ея значеніе. Между тѣмъ потеря столь важнаго отдѣла изъ собранія нанесетъ неисправимый ущербъ минцъ-кабинету, образовавъ въ ономъ значительный про-

былъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ г. председательствующій находитъ необходимымъ ходатайствовать предъ г. главнымъ начальникомъ края о томъ, чтобы или оставить польско-Литовскую коллекцію въ общемъ составѣ собранія монетъ, или въ такомъ же точно составѣ вывезти ее, изъ музеума вовсе.

П. А. Безсоновъ полагаетъ, что основываясь на заявленіи графа Тышкевича о составѣ внесенной имъ коллекціи, ее слѣдуетъ по точному смыслу распоряженія г. главнаго начальника края, вынести въ особое помѣщеніе. Но ему кажется, что прежде исполненія сего, всю коллекцію слѣдуетъ разсмотрѣть по описи и по наличности.. Отдѣлять какую либо значительную часть ея—значитъ нанести ущербъ одному изъ средствъ для всесторонняго изученія края. Затѣмъ онъ полагаетъ, исключивъ изъ коллекціи тѣ предметы, которые имѣютъ прямое демонстративное значеніе, а именно пять монетъ и одну ассигнацію 1831 года и двѣ монеты 1813 года, объ оставленіи прочихъ въ музеумѣ, особо ходатайствовать предъ г. начальникамъ края.

Графъ Тышкевичъ говоритъ, что мнѣніе своё онъ заявилъ самымъ сорока лѣтнимъ трудомъ собиранія коллекціи; затѣмъ онъ съ мнѣніемъ г. предсѣдательствующаго совершенно согласенъ.

Князь Шаховскій полагаетъ отнести къ послѣднему разряду и вынести впредь до дальнѣйшаго объ оныхъ распоряженія всѣ тѣ монеты, которыя чеканены для здѣшняго края въ Варшавѣ, и тѣмъ напоминаютъ временное объединеніе края съ Польшею; тѣмъ болѣе, что онѣ не только не служатъ, по выраженію, въ Высочайшемъ рескриптѣ употребленному, къ вящему скрѣпленію узъ соединяющихъ литовскія губерніи съ Россіею, но прямо напоминаютъ временное владычество въ оныхъ польской короны, и со-

вершенно напротивъ, будутъ постоянно питать въ учащейся молодежи тщетныя сожалѣнія и несбыточныя мечты.

Н. И. Горбачевскій, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ князя Шаховскаго, добавляетъ, что онъ не находитъ основанія ходатайствовать объ оставленіи въ музеумѣ части польскихъ памятниковъ, когда всѣ остальные, совершенно согласно распоряженію г. главнаго начальника края, вынесены впредь до дальнѣйшаго объ оныхъ распоряженія.

Вслѣдствіе разногласія въ мнѣніяхъ, г. предсѣдательствующій рѣшилъ: оставить по прежнему ящикъ съ монетами на храненіи и личной отвѣтственности графа Тышкевича, впредь до разрѣшенія о нихъ г. главнаго начальника края, которому представить на благоусмотрѣніе настоящій протоколъ.

2) Графъ Тышкевичъ доставилъ коммиссіи № 2629, спрятанный имъ въ шкафъ, на время мятежнаго движенія, знакъ отъ лядунки съ груднымъ изображеніемъ Костюшки, и заявилъ, что болѣе предмстовъ, подлежащихъ отдѣленію, согласно распоряженію г. главнаго начальника края нигдѣ въ музеумѣ не имѣется. Постановили: записать о семъ въ протоколъ, а предметъ вынести въ послѣдній разрядъ подъ № 270. Подписали: Аркадій Столыпинъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, князь Шаховской-Стрѣшневъ и коллежскій ассесоръ Безсоновъ. Александръ Рачинскій.

Засѣданіе двадцатое, 27 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ свиты Е. И. В. генералъ-маіора А. Д. Столыпина присутствовали: князь М. В. Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Е. П. Тышкевичъ, П. А. Безсоновъ, отецъ А. І. Пщолко и Н. И. Горбачевскій,

1) Коммисія разсматривала представленный въ оную письмоводителемъ музеума Валицкимъ счетъ употребленныхъ

имъ для коммисіи собственныхъ денегъ на слѣдующіе предметы: 1) отпечатаніе цифръ 1 р. 50 коп., 2) двадцать листовъ бѣлаго картона 1 р. 20 к. 3) двѣ баночки клею 60 к., 4) каменьщикамъ за выломку изъ стѣнъ предметовъ, опредѣленныхъ къ вынесенію 7 р., 2) двѣ папки 2 руб., 6) переплетчику за выемку картинокъ изъ рамъ 45 коп., всего сумму двѣнадцать руб. семьдесятъ пять коп. Предсѣдатель поручилъ, записавъ о семъ въ протоколъ, препроводить счетъ въ канцелярію г. попечителя учебнаго округа, съ просьбою уплатить по оному.

2) Графъ Тышкевичъ внесъ въ коммисію найденные имъ при окончательномъ обзорѣ шкафовъ музеума, еще слѣдующіе предметы: 1) зеленаго стекла кубокъ съ крышкою: на немъ изображеніе коронованнаго рыцаря, опирающагося на мечъ и надписи: „Krakowiae. Cazimirus Rex Polsky (графъ считаетъ ихъ новѣйшею поддѣлкою;)“ 2) уланская шапка съ гербомъ Литвы временъ 1813 года.; 3) къ ней красный султанъ изъ перьевъ въ полотняномъ чехлѣ. 4) Поясъ изъ лакированной кожи съ галунами: на пряжкѣ гербъ Польши; 5) трава съ могилы поэта Карпинскаго изъ Лыскова; 6) два стѣнныхъ подсвѣчника съ гербомъ наугольника, принадлежащихъ Сапѣгѣ, и изъ дома сей фамиліи. За симъ объявляетъ графъ, сомнительныхъ предметовъ въ музеумѣ болѣе рѣшительно нѣтъ. Постановили: вещи сіи отнести къ послѣднему разряду, и какъ таковыя внести въ списокъ подъ №№ 272 и 277.

3) Коммисія считаетъ затѣмъ первый періодъ занятій ей порученныхъ оконченнымъ. Постановили: списокъ двухъ сотъ пятидесяти шести предметовъ съ подраздѣленіемъ онаго на слѣдующіе разряды: *первый*, памятники о короляхъ польскихъ въ ихъ изображеніяхъ и вещахъ, имъ принадлежавшихъ, или къ власти ихъ въ этомъ краѣ относящихся; *второй* памятники о магнатахъ и шляхтѣ, слу-

жившихъ коронѣ польской въ ихъ изображеніяхъ или предметахъ до нихъ относящихся; *третій*, памятники латинства въ краѣ и его дѣятелей; *четвертый*, изображенія ученыхъ, художниковъ, связанныя чѣмъ либо съ предъидущими отдѣлами и вещи до нихъ лично или до профессіи ихъ относящіяся; наконецъ *пятый*, предметы не вошедшіе въ предъидущіе отдѣлы, вынесенные или по демонстративному ихъ значенію или по совершенному отсутствію въ нихъ научныхъ достоинствъ и значенія: таковой списокъ при запискѣ представить г. главному начальнику края, для дальнѣйшихъ о предметахъ тѣхъ распоряженій. Нодписали: Аркадій Столыпинъ, князь Шаховской-Стрѣшневъ, графъ Евстафій Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ и священникъ А. Пщолко. Александръ Рачинскій.

Засѣданіе двадцать первое 10 марта 1865 года.

Подъ предсѣдательствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора А. Д. Столыпина, присутствовали: Е. П. Тышкевичъ, коллежскій ассесоръ П. А. Безсоновъ, соборный священникъ О. Антоній Пщолко и коллежскій совѣтникъ Н. И. Горбачевскій.

1) Г. предсѣдательствующій внесъ въ коммисію полученное имъ 29 марта заявленіе члена сей коммисіи графа Тышкевича, въ видѣ записки на имя его превосходительства, а такъ же отвѣтъ свой, 4 сего апрѣля сдѣланный, для внесенія какъ заявленія такъ и отвѣта на оное въ протоколъ настоящаго засѣданія. Содержаніе заявленія слѣдующее: „Считая для себя всегда священными предначертанія правительства, и притомъ вполнѣ сознавая необходимость, въ виду современныхъ обстоятельствъ, преобразованія по нѣкоторымъ частямъ основаннаго мною музеума, я старал-

ся всѣми зависящими отъ меня средствами содѣйствовать коммисіи, назначенной для устройства онаго, къ точному исполненію возложенной на нее обязанности. Присутствуя въ коммисіи въ качествѣ члена, съ правомъ голоса, я подписывалъ всѣ протоколы засѣданій оной не потому, чтобы всегда соглашался съ мнѣніемъ прочихъ гг. членовъ, а потому, что одинъ мой голосъ, противъ пяти, противнаго мнѣнія, не могъ имѣть значенія, и слѣдовательно особыя мои мнѣнія могли бы только подать поводъ думать, что я затрудняю успѣшный ходъ дѣйствій коммисіи. Нынѣ же, когда основная работа уже кончена, и предметы, подлежащіе исключенію изъ музеума уже назначены, я рѣшаюсь заявить здѣсь свое мнѣніе, не въ видѣ протеста или оффиціальнаго особаго мнѣнія, но собственно какъ выраженіе своихъ убѣжденій по предметамъ, имѣющимъ непосредственное соотношеніе съ занятіями коммисіи.

Основывая музеумъ въ Вильнѣ, я имѣлъ въ виду древности и памятники не польскіе, но мѣстные, т. е. литовско-русскіе. Подъ словомъ виленскій музеумъ я разумѣлъ и разумѣю собраніе предметовъ—кои бы, какъ въ зеркалѣ, вѣрно отражали жизнь и дѣянія литовско-русскаго народа во всѣхъ эпохахъ его историческаго существованія. Не думая и не заботясь о томъ, чтобы собираемые предметы представляли только свѣтлые моменты изъ исторіи и дѣяній моихъ предковъ, или, чтобы изображенія ихъ непремѣнно были прекрасны, я желалъ только, чтобы они были похожи, и служили точными снимками съ прошедшаго, на непреложныхъ началахъ исторіи. Я думалъ, что если въ лифляндскомъ и курляндскомъ музеумахъ, собраны предметы временъ владычества рыцарей, въ финляндскомъ—Швеціи, въ керченскомъ и одесскомъ—татаръ, то это отнюдь не доказывало, что помянутые музеумы заботились о собраніи предметовъ, напоминающихъ нѣмецкое, шведское и

тзтарское владычества, постарались только собрать все, чтобы могло нагляднымъ образомъ знакомить съ минувшими судьбами тѣхъ мѣстностей, для которыхъ музеумъ предназначался.— Такъ понимая значеніе провинціальнаго музеума, я конечно не исключалъ и тѣхъ предметовъ, кои относились къ эпохѣ владычества Польши въ этой странѣ. Но при всемъ томъ, могу сказать сознательно, въ виленскомъ музеумѣ собственно польскихъ предметовъ почти нѣтъ. Все что есть—это мѣстное—литовско-русское.

На основаніи предписанія г. главнаго начальника края, коммисія обязана была исключить предметы напоминающіе временное владычество Польши, и относящіеся къ польской исторіи.—Извѣстно, что до 1569 года, здѣшній край сохранилъ полнѣйшую политическую самостоятельность. Федеративнаго союза съ Польшею ни одинъ историкъ не назоветъ владычествомъ. Извѣстно, что поляки не только не могли здѣсь пріобрѣтать собственности, но даже занимать служебныя должности. Литовско-русское дворянство строго за этимъ наблюдало, и свято сохраняло права свои. Въ 1795 г., по третьему раздѣлу Польши, губерніи эти возвращены Россіи. Слѣдовательно, по буквальному смыслу предписанія, къ исключенію подлежатъ только тѣ предметы, кои относятся къ эпохѣ съ 1569 по 1795 годъ, и только такіе, которые въ непосредственной связи съ польскимъ владычествомъ или польскою исторіею. Но коммисія не соблаговолила обратить вниманія на эту неопровержимую историческую истину. Она, къ предметамъ, подлежащимъ по ея мнѣнію исключенію изъ музеума, т. е. напоминающимъ владычество Польши, отнесла даже современные, какъ напр. ничего незначущіе два куска желѣза потому только, что даритель ихъ, и теперь живущій въ Вильнѣ, скульпторъ Иванъ Островской вырѣзалъ на рукояткахъ польскими буквами свою фамилію, или напр. нѣмецкій мечъ съ вырѣ-

заннымъ на немъ латинскими буквами—календаремъ, искл ченъ потому, что былъ собственностью графа Коссаковскаго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершаго.

Спрашивается: чѣмъ и почему Островскій или Коссаковскій напоминаютъ владычество Польши въ этомъ краѣ? Или какое можетъ имѣть отношеніе къ этому барельефъ изъ глины, положительно изображающій св. Петра съ ключами, исключенный потому, что г. Рачинскому св. Петръ показался похожимъ на какого то короля польскаго? Какимъ образомъ могутъ напоминать владычеотво Польши знаки массонской ложи, называвшейся „Казиміръ Великій", когда этотъ Казиміръ никогда не господствовалъ надъ этою страною, и умеръ еще до женидьбы Ягайлы на внучкѣ его Ядвигѣ? Что могутъ имѣть общаго съ польскою исторіею надгробія, мраморныя доски, барельефы, изразцы, изъ разныхъ здѣшнихъ палатъ, хотя многіе изъ нихъ въ наукѣ занимаютъ весьма видное мѣсто, и послужили къ историческимъ открытіямъ и разъясненіямъ, какъ напр. изображеніе на изразцѣ великаго князя литовско-русскаго Сигизмунда, относящееся къ эпохѣ когда еще здѣсь не было владычества Польши, или напр. барельефъ въ память парижскаго конгреса 1856 г., изображающій торжество ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, исключенный потому только, что подъ нимъ подпись скульптора Казиміра Ельскаго, сдѣлавшаго этотъ барельефъ. Но положимъ это мелочи. Я рѣшаюсь обратить вниманіе вашего превосходительства на предметы болѣе серьезные. Вильна и здѣшній край, въ теченіе слишкомъ семивѣковаго своего существованія, основали много памятниковъ, имѣющихъ общечеловѣческій интересъ. Въ музеумѣ есть и такіе предметы одинаково интересные для русскаго, литовца, француза или поляка, кои ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы исключительно польскими. Что особеннаго можетъ напоминать

шапка и голова Каспра Бекеша, извѣстнаго вождя трансильванскаго, служившаго военноначальникомъ у Баторія, и развѣ исключеніе его черепа и шапки изъ музеума изгладятъ изъ народной памяти его имя, когда этимъ именемъ называется гора въ Вильнѣ, гдѣ онъ былъ похороненъ; когда это имя найдутъ во всѣхъ исторіяхъ и на всѣхъ языкахъ? Я ссылаюсь на судъ всѣхъ ученыхъ обществъ и всѣхъ ученыхъ мужей въ Россіи, и заранѣе твердо убѣжденъ, что не найдется ни одного, который допустилъ бы даже мысль исключить изъ музеума, напр. портретъ такой знаменательной личности какъ канцлера Льва Сапѣги, этого извѣстнаго издателя перваго Литовскаго Статута на русскомъ языкѣ, этаго знаменитаго автора достопамятнаго письма, приводимаго всѣми историками, къ Іоасафату Кунцевичу, въ защиту православныхъ. Точно также неужели Догель, родомъ литовецъ, издатель Codex diplomaticus, не долженъ имѣть мѣста въ виленскомъ музеумѣ; Догель, котораго замѣчательный трудъ опередилъ цѣлымъ столѣтіемъ подобныя изданія, составленныя усиліями правительствъ, котораго трудъ составляетъ неотъемлемую принадлежность всѣхъ важнѣйшихъ книгохранилищъ въ Европѣ? Или напр. въ то время, когда русское правительство воздвигаетъ въ Варшавѣ памятникъ полякамъ, павшимъ жертвою мятежа за свою преданность правительству, коммисія исключаетъ изъ музеума портретъ русскаго генералъ-лейтенанта Коссаковскаго, повѣшеннаго мятежниками во время народнаго движенія въ Вильнѣ въ 1794 г. за свою преданность великой Екатеринѣ. Кажется никто не можетъ усомниться въ томъ, что знамени въ Вильнѣ, съ гербомъ и нынѣ употребляемымъ, всего приличнѣе находиться въ виленскомъ музеумѣ: такъ присудила и сама коммисія, а между тѣмъ прикомандированный къ ней для дѣлопроизводства г. Рачинскій нашелъ нужнымъ исключить оное. На-

конецъ, исключеніе изъ музеума портретовъ и бюстовъ такихъ личностей, какъ доказавшій на дѣлѣ свою любовь и преданность къ престолу и Россіи митрополитъ Жилинскій; пользовавшіеся европейскою извѣстностью Франкъ и Снѣдецкіе; основатель обсерваторіи Почобутъ; заслуженный историкъ Нарбутъ, котораго безпристрастный и добросовѣстный трудъ до сихъ поръ служитъ богатымъ матеріаломъ для всѣхъ русскихъ историковъ; основатели разныхъ богоугодныхъ и человѣколюбивыхъ заведеній въ Вильнѣ, жертвователи на пользу просвѣщенія и многіе другіе, собственно здѣшніе уроженцы, жившіе подъ русскимъ скипетромъ въ эпоху, когда этотъ край уже былъ возвращенъ Россіи,— по моему убѣжденію вовсе не могутъ быть причислены къ предметамъ, напоминающимъ польское владычество, и, на основаніи предписанія г. главнаго начальника края, должны бы именно принадлежать къ литовско-русскому отдѣлу. Представляя все вышеизложенное на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, я увѣренъ, что вы не откажете въ просвѣщенномъ и безпристрастномъ вниманіи къ настоящему моему заявленію, и уважите мою покорнѣйшую просьбу о новомъ подробномъ разсмотрѣніи назначенныхъ уже коммисіею къ исключенію предметовъ, сообразуясь съ точнымъ смысломъ предписанія г. главнаго начальника края, и имѣя въ виду научныя начала и историческую истину въ отношеніи дѣйствительной эпохи владычества здѣсь Польши. На подлинномъ написано графъ Евстафій Тышкевичъ. — Отвѣтъ А. Д. Столыпина слѣдующаго содержанія: „Въ первомъ же засѣданіи коммисіи, въ качествѣ присутствующаго, уяснивъ себѣ мысль предписанія г. главнаго начальника края, я заявилъ свое мнѣніе, что работы по оной должны быть научнаго свойства, и не имѣть характера административно-политическаго. Основаніемъ моего мнѣнія было во 1-хъ то, что чистая наука луч-

ше всякихъ политическихъ умозаключеній возстановляетъ историческую истину; во 2-хъ, что людямъ науки, изъ которыхъ составлена въ большинствѣ своемъ коммисія, не пригодно входить въ публичныя политическія пренія, которыя неизбѣжно возбуждались бы въ коммисіи, если бы оной приданъ былъ характеръ административно-политическій. То, что я заявлялъ какъ присутствующій, повторяю и въ качествѣ предсѣдательствующаго; по этому считаю обязанностію выразить свое сожалѣніе графу Тышкевичу, въ томъ, что съ перваго параграфа, поданнаго имъ протеста, онъ возбуждаетъ между членами коммисіи вопросы политическіе; они слѣдующіе: почему графъ подписывалъ всѣ протоколы коммисіи, когда несоглашался съ мнѣніями прочихъ членовъ; и почему предрѣшая, что одинъ его голосъ долженъ имѣть противъ себя голоса всѣхъ прочихъ пяти, онъ становится къ коммисіи въ преднамѣренно враждебное положеніе?—Я назвалъ вопросы, которые возбуждаются протестомъ графа Тышкевича политическими потому, что они приводятъ къ слѣдующему заключенію: коммисія состоитъ изъ шести членовъ, изъ коихъ по мнѣнію графа, пять принадлежать къ одному политическому лагерю, а одинъ къ противному. Этотъ одинъ членъ, изъ политической необходимости, не смѣетъ высказывать своего мнѣнія. Отъ этого заключенія, пять членовъ могли бы придти Богъ знаетъ къ какому выводу о томъ членѣ, который преднамѣренно отъ нихъ отдѣляется, если бы имъ не была извѣстна несомнѣнная его преданность правительству; но эти пять членовъ встрѣчали, и здѣсь на западѣ Россіи, чаще чѣмъ на востокѣ ея, людей преданныхъ правительству, но полагающихъ, что дѣло правительственное можно отдѣлять отъ дѣла рускаго. Признаюсь, что если бы я судилъ о графѣ Тышкевичѣ по одному только его протесту, то не усомнился бы причислить его къ этому разряду людей; но такъ какъ

духъ протеста графа не совпадаетъ съ его патріотическою дѣятельностію въ коммисіи, то я полагаю, что графъ, посвятившій всю жизнь свою наукѣ общей, не хорошо уяснилъ себѣ въ этой наукѣ—въ чемъ состоитъ дѣло русское, нераздѣльное съ дѣломъ правительственнымъ. По этому я долгомъ считаю объяснить его сіятельству, что дѣло русское, чтобы оно не шло въ разладъ съ дѣломъ правительственнымъ, должно между прочимъ состоять въ уразумѣніи духа правительственныхъ распоряженій, а не въ адвокатской придиркѣ къ буквѣ оныхъ. Этимъ заявленіемъ я могъ бы и ограничиться; но чтобы разъ навсегда покончить съ политическими преніями въ коммисіи нашей, я постараюсь вполнѣ разъяснить, въ чемъ состоитъ политическая и научная ея цѣль, по смыслу предложенія г. начальника края, и тѣмъ надѣюсь исчерпать вопросъ до конца. Для этаго, съ полною откровенностію разберу по пунктамъ протестъ графа, и не стѣсняясь, выскажу по оному свое мнѣніе. 1-е) *Будучи* увѣренъ въ благой цѣли, съ которою графъ Тышкевичъ основалъ музеумъ, чтобы въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражалась вся исторія литовско-русскаго народа, онъ, по обстоятельствамъ отъ него независящимъ, къ несчастію не достигъ цѣли: въ отраженной исторіи оказался пробѣлъ русской ея половины. Вотъ что собственно и послужило поводомъ къ предложенію г. начальника края о преобразованіи музеума. 2) *Ежели* въ музеумахъ лифляндскомъ и курляндскомъ исключительно были бы собраны предметы временъ владычества рыцарей, а удалены тѣ, которые могутъ служить воспоминаніемъ о древней зависимости этаго края отъ русскихъ князей полоцкихъ, псковскихъ, кокенкаузенскихъ, герсинскихъ; если въ финляндскомъ музеумѣ шведская часть онаго подавляла бы мѣстную финскую, и могла ввести этимъ въ заблюжденіе не образованнаго посѣтителя на счетъ финской народности

Финляндіи, я не затрудняюсь сказать, что было бы логично со стороны правительства, принять мѣры къ преобразованію этихъ музеумовъ, какъ это сдѣлано въ Вильнѣ, и особенно въ настоящій моментъ политической жизни Россіи, когда она одинаково принуждена бороться противъ тождественныхъ притязаній польской шляхты, нѣмецкаго баронства и шведскаго рыцарства на достояніе не польскаго, не нѣмецкаго и не шведскаго мѣстнаго населенія. 3) *Если бы* г. начальникъ края, вмѣняя въ обязанность коммисіи, исключить изъ музеума предметы, напоминающіе временное владычество Польши, и относящіеся къ польской исторіи, имѣлъ въ виду буквальное лишь исполненіе этаго предложенія, а не осмысленныя дѣйствія по оному, тогда онъ назначилъ бы полицейскихъ чиновниковъ, а не людей науки. И такъ, самый составъ коммисіи изъ членовъ почти всѣхъ принадлежащихъ къ сословію ученыхъ, доказываетъ графу Тышкевичу, что г. начальникъ края не только предоставилъ коммисіи право, но и поставилъ ей въ обязанность, вникнуть въ смыслъ его предписанія, не придерживаясь тупоумно къ буквѣ онаго. Слѣдовательно адвокатская придирчивость, повторяю, къ буквѣ не можетъ и не будетъ имѣть мѣста при нашихъ занятіяхъ. Адвокатскою придиркою я называю, считать періодъ польскаго гнета въ здѣшней странѣ лишь отъ 1569 до 1795 г., объяснять почему,—было бы не умѣстно: мы всѣ здѣсь не школьники, и хорошо знаемъ мѣстную исторію. Я только считаю долгомъ, чтобы отнять поводъ ко всякимъ превратнымъ толкованіямъ, оффиціально заявить, что смыслъ предложенія главнаго начальника края состоитъ не въ уничтоженіи памятниковъ какого бы то не было періода изъ исторіи зап. края Россіи, чегосдѣлать нельзя,—а въ отнятіи у музеума всякаго демонстративнаго и тенденціоннаго характера. Вникая въ этотъ смыслъ, нельзя не придти къ

заключенію, что предметы музеума, принадлежащіе къ періоду отъ 1377 до 1569 года подлежатъ болѣе тщательному разбору коммисіи, чѣмъ тѣ, которые относятся къ періоду отъ 1569 по 1795 годъ, потому, что въ этомъ послѣднемъ періодѣ никто изъ русскихъ ученыхъ, равно какъ и польскихъ, не думаетъ оспаривать польскаго владычества, котораго нельзя вычеркнуть изъ исторіи, тогда какъ въ предшествующемъ періодѣ польскіе историки хотятъ видѣть въ самостоятельности Литвы — преобладаніе польщизны, а русскіе — элементовъ чисто русскихъ. Слѣдовательно, тутъ то и слѣдуетъ намъ возстановить историческую истину, тѣмъ болѣе, что въ виленскомъ музеумѣ предметы были подобраны въ видахъ поддержанія взгляда польскихъ историковъ преимущественно на счетъ этаго спорнаго періода. Я увѣренъ, что и самъ графъ содрогнулся бы отъ того гомерическаго смѣха, которымъ разразились бы наши враги, если бы коммисія была такъ близорука и простодушна, что, опираясь на буквѣ предписанія главнаго начальника края, выбросила бы изъ музеума предметы, принадлежащіе къ одному не спорному лишь періоду польскаго владычества. 4-е) *Перейду* теперь къ подробностямъ: графъ говоритъ о шапкѣ Бекеша, о портретѣ Льва Сапѣги, Догеля, Нарбута, митрополита Жилинскаго, о знамени города Вильны... Разумѣется эти предметы, отдѣльно взятые, не имѣютъ никакого политическаго значенія; — скажу болѣе: если бы около черепа и шапки Бекеша лежали бы какія нибудь предметы, принадлежавшіе хотя бы похороненному здѣсь князю Рѣпнину; если бы рядомъ съ портретомъ Сапѣги висѣлъ и портретъ Острожскаго; съ портретомъ автора Codex Diplomaticus — портретъ Сперанскаго; съ Нарбутомъ-Кояловичъ, съ Жилинскимъ высокопреосвященный Сѣмашко; если бы, подобно виленскому знамени, было сохранено и шведское, дарованное Петромъ Великимъ Пятниц-

кой церкви; если бы даже Ядвига красовалась на почетномъ мѣстѣ, но рядомъ съ нею и княгиня Елена Іоанновна; наконецъ, если бы въ музеумѣ сохранилось изображеніе всѣхъ русско-литовскихъ магнатовъ, принявшихъ польскую національность, но тамъ же и лики тѣхъ князей и бояръ, которые подписали протестъ противъ уніи: то и тогда бы мысль о преобразованіи виленскаго музеума невозродилась въ умѣ главнаго начальника края. 5-е) *Графъ* Тышкевичъ упоминаетъ еще о мелочахъ, каковы кусокъ желѣза Островскаго... на это я могу только изъявить сожалѣніе, что его сіятельство своевременно гласно не протестовалъ противъ ихъ отнесенія къ 4 разряду, тѣмъ болѣе, что онъ это сдѣлалъ съ видимымъ намѣреніемъ — обогатить фактами свой протестъ противъ коммисіи, къ которой относится враждебно, не смотря на то, что, самъ къ ней принадлежитъ. Въ заключеніе, и главное, я долженъ припомнить графу Тышкевичу, что коммисія съ самаго перваго своего засѣданія до послѣдняго, не разъ повторяла рѣшеніе, которымъ и заключила предшествующее свое засѣданіе: „*представляя списокъ предметамъ четвертаго отдѣла, особо ходатайствовать, чтобы тѣ изъ нихъ, которые прежде, въ преднамѣренной обстановкѣ, получили демонстративное значеніе и колоритъ антирусскій, по уничтоженіи сей обстановки, возвратить въ музеумъ, гдѣ они составили бы литовско-русскій отдѣлъ въ истинномъ смыслѣ, ибо русская сторона была бы развита, пріумножена и дополнена,* къ чему всѣ члены составили спеціальные планы, и даже вошли для сего въ сношенія съ различными учеными учрежденіями и лицами внутри Россіи: на подлинномъ: Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Столыпинъ. 4 апрѣля 1865 г. Вильна.“ По прочтеніи сего, членъ коммисіи П. А. Безсоновъ, съ своей стороны сказалъ слѣдующее: по поводу, отзыва

графа Тышкевича, я позволю себѣ замѣтить слѣдующее объ одной его частности. Обсуждая дѣйствія коммисіи, и прося объ ихъ пересмотрѣ, графъ между прочимъ выразился: „я ссылаюсь на судъ всѣхъ ученыхъ обществъ и всѣхъ ученыхъ мужей въ Россіи." Изъ числа ученыхъ графъ конечно не исключаетъ и насъ, но онъ противупоставляетъ намъ ученыя русскія общества. Настоящая коммисія назначена правительствомъ: она, какъ извѣстная инстанція, не имѣетъ права пересматривать и перерѣшать своихъ сужденій, занесенныхъ въ протоколы; рѣшеніе объ ея постановленіяхъ принадлежитъ высшей инстанціи, правительству, которое ее назначило, и которое признаетъ или не признаетъ справедливости ея мнѣній. Во всякомъ случаѣ, только оно и рѣшитъ дѣло окончательно: ему и представляетъ коммисія свои рапорты. Но графъ аппелируетъ къ ученымъ обществамъ и наукѣ, стало быть выводитъ вопросъ на почву литературную. Это по крайней мѣрѣ преждевременно. Дѣйствія коммисіи совершались доселѣ закрыто: когда они открыты будутъ въ извѣстной степени для литературы, если только это будетъ дозволено, тогда смѣю увѣрить графа, на его отзывъ получится совершенно удовлетворительный отвѣтъ. Русская наука и литература, надѣюсь, оцѣнитъ безпристрастныя дѣйствія коммисіи, когда узнаетъ, что съ самаго начала до конца перваго періода засѣданій, коммисія, по указанію правительства дѣйствовала совершенно научнымъ путемъ и учеными средствами. Но ей противупоставлено было противодѣйствіе; отъ нея долго скрываемые были и описанія, и каталоги и инвентари, и даже нѣкоторые предметы музеума, замаскированные въ ихъ истинномъ значеніи лживыми увѣреніями каталоговъ: такой способъ дѣйствія музеума, противъ коего не разъ выражался и самъ графъ, и къ обличенію коего самъ не разъ содѣйствовалъ, за что

коммисія такъ ему признательна, конечно не есть способъ дѣйствія истинной науки. Коммисія вынуждена была переходить отъ ученаго изслѣдованія къ своего рода слѣдствію, и съ первыхъ же засѣданій своихъ постановила: по окончаніи ихъ, помочь разкрытію истины, сообщивъ въ прочія ученыя общества, связанныя съ музеумомъ и археологическою при немъ коммисіею, исправленные каталоги, описи и инвентари, съ обличеніемъ ихъ скрытности или ошибокъ, вводившихъ доселѣ всю науку и всѣ ученыя общества въ заблужденіе. Я здѣсь имѣю голосъ какъ представитель науки, но кромѣ того я отчасти представляю здѣсь и другія ученыя русскія общества, коихъ имѣю честь состоять дѣйствительнымъ членомъ. Смѣю увѣрить, что эти общества, основанныя, признаныя и покровительствуемыя правительствомъ, подадутъ свой прямой голосъ, если когда либо его спросятъ противъ ненаучнаго состава, въ какомъ мы нашли, къ сожалѣнію виленской музеумъ."—Дѣлопроизводитель коммиссіи А. В. Рачинскій просилъ добавить къ русско-польскимъ паралелямъ въ отвѣтѣ господина предсѣдательствующаго еще одно обстоятельство, обратившее на себя въ свое время вниманіе коммисіи, но тогда не записанное: это сопоставленіе разложеннымъ въ витринѣ памятникамъ пребыванія въ странѣ французскихъ войскъ и ихъ начальниковъ, тѣхъ оттисковъ изображеній русскихъ государей и полководцевъ, а такъ же членовъ союза, сопротивниковъ Наполеона, которые были найдены запрятанными въ шкафѣ. „Что касается до обвиненія на меня возводимаго графомъ въ произвольномъ, противу рѣшенія коммисіи, вынесеніи виленскаго знамени, то честь имѣю привести на память коммисіи 1-ю статью протокола тринадцатаго засѣданія оной, въ которомъ подъ № 155 виленское знамя вмѣстѣ съ прочими предметами отнесено къ четвертому

разряду, и протоколъ въ числѣ прочихъ гг. членовъ подписалъ и графъ Тышкевичъ." Касательно нѣмецкаго меча съ вырѣзаннымъ на немъ готическими латинскими буквами календаремъ, и который графъ предполагаетъ вынесеннымъ въ 4 разрядъ потому лишь, что онъ составлялъ собственность графа Коссаковскаго, коммисіи доложено, что ни въ протоколѣ, ни въ спискахъ предметовъ 4-го разряда, ни въ особомъ помѣщеніи для сихъ предметовъ—означеннаго меча нѣтъ. Когда графъ настаивалъ, что его нѣтъ равно и въ музеумѣ, то спрошены были письмоводитель музеума Валицкій и сторожъ онаго Казиміръ, которые скоро и принесли означенный мечъ, найденный ими на своемъ мѣстѣ, въ археологическомъ отдѣлѣ. Заявленіе графа оказалось ошибочнымъ, а слѣдовательно и самое разсужденіе его о семъ въ протестѣ совершенно тщетнымъ. Постановили: записать о всемъ бывшемъ въ протоколъ.

2) Членъ коммисіи П. А. Безсоновъ возвращая въ музеумѣ, въ присутствіи коммисіи порученный ему общій каталогъ библіотеки музеума, заявилъ: изъ порученнаго мнѣ разсмотрѣнія музейнаго каталога книгъ, который представленъ былъ коммисіи подъ именемъ инвентаря, оказывается слѣдующее:

1) Листовъ въ немъ $227\frac{1}{2}$, стр. 950.

2) Рубрики: агрономіи и техногогіи; математики и естественныхъ наукъ; смѣси, сборниковъ и повременныхъ изданій, медицины, политической экономіи, и статистики, географіи и путешествій; законовѣденія, нумизматики и археологіи; филологіи классической и языкознанія, беллетристики.

3) Писанъ въ двѣ руки.

4) Рубрики исторіи во все нѣтъ.

5) Предъ каждой рубрикой стоитъ римская цыфра II, и стало быть, нѣтъ начала. 6) считая на каждой страницѣ

среднимъ числомъ пять названій, получимъ на 950 страницъ 4750 названій.

10) Главное, это не инвентарь какъ было заявлено представившими его, а систематическій каталогъ.

11) По систематическому отсутствію начала каждой рубрики, и въ тоже по время сохраненной вездѣ номераціи книгъ, видно, что пробѣлы существуютъ, если не переписанные на бѣло, то черновые.

12) Но кромѣ того, очевидно, что есть при библіотекѣ и инвентарь, ибо систематическій каталогъ въ благоустроенныхъ библіотекахъ, какова безспорно музейная, составляется обыкновенно послѣ инвентаря и на основаніи его.

13) За отсутствіемъ цѣлаго историческаго отдѣла, не могу сказать,. какія книги должны бы подлежать исключенію, ибо таковыя конечно состоятъ именно въ семъ отдѣлѣ.

14) Впрочемъ полагаю, что никакія книги, ни изъ какого отдѣла не должны быть исключены; по нецензурности онѣ могутъ быть только изъяты изъ публичнаго пользованія, оставаясь гдѣ либо въ уголкѣ, въ неизвѣстности, въ какой на самомъ дѣлѣ и остаются доселѣ для членовъ коммисіи. Постановили: записавъ о семъ въ протоколъ, просить графа, чтобы потребовалъ отъ Круповича представленія какого либо, хотя черноваго инвентаря, и приказалъ бы, къ засѣданію 10 апрѣля г. Круповичу явиться въ оное. Подписали: Аркадій Столыпинъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, священникъ А. Пщолко, коллежскій совѣтникъ Горбачевскій, дѣлопроизводитель Рачинскій.

Засѣданіе двадцать второе 9 апрѣля 1865 г.

Подъ предсѣдательствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора А. Д. Столыпина присутствовали: соборный священникъ Антоній Іоанновичъ Пщолко, коллежскій ассесоръ П. А. Безсоновъ и коллежскій ассесоръ Н. И. Горбачевскій.

1) Графъ Тышкевичъ къ подписанію протокола не прибылъ и отъ дальнѣйшаго участія въ засѣданіяхъ коммисіи словесно отказался; мѣръ обеспеченія, въ отсутствіи его, къ охраненію музеума не представилъ: между тѣмъ, коммисіи необходимы изъ библіотеки музеума уставы разныхъ ученыхъ обществъ, и преимущественно императорскаго географическаго общества, коего уставъ г. главный начальникъ края поручилъ коммисіи принять къ руководству. Постановили: 1) выпискою изъ вчерашняго протокола просить графа Тышкевича, приказать хранителю библіотеки музеума Круповичу, прибыть въ засѣданіе коммисіи 10 числа, (что во время засѣданія исполнено чрезъ письмоводителя музеума Валицкаго); 2) обращаясь къ постановленію своему 11 минувшаго марта, о мѣрахъ къ охраненію музеума какъ учрежденія государственнаго, въ отсутствіи попечителя онаго гр. Тышкевича, просить г. предсѣдательствующаго ходатайствовать о приведеніи сихъ мѣръ, въ какомъ бы то ни было видѣ въ исполненіе.

2) Предложеніе г. предсѣдательствующаго: чтобы гг. члены, разсмотрѣли на дому уставъ музеума, а изъ уставовъ ученыхъ обществъ, преимущественно уставъ географическаго общества: и тогда, приступить въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій къ исполненію порученія г. главнаго начальника края, о составленіи проэкта устава, для виленскаго музеума, сообразнаго цѣли и назначенію онаго: подписали: Аркадій Столыпинъ, кол. ас. Безсоновъ, архиваріусъ центр. арх. Горбачевскій и Александръ Рачинскій.

ЗАСѢДАНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ 10 апрѣля 1865 г.

Подъ предсѣдательствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора А. Д. Столыпина присутствовали: коллежскій ассесоръ П. А. Безсоновъ, соборный священникъ Антоній Іоанновичъ Пщолко и коллежскій совѣтникъ Н. И. Горбачевскій.

1) Письмоводитель музеума Валицкій объявилъ, что графъ Тышкевичъ въ засѣданіе не прибудетъ; что Круповичъ въ засѣданіе явиться не можетъ по болѣзни; что устава географическаго общества въ библіотекѣ музеума не имѣется. Постановили: просить г. предсѣдательствующаго, отнестись въ Общество съ просьбою, доставить коммисіи семь экземпляровъ его устава, въ тѣхъ особенно видахъ, что г. главный начальникъ края поручилъ коммисіи, при составленіи проекта устава для виленскаго музеума, руководствоваться преимуществснно уставомъ общества географическаго. Подписали: Аркадій Столыпинъ, коллежскій ассесоръ Безсоновъ, архиваріусъ цент. арх. Горбачевскій, Александръ Рачинскій.

МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ,

господину главному начальнику сѣверо-западнаго края,

свиты Е. И. В. ген.-маіора Столыпина.

Рапортъ.

Честь имѣю почтительнѣйше донести вашему высокопревосходительству, что первый періодъ работъ коммисіи оконченъ, т. е. составленъ списокъ предметамъ IV отдѣла подлежащимъ удаленію.

Поданное по сему поводу отдѣльное мнѣніе гр. Тышкевича, имѣю честь представить вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ,

и присоединить мнѣніе, какъ выработанное всѣми членами коммисіи, такъ составляющее и мое искреннее убѣжденіе. Законченная одна половина дѣла вызываетъ другую; замѣненіе пробѣловъ музеума и пополненіе ихъ всѣмъ русскимъ, мѣстнымъ, и въ тоже время общерусскимъ. Если уже въ прежнемъ видѣ своемъ музеумъ служилъ важнымъ органомъ пропаганды, дѣйствуя путями лжи и неправды, то тѣмъ болѣе онъ будетъ важнымъ органомъ, служа прямой истинѣ русскаго дѣла. Это будетъ школа нагляднаго воспитанія для здѣшняго духовенства въ памятникахъ церковной православной археологіи; для ученыхъ, въ спеціальныхъ историческихъ документахъ; для общества въ томъ, что его должно сближать съ Россіей; даже для простаго народа въ предметахъ сельскаго хозяйства и этнографіи.

Избавившись отъ всякихъ частныхъ вліяній и тенденцій, этотъ органъ общественной силы края въ крѣпкихъ рукахъ правительства будетъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ орудій.

Вильна 4 апрѣля 1865 г. № 17.

Главному начальнику сѣверо-западнаго края.

РАПОРТЪ.

Въ дополненіе къ представленнымъ мною вашему высокопревосходительству при рапортѣ 4 апрѣля № 17 протесту гр. Тышкевича и отвѣту моему на оный, имѣю честь донести, что протестъ и отвѣтъ были обсуждаемы въ засѣданіи коммисіи вчерашняго числа и послужили предметомъ для заявленій прочихъ членовъ. Копію съ протокола, исключивъ въ оной два документа представленные уже вашему высокопревосходительству и списокъ предметовъ въ музеумѣ, отнесенныхъ къ разряду напоминающихъ польское владычество въ краѣ, уложенныхъ въ особо отведен-

ное для них помѣщеніе,—имѣю честь у сего представить, испрашивая дальнѣйшихъ объ оныхъ распоряженій, согласно выраженной о семъ волѣ въ первоначальномъ предписаніи вашего высокопревосходительства, 28-го февраля, о преобразованіи виленскаго музеума.

Вильна 9 апрѣля 1865 года. № 18.

Господину главному начальнику сѣверо-западнаго края генералу отъ инфантеріи и кавалеру, Михаилу Николаевичу Муравьеву.

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіора Столыпина

РАПОРТЪ.

11-го минувшаго марта въ восьмомъ засѣданіи коммисіи, учрежденной вашимъ высокопревосходительствомъ для устройства виленскаго музеума, заявлено было мною въ качествѣ присутствующаго слѣдующее: „такъ какъ первые пріемы коммисіи совершенно доказали неблагонадежность прежняго храненія музеума, нѣкоторыя злоупотребленія при семъ,— не только неохоту со стороны дѣятелей при немъ состоявшихъ, содѣйствовать успѣшнымъ дѣйствіямъ коммисіи, но даже и явное недоброжелательство—противудѣйствующія успѣхамъ коммисіи; между тѣмъ г. попечитель музеума заявилъ о своей болѣзни; люди же, коихъ онъ представилъ въ обеспеченіе храненія музеума совершенно коммисіи неизвѣстны, и обязанности ихъ раздроблены; то, по этому, я считая необходимымъ, для сохраненія предметовъ музеума, составляющаго собственность государственную, представить его высокопревосходительству г. главному начальнику края, и просить, дабы устранить связь археологической коммисіи съ музеумомъ на все время дѣйствій настоящей коммисіи; съ другой стороны, дабы избавить совер-

шенно сію послѣднюю отъ пріема и храненія предметовъ музеума и отвѣтственности за то,—назначить, кого благоугодно ему, особаго чиновника съ необходимыми помощниками для пріема по инвентарю и по наличному числу предметовъ сего музеума отъ служащихъ при ономъ и числящихся лицъ чисто административнымъ порядкомъ, а вмѣстѣ, для храненія, поставить при залѣ музеума часовыхъ. Настоящая коммисія, совершенно устраненная отъ сего, въ видахъ болѣе ученыхъ, пользуясь услугами администраціи, для большаго успѣха, будетъ продолжать разсмотрѣніе предметовъ и разграниченіе ихъ по указаннымъ отдѣламъ.“ Коммисія постановила: совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ моимъ,—просить чрезъ посредство г. предсѣдателя ѳ приведеніи сего мнѣнія въ исполненіе.

При настоящихъ обстоятельствахъ, возбужденныхъ протестомъ графа Тышкевича, при умышленномъ удаленіи его вмѣстѣ съ его помощниками, явно преднамѣренномъ не желаніи присутствовать при работахъ коммисіи, и принимать на себя хотя какую-либо отвѣтственность предъ правительствомъ, обществомъ и наукою, оказывается крайняя необходимость означенное выше заявленіе привести въ немедленное исполненіе, опредѣливъ къ тому, на жительство въ музеумѣ, благонадежнаго чиновника, не имѣющаго другихъ отвлекающихъ занятій, и при немъ двухъ для письмоводства помощниковъ: о чемъ коммисія и поручила мнѣ честь ходатайствовать предъ вашимъ высокопревосходительствомъ.

При чемъ имѣю честь представить секретную записку, выражающую въ себѣ сущность всѣхъ происходившихъ преній по сему важному предмету, а вмѣстѣ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства и нѣкоторые виды для преобразованія музеума въ ближайшемъ будущемъ.

Вильна 11 апрѣля 1865 г. № 19.

ЗАПИСКА

о настоящемъ положеніи коммисіи для устройства виленскаго музеума.

Коммисія, учрежденная по распоряженію г. главнаго начальника края 27 февраля сего года за № 2819, открыла свои дѣйствія 3-го марта и къ 26-му тогожъ мѣсяца въ девятнадцать засѣданій окончила первый періодъ порученныхъ ей занятій осмотромъ и отдѣленіемъ въ особое помѣщеніе, впредь до особаго распоряженія, тѣхъ предметовъ въ музеумѣ, которые, или принадлежа къ польской народности, или служа напоминаніемъ о временномъ владычествѣ въ странѣ польскихъ королей и магнатовъ,—составляли демонстраціонную и тенденціонную части коллекцій музеума.

Порученное коммисіи приведеніе въ извѣстность всѣхъ предметовъ находящихся въ музеумѣ не могло быть доселѣ исполнено по совершенному отсутствію научнаго порядка въ коллекціяхъ, по отсутствію правильныхъ описей предметовъ, по неожиданно встрѣченной въ археологическомъ отдѣлѣ невѣрности наименованій предметовъ и по тому недоброжелательству, которое съ самаго начала занятій и до окончанія перваго ихъ періода члены коммисіи встрѣчали со стороны состоявшей доселѣ при музеумѣ администраціи.

Еще во второмъ засѣданіи своемъ, изъ двухъ способовъ охраненія музеума, предложенныхъ попечителемъ онаго графомъ Тышкевичемъ: или подвергнуть музеумъ опечатанію, или оставить охраненіе его на отвѣтственности графа,—коммисія выбрала второй способъ, какъ болѣе деликатный относительно графа Тышкевича, а также и по неимѣнію въ рукахъ своихъ матеріальныхъ средствъ для составленія описей и храненія залъ музеума.

Но вслѣдъ за тѣмъ, когда на четвертомъ засѣданіи коммисіи, открылась необходимость повѣрить заявленныя гра-

фомъ Тышкевичемъ сомнѣнія, касательно невѣрнаго показанія въ описаніи археологическаго отдѣла хранителемъ онаго Киркоромъ русско-московскаго герба за польско-литовскій, графъ уклонился отъ участія въ засѣданіяхъ коммисіи. На седьмомъ засѣданіи оказалась неблагонадежность ученаго секретаря и хранителя библіотеки музеума, Круповича, тѣмъ,- что онъ дотолѣ скрывалъ общій инвентарь музеума открытый г. Горбачевскимъ изъ разсмотрѣнія протоколовъ коммисіи; скрывалъ общій каталогъ книгамъ, и доселѣ необъяснилъ гдѣ вписаны историческій и политическій ихъ отдѣлы довольно богатые, какъ видно изъ представленныхъ имъ и нѣсколько разъ находимыхъ по разнымъ угламъ библіотеки записокъ, на которыхъ списанъ каталогъ; вмѣсто требуемыхъ рукописей представлялъ коммисіи другія; давалъ сбивчивыя показанія о принадлежности и даже о существованіи важной рукописи прелата Гербурта. Все это при продолжительномъ отсутствіи хранителя музеума графа Тышкевича, не обеспечивало коммисію въ неприкосновенности коллекцій музеума, и потому она 11-го марта, въ восьмомъ своемъ засѣданіи, по заявленному А. Д. Столыпинымъ предложенію, просила предсѣдателя своего представить г. главному начальнику края о необходимости: музеумъ, какъ составляющій собственность государственную, принять въ вѣдѣніе правительства; на все время дѣйствій коммисіи, устранить связь музеума съ виленской временной археологической коммисіей, при которой она состоитъ до сего дня: при чемъ, оставивъ за коммисіею, учрежденною для устройства музеума, чисто ученый характеръ,—самое описаніе музеума по наличности, пріемъ административнымъ порядкомъ предметовъ отъ числящихся при музеумѣ лицъ, и храненіе онаго поручить особому чиновнику съ необходимыми ему помощниками; а вмѣстѣ

съ тѣмъ, до водворенія прочной администраціи въ музеумѣ поставить къ заламъ его часовыхъ.

Но вслѣдъ за симъ постановленіемъ, графъ Тышкевичь выздоровѣлъ, и продолжалъ участвовать въ засѣданіяхъ, содѣйствуя къ уясненію истины по розысканіямъ, весьма затруднительнымъ, вслѣдствіе постепенно съ 1855 года водворявшейся лжи въ научное направленіе музеума и въ самое распредѣленіе предметовъ его коллекцій. Охраненіе музеума вновь оставлено было за графомъ Тышкевичемъ; и постановленіе коммиссіи оставалось, изъ вѣжливости къ графу, неисполненнымъ.

Такъ и кончила коммисія первый періодъ своихъ занятій, отдѣливъ въ особое помѣщеніе до 280 предметовъ, коимъ составленъ списокъ, подписанный, въ числѣ прочихъ членовъ, и графомъ Тышкевичемъ. Положено было, списокъ при особой запискѣ представить г. главному начальнику края, на дальнѣйшее распоряженіе его высокопревосходительства объ отдѣльныхъ предметахъ. Страстная недѣля и праздникъ Пасхи застали коммисію на этомъ постановленіи. Но выѣздъ въ Петербургъ г. главнаго начальника края мгновенно измѣнилъ мирное и научное направленіе трудовъ коммисіи. Графъ Тышкевичъ вошелъ 29 марта къ г. предсѣдательствующему съ протестомъ, во имя политической своей неравноправности съ пятью русскими членами коммиссіи. Этою кажущеюся неравноправностію покрывалъ онъ несправедливое и позднее заявленіе о несогласіи его съ постановленіями коммисіи, касательно отдѣленія нѣкоторыхъ предметовъ въ послѣдній разрядъ, и видимое желаніе его перевести коммисію съ истинной почвы ея дѣятельности на поле праздной полемики или неблагонамѣренной литературы. Въ засѣданіи 8 апрѣля, въ присутствіи графа Тышкевича политическая, научная и фактическая несостоятельность его заявленія была ему дока-

зана; но онъ не могъ ничего отвѣтить въ возраженіе, и тѣмъ доказалъ, что едва ли самъ онъ былъ главнымъ сочинителемъ протеста, а напротивъ, за его именемъ проглядываетъ цѣлая партія гг. Киркоровъ, Круповичей и прочихъ; за симъ графъ Тышкевичъ положительно отказался участвовать далѣе въ мирныхъ занятіяхъ коммисіи на почвѣ чисто научной; оправдывалъ политическій протестъ свой обязанностію защищать честь отъ нареканій того шляхетскаго общества, которое, на вѣру въ его имя, несло въ музеумъ свои приношенія, а нынѣ подметными письмами упрекаетъ его въ продажѣ шляхетскихъ коллекцій за камеръ-юнкерскій фракъ, и окончательно отказался присутствовать въ коммисіи. Вслѣдъ за нимъ отказался явиться съ объясненіями въ коммисію и Круповичъ, по болѣзни; между тѣмъ, какъ главная отвѣтственность въ цѣлости музеума лежитъ именно на сихъ двухъ лицахъ.

Протестъ графа и обсужденіе его въ коммисіи извѣстны г. главному начальнику края изъ двухъ рапортовъ г. предсѣдательствующаго 4-го и 9-го сего апрѣля за №№ 17 и 18.

Члены коммисіи, въ виду положительнаго научнаго разрыва графа Тышкевича и его помощника съ коммисіею, учрежденною для устройства музеума, въ виду вреда и ущерба, который произойти можетъ отъ безучастія графа въ сохраненіи музеума; въ виду доказанной научной, по отношенію къ музеуму, неблагонадежности гг. Круповича и Киркора, какъ хранителей отдѣловъ, и прочихъ ихъ помощниковъ и служителей; въ виду той нравственной отвѣтственности, которая, за отсутствіемъ вещественной, не преминетъ лечь на коммисію всѣмъ гнетомъ польской клеветы, къ коей еще такъ мало чутко ухо русскаго общества; коммисія считаетъ обязанностію почтительнѣйше ходатайствовать:

1) О немедленномъ принятіи музеума въ веденіе виленскаго учебнаго округа.

2) О разрѣшеніи печатнаго оглашенія дѣйствій и постановленій коммисіи, непремѣнно „въ Виленскомъ Вѣстникѣ“ и въ одной изъ столичныхъ газетъ, какъ напримѣръ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

3) О соединеніи предполагаемой въ Вильнѣ публичной библіотеки съ таковою же въ Музеѣ; о представленіи помѣщенія нынѣшняго Музеума подъ учрежденіе сей библіотеки, въ которой преобразованные отдѣлы музейныхъ коллекцій составятъ дополнительный наглядный курсъ ученія для воспитывающейся здѣсь русской, но въ большинствѣ ополяченной, молодежи.

ЗАСѢДАНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ, 27 апрѣля 1865 года.

1) Коммисія, собравшись сего числа въ засѣданіе, выслушала объявленный ей г. предсѣдательствующимъ Высочайшій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Рескриптъ на имя г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края коимъ его высокопревосходительство возводится въ потомственное графское Россійской Имперіи достоинство; и обсуждала предложеніе послать по сему случаю его сіятельству графу Михаилу Николаевичу Муравьеву привѣтствіе. Приняла и одобрила слѣдующія редакціи телеграммы и письма: *первая*-„Петербургъ Сергіевская, графу Муравьеву. Вашимъ сіятельствомъ учрежденная коммисія преобразованія виленскаго музеума поздравляетъ съ Монаршимъ признаніемъ вашихъ великихъ заслугъ.“ *Второе*-Ваше сіятельство, милостивый государь графъ Михаилъ Николаевичъ. Коммисія съ нѣкоторыхъ поръ пріостановившая свои

занятія сочла долгомъ собраться сего дня въ чрезвычайное засѣданіе, дабы выразить вашему сіятельству симъ письмомъ въ дополненіе къ посылаемой краткой телеграммѣ болѣе прямое отъ полноты сердца и болѣе полное прямыхъ чувствъ поздравленіе: поздравленіе съ справедливою оцѣнкою отъ лица Государя трудовъ, подъятыхъ вашимъ сіятельствомъ на умиротвореніе и возрожденіе западнаго края; поздравленіе съ Монаршимъ признаніемъ того всеобщаго и всесторонняго сочувствія народнаго, котораго достигаютъ лишь очень немногія историческія лица; поздравленіе, наконецъ съ тѣмъ сочувствіемъ, которымъ несомнѣнно и теперь, повсюду, до отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи встрѣченъ будетъ высокій знакъ Высочайшей къ вашему сіятельству признательности. Начавъ свои дѣйствія по указанію вашего сіятельства, коммисія считаетъ себя счастливою въ надеждѣ, что плоды послѣдующихъ ея занятій присоединятъ еще новый памятникъ къ числу тѣхъ, кои, конечно, отъ времени до времени, безпрерывно будутъ оживлять для всего русскаго народа высокую память о возстановителѣ русской народности въ западномъ краѣ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искреннею душевною преданностію имѣемъ честь пребыть вашего сіятельства покорнѣйшіе слуги: Вильна 27-го апрѣля 1865 г. Его сіятельству графу М. Н. Муравьеву. Постановили утвердивъ обѣ редакціи, просить г. предсѣдательствующаго отъ лица коммисіи за подписомъ его превосходительства послать телеграмму, а г. дѣлопроизводителя просить:— письмо всѣми членами коммисіи подписанное, отправить по назначенію, что сего же числа и исполнено. Подлинную телеграмму подписалъ: Аркадій Столыпинъ; подлинное письмо подписали: Аркадій Столыпинъ, Петръ Безсоновъ, Никита Горбачевскій, свящ. А. Пщолко и Александръ Рачинскій. Гр. Тышкевичъ въ засѣданіе не прибылъ,— отозвался болѣзнію.

2) Г. предсѣдательствующій внесъ въ коммисію полученные имъ отъ русскаго Императорскаго географическаго общества семь экземпляровъ его устава. Постановили: вручить по экземпляру сего устава И. П. Корнилову, А. Д. Столыпину, Ѳ. І. Пщолко, П. А. Безсонову, Н. Н. Горбачевскому, А. В. Рачинскому; седьмой экземпляръ передать для храненія въ библіотеку музеума письмоводителю онаго Валицкому. Подписали А. Столыпинъ, П. Безсоновъ, свящ. А. Пщолко, Н. Горбачевскій, Александръ Рачинскій.

II.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

до и во время послѣдняго мятежа 1831-1863 г.

(*Продолженіе.*)

ГЛАВА II-я.

Новое направленіе дѣятельности эмиграціи.—Общества.—Партіи.—Фамилія Чарторыйскихъ.—Графъ Ледуховскій.—Мѣрославскій.—Заботы о польскомъ органѣ.—Польскія школы.—Происки Чарторыйскихъ.—Журналъ 3 мая.—Польскій Комитетъ—Централизація.

Съ прекращеніемъ мятежей во Франціи, эмиграція приняла другое направленіе для своей дѣятельности, и, устройствомъ своей организаціи, теоретическою обработкою своихъ плановъ, нѣкоторою послѣдовательностью своихъ работъ и своими сношеніями съ обществами, оказывавшими ей сочувствіе, мало по малу наэлектризовала, себя снова и почла себя опять достаточно сильною, чтобы съ успѣхомъ вступить въ борьбу съ общественнымъ порядкомъ.

Польскій комитетъ находилъ, что лучшій путь для возбужденія симпатій въ Европѣ есть путь масонскихъ ложъ и потому онъ особенно силился оставаться съ ними въ сношеніяхъ и домогался объ образованіи изъ среды ихъ особыхъ комитетовъ, которые принимали названіе *польскихъ*. Вспомоществованія, получаемыя отъ нихъ эмиграціей, не были важны матеріальною поддержкою, но эмиграція особенно цѣнила ихъ, какъ поддержку моральную, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія Европы.

Комитетъ вошелъ особенно въ близкія сношенія во Франціи съ ложами *нераздѣльной Тройцы* въ Парижѣ, *Veritas*—въ Нанси, *французско-шотландскою* въ Мецѣ, *Non plus ultra* въ Буржѣ, *друзей наукъ*—въ Шатору, *постоянной дружбы*—въ Безансонѣ, съ обществами *католическаго агенства, Цивилизаціи, aide toi, le ciel t'aidera* и *интернаціональнымъ*, въ которомъ, рядомъ съ отдѣленіями англійскимъ и американскимъ, устроилось и отдѣленіе польское. Въ Великобританіи *Polnish friends societys* устроились въ Лондонѣ [1]), Гуллѣ, Бирмингамѣ, Нью-Кастелѣ, Шефильдѣ, Нотингамѣ, Лидѣ, Іоркѣ, Манчестерѣ, Песле, Порвичѣ, Эдимбургѣ, Дублинѣ и Гласковѣ. Лондонское общество собрало въ 1833 году 10,116 фр., отправленныхъ въ Швейцарію; гульское основало журналъ the polnish record; бирмингамское велѣло выбить медаль въ память мятежа 1831 года, а въ Эдимбургѣ и Гласковѣ общества праздновали годовщину мятежа 17 (29) ноября.

Въ Германіи тоже устраивались польскіе комитеты и первые присылки денегъ были изъ Франкфурта и Штутгарда, 1763 фр.; эмиссаръ *Шардеръ* собралъ въ Гетингенѣ, Аурихѣ, *Штаде* и Силабрюкѣ 875 фр., а въ Дрезденѣ *Потоцкая* собрала 2730 франк.

Кромѣ польскаго комитета, эмигранты образовали многія общества. Эти общества начали возникать со времени прибытія эмигрантовъ во Францію, и съ 1834 года получили особенное развитіе.

Первое по времени было *литовское* и *руссинскихъ областей;* его основалъ графъ *Цезарь Платеръ* 10 декабря 1831 года [2]). Цѣль общества была—доказать исторически и статистически, что національность этихъ земель должна быть польская и пріискивать для того всѣ нужные документы. Первоначально общество состояло изъ 10 членовъ, въ числѣ ихъ были: Олизаръ, Тышкевичь, Домейко, Герубовичь, Л. Красицкій, Незабитовскій и Володковичь. Потомъ число членовъ возрасло до 35 и наконецъ до 117. 25 (13) марта, день годовщины возстанія Литвы, былъ установленъ для общихъ собраній. Общество постановило имѣть постоянныхъ своихъ эмиссаровъ для поддержанія сношеній съ Англіею и Германіею, и для этой цѣли назначило *Брониковскаго, Вороничa, Л. Домейку* и *Бржозовскаго.* Князь *Чарторыйскій* съ

1) Въ лондонскомъ обществѣ было 13 членовъ, въ томъ числѣ Дудлей Стюартъ Марперъ, Эвансъ, Кампбель и Вульверъ.

2) Статутъ принятъ и утвержденъ обществомъ 10 марта 1832 г.

своей стороны составилъ 9 апрѣля 1832 года *Литературное польское общество*, которое должно было собирать всѣ документы, относящіеся къ исторіи Польши послѣднихъ столѣтій, и изъ нихъ обработывать матеріалы для приготовленія будущности Польши. Общество должно было состоять изъ 24 дѣйствительныхъ членовъ, кромѣ того имѣло членовъ почетныхъ и корреспондентовъ, и раздѣлялось на два отдѣленія — литературы и наукъ. Президентомъ былъ *Чарторыйскій,* вице-президентомъ *ѲедоръМоравскій.* 3 мая и 24 ноября были дни, назначенные для торжественныхъ актовъ [1]). Общество устроило другое—вспомогательное, и отъ него зависимое, въ Лондонѣ, котораго предсѣдателемъ былъ *Ширма.*

Въ Декабрѣ 1832 года генералъ *Пацъ* устроилъ общество—*братства,* съ благотворительною цѣлью, помогать нуждающимся эмигрантамъ; членами его могли быть безразлично мужчины и дамы; дамы приносили обществу особенную пользу успѣшнымъ сборомъ милостыни и разныхъ пожертвованій. Основанное въ декабрѣ 1833 года, общество въ первый годъ выслало 11.293 фр. въ Швейцарію, 14,326 въ Лондонъ и 3830 въ Америку.

Чарторыйскій, Пацъ, Цезарь Платеръ, Княжевичъ и *Немцевичъ* учредили въ 1833 году новое общество *воспитательное* (des études). Цѣль этого общества была образованіе молодаго польскаго поколѣнія дѣтей, какъ эмигрантовъ, такъ и привозимыхъ изъ края, въ духѣ національномъ польскомъ и въ подготовленіи будущихъ дѣятелей ойчизны. Первоначальный планъ былъ тотъ, чтобы постоянно 30 молодымъ людямъ, выбраннымъ изъ числа самыхъ способныхъ, доставлять средства образовать себя въ военномъ искуствѣ, артиллеріи, инженерныхъ наукахъ, администраціи, медицинѣ, хирургіи, гражданской архитектурѣ и построекъ, горномъ искусствѣ, литьѣ орудій, порохомъ и оружейномъ дѣлѣ; для того содѣйствовать ихъ помѣщенію въ соотвѣтствующія будущей спеціальности юношей, правительственныя заведенія, и кромѣ того, для первоначальнаго образованія, учредить училище на 40 польскихъ мальчиковъ. Для необходимыхъ издержекъ Пацъ пожертвовалъ въ основной капиталъ 50,000 фр., *Чарторыйскій* 20.000; кромѣ того было положено обратиться за пособіями къ благотворителямъ во всѣ главнѣйшіе города Европы и

1) По отчету 3 мая 1833 года члены доставили въ теченіе года въ періодическія изданія статьи: 43 политическихъ, 51 литературную и 65 по разнымъ предметамъ и приготовили 15 медалей и эстамповъ.

Америки и особенно къ богачамъ землякамъ края. Первыя попытки помѣстить юношей поляковъ въ специальныя заведенія Франціи не были удачны; только одного удалось пристроить въ литейную Тулузы, потому обществомъ было нанято 5 профессоровъ, которые обучали военнымъ наукамъ въ особо нанятомъ помѣщеніи, снабженномъ библіотекою и моделями. За тѣмъ князю *Чарторыйскому* удалось помѣстить еще двухъ—въ военную школу—Іосифа*Высоцкаго* и Людвига *Мѣрославскаго.* Отецъ Мѣрославскаго былъ кавалеромъ ордена почетнаго легіона и нѣкогда былъ адъютантомъ маршала *Даву* [1]).

Послѣ 1834 года число обществъ стало быстро возрастать, упомянемъ о знаменательнѣйшихъ для жизни эмиграціи.

Общество *воскресшихъ* (змартвыхстанцы), или обыкновенно называемыхъ *резуррекціонистами,* было основано четырьмя ксендзами и монахами: *Іеронимомъ Кайсевичемъ, Губбе, Семененко* и *Александромъ Яловицкимъ. Кайсевичъ* былъ прежде военнымъ, и шрамъ, намять прежняго званія, не безобразилъ его лица. Онъ всходилъ на амвонъ вдохновеннымъ проповѣдникомъ, его рѣчи привлекали многочисленныхъ слушателей, не смотря на его убѣжденіе, что духовенству не прилично участвовать въ замыслахъ революціонеровъ, *Губбе* былъ человѣкъ весьма осторожный, который думалъ про себя и наружно и лично ни въ какія козни не вмѣшивался; *Семененко,* съ необузданнымъ краснорѣчіемъ, дѣятель безпокойный и ретивый, обратилъ даже на себя вниманіе французскаго правительства и на нѣсколько лѣтъ удаленъ былъ въ Алжиръ; Александръ *Яловицкій* былъ настоящій двигатель всего общества, почему его и назвали министромъ иностранныхъ дѣлъ этой духовной конгрегаціи. Сынъ помѣщика волынской губерніи, онъ, въ возстаніи 1831 года, потерялъ отца и брата, и съ другимъ братомъ *Эдуардомъ* вышелъ во Францію. Послѣ ссоры съ графомъ Ледуховскимъ, вызванный имъ на поединокъ, онъ укрылся отъ него въ сутану. Онъ сталъ извѣстенъ эмиграціи своимъ сочиненіемъ „*Мое вспоминаніе.*“ Безъ краснорѣчія *Кайсевича,* безъ способностей *Семененки,* безъ обаянія суровой жизни *Губе,* Александръ *Яловицкій* своею самоувѣренностью, дерзостью, хвастливымъ балагурствомъ, заставлялъ эмигрантовъ сравнивать волынцевъ съ гасконцами; *Яловицкій* не останавливался ни на

---

1) 16 лѣтній Людвигъ *Мѣрославскій* участвовалъ въ кампаніи 1831 г., въ званіи адъютанта при своемъ отцѣ, который командовалъ полкомъ.

какихъ средствахъ для достиженія цѣли и, къ негодованію эмиграціи, онъ вырвалъ у всѣхъ обществъ самыя лакомыя добычи, предоставляемыя сочувствіемъ земляковъ-туземцевъ эмигрантамъ. Его похожденія съ такъ называемою *маткою Макриною* въ свое время надѣлали много шуму.

Этому обществу была предоставлена въ Парижѣ одна изъ каплицъ церкви Сенъ-Рокъ, а потомъ оно помѣстилось въ Римѣ при церкви св. Клавдія.

Резюррекціонисты положили себѣ проводить ультрамонтанскія стремленія; угождая аристократамъ и демократамъ эмиграціи, они говорили демократамъ, что они хотятъ подвести католическія принципы подъ демократическія требованія, а когда ихъ упрекали приверженцы Ламберова отеля, они въ отвѣтъ проводили съ амвона такія мысли духовной нетерпимости, которыя «были вполнѣ достойны проповѣдей эпохи дракъ за инвеституры" [1].

Замѣчательнѣйшіе сторонники этой партіи были *Козьмянъ*, Валеріанъ *Віялколовскій*, поэтъ Богданъ *Залѣскій* и его братъ Іосифъ.

Выгоднѣйшая отрасль занятій резюррекціонистовъ было сватанье. Эмигранты въ Парижѣ, усерднымъ посѣщеніемъ польской каплицы, могли попасть въ списокъ жениховъ тѣмъ богатымъ невѣстамъ, которыя изъ края переѣзжая во Францію, не могли на чужбинѣ не послушать земляковъ проповѣдниковъ и имена которыхъ, для составленія вѣдомости невѣстамъ, исправно доставлялись ксендзами, корреспондентами изъ края.

При соперничествѣ эмиграціи съ революціонною Франціею того времени, эмигрантамъ были нужны свой *Анфантенъ* и свои *Сенъ-Симонисты;* явились *Товіянскій* и *мессіанисты*, замѣчательные тѣмъ, что въ число ихъ попалъ и поэтъ *Мицкевичъ*.

Общество *мессіанистовъ* стало общество модное; оно было основано *Товіянскимъ*, котораго политическая дѣятельность прошла чрезъ многоразличные оттѣнки. Адвокатомъ въ Вильнѣ, онъ въ ней сперва проводилъ коммунистскія идеи: общее пользованіе и уравненіе состояній. Виленскіе остряки ему оппонировали тѣмъ, что при некрасотѣ его жены и его вѣчныхъ

1) «Истинные ученики Лойолы, говорили эмигранты, ихъ противники, искушая наслажденіями рая и пугая муками ада, святотатствуя словомъ ойчизна и пріятно щекотя обветшалыми традиціями, они накладываютъ свое амбарго и на отживающихъ свой вѣкъ богатыхъ барынь и на молодыхъ ихъ наслѣдницъ."

розысканіяхъ денегъ въ займы, теорію его можно почесть эгоистическою. Онъ явился за тѣмъ мистикомъ, сверхъестественными таинствами преобразившійся въ св. Петра, а жена его въ св. Филомелу. Въ Вильнѣ его посадили въ сумасшедшій домъ; но какъ онъ былъ паціентъ тихій, безъ всякихъ припадковъ бѣшенства и буйства, то былъ скоро выпущенъ на свободу. *Товіянскій* не былъ уличенъ въ мятежныхъ продѣлкахъ 1831 года и, по водвореніи порядка, уѣхалъ сперва въ Петербургъ, потомъ въ Познань, посѣтилъ Саксонію, Бельгію и наконецъ пріютился въ Парижѣ. Онъ выдавалъ себя за пророка, ниспосланнаго Провидѣніемъ къ *преображенію поляковъ*. Видя необходимость, для большаго успѣха, завербовать изъ числа эмигрантовъ, какое нибудь громкое имя, которымъ можно было бы увлекать остальныхъ, добыть пышную вывѣску, какъ говорили въ Парижѣ польскіе выходцы, его противники, *Товянскій* обратился въ 1841 г., но не успѣшно, къ *Скржинецкому*, принятому генераломъ въ бельгійскую службу. Въ своихъ поискахъ, онъ старался сблизиться съ разочарованнымъ *Мицкевичемъ*, своимъ путемъ доходившимъ до мистическаго настроенія. Излеченіе *Товіянскимъ* жены *Мицкевича* было приписано чудотворной его силѣ; поэтъ предался пророку, который проповѣдывалъ, что ему свыше дано назначеніе просвѣтить поляковъ. Будучи профессоромъ литературы славянскихъ языковъ, *Мицкевичъ* съ каѳедры хотѣлъ популизировать, подъ именемъ *мессіанизма*, новую философскую и соціальную доктрину и издалъ въ этою цѣлью сочиненіе l'église officielle et le messianisme.[1]) Вмѣсто курса по программѣ, *Мицкевичъ* до того увлекся на лекціяхъ, что ему отказали отъ каѳедры. За *Мицкевичемъ* къ школѣ *Товіянскаго* примкнули *Богданъ Зальскій*, *Антонъ Горецкій*, генералъ князь *Гедройцъ*, полковники *Ружицкій* и *Каменскій* и нѣкоторые другіе.

Польскій комитетъ съ неудовольствіемъ видѣлъ, что, пользуясь тѣмъ вліяніемъ, которое чудеса всегда имѣютъ на массы, *Товіянскій* увеличивалъ быстро число своихъ адептовъ; въ расчеты коноводовъ вовсе не входило намѣреніе въ эмиграцію вводить поднебесное настроеніе и подъ рукою были распущены слухи, что *Товіянскій* не что иное, какъ тайный агентъ русскаго правительства, имѣющій порученіе привести эмиграцію обратно въ край,

---

1) Мицкевичъ доказывалъ, что польская нація имѣетъ свыше предопредѣленіе быть новымъ мессіей для всѣхъ народовъ.

а въ тоже время и самъ *Товіянскій* довелъ до крайняго предѣла свои эксцентрическія выходки; онъ однажды явился послѣ обѣдни въ церкви Notre dame и тамъ положительно провозгласилъ себя мессіею человѣчества и Польши. Въ августѣ 1842 года онъ былъ высланъ изъ Франціи; его приверженцы утверждали, что онъ за 10 дней предсказалъ кончину герцога Орлеанскаго.

Во время новаго разгара въ Европѣ революціонныхъ событій въ 1848 году, *Товіянскій* появился въ Римѣ, въ главѣ своихъ приверженцевъ, и тамъ хотѣлъ произвести манифестацію съ цѣлью вынудить папу согласиться на его доктрину и согласно ей измѣнить догматы. Вынужденный удалиться изъ Рима, онъ перебрался въ Швейцарію и молва о немъ затихла.

Общество *Vincent de Paul* преимущественно составлялось изъ женщинъ, которыхъ коноводы революціи хотѣли обратить въ орудія комунистской пропаганды.

Изъ всѣхъ ревнителей польскаго мятежа 1831 г., только въ партіи клубистовъ находились люди, которые, демократическими идеями или увлекали другихъ или другими были увлекаемы; не входило въ расчетъ первыхъ, чтобы ихъ истинная мысль была проникнута. а еще менѣе были способны вторые понять сущность дѣла. Клубисты, главою которыхъ былъ Лелевель, переселясь во Францію, составили общество, принявшее названіе *демократическаго*. Попавъ подъ опеку французскихъ революціонеровъ, эмиграція проникалась ихъ идеями и, какъ демократическое общество, въ уравненіи состояній, понимала соціяльное развитіе: братство, равенство и свобода были ихъ принятымъ девизомъ.

Весьма понятно—что эмигранты, которыхъ большинство жило правительственными субсидіями и частными вспомоществованіями, мало по малу пропитывались этими, для нихъ весьма выгодными, теоріями, и общество демократическое, особенно поддерживаемое обществомъ молодой Европы, усиливаясь числомъ членовъ, поглощая цѣликомъ маленькія образовавшіяся общества, стало наконецъ самое многочисленное, сдѣлалось цѣлою партіею и имѣло наибольшее значеніе. Общество имѣло свои засѣданія въ Поатье и 17 (29) ноября, годовщину мятежа 1830 года, днемъ своихъ торжественныхъ собраній и изложенія актовъ. Хотя *Лелевель*, вынужденный оставить Францію, переселился въ Бельгію, но долго онъ оставался ея незримымъ главою. Изъ подъ его пера или вліянія вышло множество статей, взывающихъ за симпатіями Европы къ полякамъ и особенно къ демократической пар-

тіи эмиграціи, которую другіе эмигранты, ихъ противники, называли, школою общественной ненависти, общественной зависти и общественнаго наглаго деспотизма массъ, которая на край наслала тучу бѣдствій съ своими эмиссарами Воловичемъ, Чернымъ, Завишею и Конарскимъ. Они подкрѣпляли свои доводы словами Талейрана, что »нѣтъ звѣря глупѣе польскаго якобинца.»

Общество *мирной демократіи* признавало за основаніе «права человѣка», принятое французскою революціею 1789 г.; но избѣгая всякихъ насильственныхъ догматовъ соціяльнаго катехизиса, это общество, къ которому примкнули люди, искавшіе въ трудѣ и взаимной помощи разрѣшенія общественнаго благосостоянія, было не богато числомъ членовъ и пользовалось еще меньшимъ вліяніемъ.

Наконецъ создалось еще общество *соединенія* (зъѣдноченя), которое хотѣло примирить даже два самые взаимно ненавидящіе лагеря—аристократическій и демократическій, или, какъ даже въ самой эмиграціи говорилось, *бѣлыхъ* и *красныхъ*: «Мы не хотимъ унизить шляхетство до простолюдиновъ, было лозунгомъ этого общества, но хотимъ народъ возвысить до шляхетства. Основателемъ этого общества былъ Викентій *Тышкевичъ*, братъ бывшаго подольскаго предводителя дворянства.

Различныя общества эмигрантовъ, съ цѣлью возстановленія Польши, сходясь въ существенной мысли того пути, которымъ они полагали достигнуть этого возстановленія и дальнѣйшаго характера жизни независимой Польши, образовали партіи *демократическую* и *клерикальную*, или *ультрамонтанскую*; кромѣ нихъ существовала еще третья, менѣе значительная числомъ членовъ, но значительная тѣмъ обаяніемъ, которое она имѣла на эмиграцію, вопреки всѣхъ усилій коноводовъ демократической партіи, и тою существенною поддержкою, которою она ловко умѣла притягивать къ себѣ демократовъ, хотя бы и чрезъ заднія двери Ламберовскаго отеля, это была партія князя *Чарторыйскаго*, такъ называемая *аристократическая*, или *дипломатическая*. Всѣ магнаты, ушедшіе въ эмиграцію, примкнули къ партіи *Чарторыйскаго*, равно и генералы *Дембинскій*, *Хржановскій* и *Бемъ*, бывшіе сенаторы, много депутатовъ сейма, много старыхъ офицеровъ бывшихъ польскихъ войскъ; много ярыхъ крикуновъ на засѣданіяхъ въ Поатье, въ тоже время заискивали въ Парижѣ чести попасть въ салоны или въ обѣденную залу Ламберовскаго отеля, а болѣе неимущіе улучали удобную минуту по-

дать умильную просьбу о помощи или ходатайствѣ. Увлеченія и духъ, которымъ хвастало большинство польскихъ эмигрантовъ давали явную многочисленность партіи демократической, но за то влеченія доставляли партіи *Чарторыйскаго* много тайныхъ сторонниковъ.

Демократическая партія знала что въ средѣ ея скрывается много предателей, и она не скупилась нападками на ламберскій отель. «Четвертая генерація *Чарторыйскихъ* пишетъ Владиславъ *Мицкевичъ*, мѣтитъ въ короли Польши, они подъ словами: возстановленіе Польши понимаютъ только утвержденіе за ихъ династіею польскаго престола. Не нося короны, Чарторыйскіе въ эмиграціи хотѣли разыгривать Стюартовъ..» Что они хотѣли разыгривать роль Стюартовъ это неоспоримо, но что они въ глазахъ поляковъ ее дѣйствительно и разыгривали, неоспоримо тоже. Поляки пишутъ: *Чарторыйскіе* утверждали предъ европейскими кабинетами, что они одни и ихъ приверженцы имѣютъ вліяніе въ Польшѣ, а предъ поляками, что они одни имѣютъ ухо въ кабинетахъ.» На сколько кабинеты довѣряли *Чарторыйскимъ* рѣшить трудно; но что поляки туземцы тридцать лѣтъ слѣпо вѣрили дипломатическимъ нотамъ Ламберовскаго отеля, это не подлежитъ сомнѣнію. Князь *Адамъ* умѣлъ вести политическую интригу и располагалъ большими средствами поддерживать свое значеніе. Аристократическія польскія фамиліи, при обширныхъ связяхъ *Чарторыйскихъ*, родственныхъ и общественныхъ, увеличивали его доходы постоянными взносами. Сто тысячь франковъ послалъ *князь Сапѣга*, на новоселье эмиграціи. Магнаты видѣли въ князѣ *Адамѣ* единственнаго кормчаго, который съумѣетъ причалить къ берегамъ прежней рѣчи посполитой, который съумѣетъ навести на Европу китайскую тѣнь существующей Польши, съ блистательнымъ дворомъ за 300 миль отъ Варшавы, съ политическими агентами и секретарями «d'un roi, qui n'est pas de ce bas monde', какъ выразился одинъ англійскій дипломатъ. Въ Ламберскомъ отелѣ было три отдѣленія особенной канцеляріи, въ Парижѣ существовалъ центральный правительственный комитетъ, который долго не бунтовалъ явно только потому, что опасался публичнаго скандала, и который разсылалъ бумаги за нумерами и оффиціяльными печатями, хотя эти бумаги чрезъ границы пол-Европы приходилось посланнымъ, съ лихорадкою въ сердцѣ, перевозить зашитыми въ подкладкахъ; благодаря князю *Чарторыйскому*, поляки имѣли въ Парижѣ свои ученыя общества, свои учебныя заведенія, свои стипендіи. Обаянія было много для людей, не

искавшихъ сущности, а любившихъ и желавшихъ жить въ мірѣ фантазій.

При этой обстановкѣ Ламберовскаго отеля не только магнаты, но множество другихъ богатыхъ фамилій, корчившихъ магнатовъ, вносили себя въ списки ежегодныхъ данниковъ казначейства Ламберовскаго отеля, дабы Польша могла имѣть свою представительность предъ глазами Европы. Кромѣ того, для частныхъ затѣй, дѣлались весьма учтивыя, сильно-патріотическія приглашенія. Одинъ познанскій землевладѣлецъ, заразившійся расчетливостью у сосѣдей нѣмцевъ, простодушно, при разныхъ соображеніяхъ веденія сельскаго хозяйства, приводитъ что на долю патріотическихъ пожертвованій должно отнести $1/_{10}$ изъ получаемаго дохода; но эти доходы текли въ казначейство Ламберовскаго отеля и мало денегъ изъ края перепадало эмигрантамъ. При утвердившемся теченіи дѣлъ до 500 франковъ въ годъ съ субсидіями, и сборами приходилось бѣднѣйшимъ, но каждый демократъ, проповѣдывавшій гражданскія добродѣтели самопожертвованія, лишенія и уравненіе состояній, лично для себя находилъ и приличныя, смягчающія обстоятельства, и злоба брала невольныхъ членовъ демократической партіи, что богатый путешественникъ изъ края, съ предупредительною улыбкою вынималъ билетъ въ 1000 фр. въ пользу посѣщаемыхъ имъ польскихъ учрежденій, и съ досадою искалъ на письменномъ столѣ монету въ 5 франковъ, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ незваннаго посѣтителя, который, переступая порогъ номера парижскихъ гостиницъ рекомендовался словами: «нехъ бендзе похваліоны Іезусъ Христусъ.» Крупный акціонеръ обществъ желѣзныхъ дорогъ, *Чарторыйскій* выхлопоталъ то, что эмигранты по особымъ свидѣтельствамъ ѣздили за половинную цѣну, но за этими свидѣтельствами они должны были обращаться въ особую его канцелярію. На полученіе мѣстъ по найму не только при управленіяхъ желѣзныхъ дорогъ, но и въ другихъ правительственныхъ мѣстахъ, рекомендательныя письма *Чарторыйскаго* имѣли значеніе, а онъ не только являлся всегда привѣтливымъ хозяиномъ для этихъ гостей, но иногда и личнымъ ходатаемъ. При нежданномъ бѣдствіи, эмигрантъ могъ всегда расчитывать на вспомоществованіе изъ Ламберовскаго отеля, если и не щедрое, то не менѣе того дорогое, когда на чужбинѣ большаго взять не гдѣ. При быстро охладѣвшемъ сочувствіи къ прибывшей эмиграціи, кошельки частной благотворительности перестали раскрываться, а призывы къ общественной, начали надоѣдать; наконецъ въ *Чарторыйскомъ* эми-

гранты видѣли самаго усерднаго и щедраго покровителя воспитанія ихъ дѣтей.

По одиночкѣ притягивая эмигрантовъ, *Чарторыйскій* дѣйствовалъ и на всю эмиграцію вообще закупленными газетами и журналами. Въ его чертоги, въ среду высшаго европейскаго общества, попадающіе литераторы, за извѣстную плату, весьма благосклонно относились о полякахъ, почтительно вплетая въ свои статьи имя князя *Чарторыйскаго;* а что тщеславные охотники до наполеондоровъ, скованныхъ изъ польскихъ злотыхъ, и блюдолизы принадлежатъ всѣмъ націямъ, въ томъ еще недавно имѣлъ случай убѣдить насъ-происхожденія неизвѣстнаго, съ именемъ италіянскимъ, съ претензіями быть русскимъ и съ головою, преисполненною польскими тенденціями и польскими софизмами, Г. Шедо Феротти, авторъ панфлета «Que fera-t-on de la Pologne» — панфлета изливающагося изъ варшавскихъ мечтаній и изъ творенія *Чартрыйскаго* Exposé des affaires de la Pologne en décembre 1863, и служащаго ему непосредственнымъ продолженіемъ.

Мохнацкій писалъ свою *Исторію польской революціи 1830 г.;* если не подъ вліяніемъ, то при заискиваніяхъ *Чарторыйскаго,* князь *Адамъ* не пропускалъ ни одного случая заявить Европѣ и полякамъ, что въ его особѣ свѣтлѣется лучезарная глава польской эмиграціи.

Первый, который думалъ вступить въ соперничество съ *Чарторыйскимъ,* былъ графъ Иванъ Ледуховскій. Хотя графъ Иванъ Ледуховскій въ числѣ своихъ предковъ считалъ двухъ палатиновъ и четырехъ кастелановъ, но многіе изъ соотечественниковъ опровергаютъ его право на графскій титулъ. Во время революціи онъ былъ выборнымъ отъ города Андржеіова и подполковникомъ въ войскахъ. Онъ былъ изъ шумливѣйшихъ членовъ сейма и любилъ жить бойко; на родинѣ онъ послѣдовательно прожилъ два огромныя имѣнія, за границею подрался съ *Яловицкимъ,* однимъ изъ основателей резюррекціонистовъ. *Чарторыйскій* любилъ угощать у себя промотавшагося графа, чтобы въ демократической партіи имѣть своего человѣка. *Ледуховскій* въ партіи *Чарторыйскаго* хотѣлъ быть alter ego, какъ говорили эмигранты, но тамъ были свои люди и роль втораго князя *Адама* неоспоримо принадлежала его племяннику графу Владиславу *Замойскому.* Въ началѣ сороковыхъ годовъ *Ледуховскій* окончательно разошелся съ Ламберовскимъ отелемъ.

Старуха графиня *Малаховская,* урожденная *Сангушко,* не имѣя наслѣдниковъ, въ 1841 году, пріѣхала умирать въ Парижъ и, какъ

истая патріотка, хотѣла завѣщать эмиграціи 8 милліоновъ франковъ. Увивались около старой графини всѣ партіи, особенно *Чарторыйскихъ* и резюррекціонистовъ, но графъ Иванъ *Ледуховскій* одержалъ верхъ и вслѣдствіе духовнаго завѣщанія, оспариваемаго эмигрантами, выиграннымъ процессомъ 8 милліоновъ были ему отщитаны.

Съ новымъ состояніемъ разыгрались въ немъ новые планы— стать главою и руководителемъ демократической партіи, и подорвать вліяніе *Чарторыйскаго*. Въ помочь своей головѣ, онъ призвалъ генерала *Дверницкаго,* а помочь ему раззориться въ третій разъ, нашлось много охотниковъ. Генералъ *Дверницкій* былъ воякъ старыхъ временъ, нѣкогда лихой полковой командиръ, въ которомъ полкъ души не чуялъ, хоть онъ и прокучивалъ по временамъ казенныя деньги; за то въ минуты поворота счастія за карточнымъ столомъ, онъ дѣлился выгирышемъ съ полкомъ,—офицеровъ и солдатъ угощалъ на славу. Старикомъ— эмигрантомъ, онъ все хотѣлъ разбогатѣть, и женился въ Парижѣ на дочери живописца Брока, но спустилъ въ рулетку назначенное приданое Графъ *Ледуховскій*, въ своей щедрой расточительности, на первыхъ порахъ своего новаго счастья, изъ наслѣдства *Малаховской,* подарилъ ему 200,000 франковъ. У *Древницкаго* завелась уже тогда юная семья, и онъ жилъ на 300 франк. въ мѣсяцъ ему выплачиваемыхъ въ видѣ субсидіи Французскимъ правительствомъ. Нежданное счастье измѣнило взглядъ его на жизнь: онъ сталъ расчетливъ, провозился нѣсколько времени съ *Ледуховскимъ* и, предвидя плохой конецъ, купилъ имѣнье въ Галиціи и уѣхалъ туда съ семьею.

Ледуховскій роздалъ около миліона франковъ, болѣе или менѣе значительными кушами, знаменитѣйшимъ личностямъ демократической партіи, какъ дары отъ умершей графини *Малаховской*, за патріотическія ихъ заслуги. Слѣдствіемъ этихъ щедротъ было то, что многіе изъ вліятельнѣйшихъ демократовъ стали его усердными приверженцами, а за собою увлекали и другихъ. Не щадили похвалъ безкорыстію графа, который такъ честно исполнялъ ему одному объявленную волю покойницы.

Соперничая съ *Чарторыйскимъ,* онъ тоже возымѣлъ мысль завести польское учебное заведеніе, разомъ пожертвовалъ на это учрежденіе 200,000 франковъ и обратился ко всѣмъ источникамъ края, европейской благотворительности и эксплоатаціи прибывающихъ польскихъ путешественниковъ и, заведя сперва польское отдѣленіе близъ Парижа, основанное въ 1842 г. при частномъ пан-

сіонѣ въ Шатильонѣ на Сенѣ, скоро перенесъ его въ самый Парижъ и преобразовалъ его самостоятельное учебное заведеніе въ собственномъ помѣщеніи, на Батиньольскомъ бульварѣ, извѣстное подъ именемъ польской школы.

Ярый поборникъ демократическихъ принциповъ и общаго уравненія, *Ледуховскій* получивъ новое достояніе купилъ въ окрестностяхъ Парижа великолѣпный замокъ Ириси и зажилъ по старому, польскимъ магнатомъ. Тамъ окруженный подобострастными демократами прихлѣбниками, *Ледуховскій* доказалъ надъ своими сторонниками, какъ съ прокламаціями безусловной свободы мнѣній можно согласить деспотическое угнетеніе свободы слова; содержа 50 лошадей на конюшнѣ, онъ уравнялъ сословія и состоянія, сажая кучера и выѣзднаго своего лакея на козлы экипажа, на которыхъ имъ также удобно и мягко было сидѣть какъ и ему самому въ каретѣ, онъ призывалъ ихъ обоихъ непосредственно за собою прилагать свои подписи въ постановленіяхъ демократическаго общества. Въ этихъ случаяхъ, онъ предъ своимъ именемъ не выставлялъ своего графскаго титула, на что обращалъ вниманіе своихъ собесѣдниковъ и указывалъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ полякъ долженъ кидать пыль въ глаза французамъ, сдѣлавъ знаменитой артисткѣ Рашель, за ея участіе въ представленіи въ пользу нуждающейся эмиграціи, подарки цѣною въ два раза превышавшіе самый сборъ. Въ Батиньольской школѣ онъ являлся величественнымъ учредителемъ и щедрымъ меценатомъ. На подобострастіе въ ней служащихъ отвѣчалъ онъ милостивыми привѣтами; на скачкахъ и народныхъ праздникахъ, онъ хотѣлъ удивить парижанъ, и онъ кошетировалъ 5 франковиками по Сенѣ и отъ множества самодурствъ раззорился въ конецъ, во время паденія Людовика Филиппа; вмѣстѣ съ его замкомъ Ириси рухнуло и его значеніе. Онъ переѣхалъ въ маленькую комнату, за которую съ небогатою содержательницею гостинницы не могъ даже расплачиваться; кончилось тѣмъ, что его имя вычеркнули изъ совѣта Батиньольской школы.

Когда изъ Брюсселя демократическою партіею управлялъ *Лелевель,* а въ Парижѣ съ ея поприща сходили *Ледуховскій* и *Дверницкій*, тогда ихъ мѣсто занялъ, сдѣлавшійся столь извѣстнымъ по неудачамъ польскимъ геніемъ революцій, *Людовигъ Мѣрославскій.*

Въ чинѣ подпоручика польскихъ войскъ, онъ перешелъ въ 1831 году въ Галицію, кончилъ воспитаніе во Франціи, въ военной школѣ и въ 1836 заявилъ себя писателемъ. Прибывъ

въ Парижъ, онъ пріютился подъ крыло Ламберовскаго отеля и, продолжая труды Мохнацкаго, издалъ въ 1838 году на польскомъ языкѣ три книги о революціи 1831 года; но Ламберовскій отель скоро произнесъ надъ нимъ свой судъ, назвавъ Мѣрославскаго фантазеромъ и краснобаемъ.

Полякамъ, которые поставили себѣ за правило предъ лицемъ Европы всякій польскій талантъ прокричать невиданнымъ геніемъ, было достаточно бойкаго слога, нѣсколько смѣлыхъ мыслей и удачныхъ новыхъ сужденій, чтобы прокричать *Мѣрославскаго* величайшимъ военно-политическимъ мыслителемъ. *Мѣрославскій,* въ которомъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ соотчичей, вскружилась голова и разыгрывалось честолюбіе, скоро увидѣлъ что онъ среди аристократической партіи, въ замѣнъ богатства, рода, связей и свѣтскости, можетъ принести только множество не сбыточно — дерзкихъ плановъ и никакою логикою неукротимую необузданность рѣчи. Замѣтя, что въ партіи Чарторыйскихъ ему предстоитъ только подвизаться на поприщѣ литературномъ, въ толпѣ людей, прямо или намекомъ прославляющихъ *Чарторыйскихъ*, онъ, подобно *Луи Блану,* изъ аристократическаго лагеря перекинулся въ діаметро противоположный и скоро составленное имъ общество изъ самыхъ крайнихъ демократовъ сдѣлалось извѣстно въ Версали. Учредитель его, на зло Ламберовскому отелю, назвалъ это общество сволочью (шуя). Этому обществу суждено было скоро повести за собою всю демократическую партію, а при успѣхахъ въ революціонныхъ интригахъ *Мѣрославскаго*, аристократическая партія повторяла, что никто лучше этого кондотьера не изучилъ значенія словъ Дантона, что для достиженія цѣли надо дерзости, дерзости и еще дерзости (de l'audace, de l'audace et encore de l'audace).

Когда всѣ революціонныя партіи увидѣли, что на долгое время нужно отложить новыя попытки къ возбужденіямъ успокоенной Европы, въ это время для эмиграціи возникъ вопросъ, къ чему послужатъ всѣ ихъ затѣи, когда перемретъ одна часть эмигрантовъ, состарится другая; и Польша, предоставленная сама себѣ, забудетъ о той ненависти, которую они поклялись вѣчно питать къ Россіи?

Не довольствуясь издаваемымъ съ 1 января 1838 года въ Парижѣ, на польскомъ языкѣ, журналомъ «Молодая Польша» эмиграція искала расширить кругъ своихъ органовъ. «Быстро съ каждымъ годомъ увеличивается число нашихъ умирающихъ эмигрантовъ, говорилъ Лелевель въ 1840 г; еще 26 лѣтъ скиталь-

ческой жизни, оставшіеся въ живыхъ будутъ ли способны къ какимъ либо предпріятіямъ, а въ эти 20 лѣтъ, съ послѣдовательнымъ уменьшеніемъ ревностныхъ патріотовъ, останутся на ногахъ большею частью люди, которыхъ въ дѣло могутъ быть употреблены руки, а не голова. Неужели предоставлять ойчизну самой себѣ, смотрѣть какъ она будетъ преобразовываться въ Москву, неужели вѣкъ повторять жестокую насмѣшку, что полякъ мудръ только послѣ бѣды? Мы опоздали съ хорошимъ управленіемъ, поздно начали дѣйствовать съ самоувѣренностью, опоздали съ заговорами, неужели намъ опоздать и съ дѣятельнѣйшею пропагандою? Вмѣстѣ съ эмиграціею умрутъ сеймы, комитеты, конфедераціи, союзы и демократическія общества, вмѣстѣ съ эмиграціею исчезнетъ это трогательное изображеніе (?) судьбы Польши. Другіе народы возстановлялись прежними династіями, но мы лишены этой опоры потому, что законность престолонаслѣдія есть такая вещь, которую нельзя *поддѣлать*. Мы не можемъ расчитывать на новое поколѣніе эмиграціи: оно, особенно послѣ смерти родителей, утратитъ привязанность къ событіямъ, коихъ не было свидѣтелями; что можетъ понуждать ихъ къ сокровенной дѣятельности?»

«Одно средство можетъ вполнѣ поддержать эмиграцію, это журналъ. Какая главная цѣль эмиграціи? пропаганда и укрѣпленіе въ обществѣ мнѣнія о самобытной Польшѣ. Всѣ акты политическія и религіозныя для заявленія своей жизни, должны имѣть свой органъ. Безъ журнала, идея есть мертвая буква. У насъ есть журналъ, но этотъ журналъ мы-эмигранты пишемъ только для самихъ себя; мы не должны никогда забывать всю важность для насъ общественнаго мнѣнія, а нашъ органъ читается весьма немногими. Если намъ удается иногда о себѣ напомнить, то по чужой милости; физически и нравственно мы живемъ милостынею. Мы должны напоминать о себѣ ежедневно, ежечасно, изыскивать средства и умѣть напомнить объ себѣ при всякомъ обстоятельствѣ, сколько нибудь возбуждающемъ общественное вниманіе Европы, а не довольствоваться тѣмъ, что о насъ вспоминаютъ французскія палаты подавая адресы, да иногда шумные англійскіе митинги.»

«Всѣ мнѣнія, всѣ секты имѣютъ свои журналы, которыми взываютъ къ общественному мнѣнію, стараются расположить его въ свою пользу, а мы съ посохомъ стоимъ у дверей европейскаго ареопага и считаемъ себя счастливыми, когда упросимъ кого либо изъ судей напомнить объ насъ словечкомъ, а при нынѣшнихъ временахъ, мы не всегда можемъ и того добиться, развѣ только

если у нихъ нѣтъ своего собственнаго важнаго дѣла на очереди. Возникъ восточный вопросъ, хоть бы кто нибудь однимъ словомъ упомянулъ о Польшѣ; политики рѣшаютъ дѣло о насъ безъ насъ, потому что у насъ нѣтъ стула въ журнальномъ ареопагѣ. Зачѣмъ, спросятъ, нуженъ теперь журналъ, когда эмиграція дѣлаетъ все, что ей возможно; безъ журнала еще можно обойтиться лѣтъ 20. Но развѣ мы недостаточно уже прежде опаздывали? Мы въ 1791 году только подумали начать учиться благоустроенному управленію, когда его должно было уже имѣть; въ 1806 году ждали, какого рода помощь будетъ намъ отъ чужеземцевъ, когда нужно было самимъ немедленно приступить къ дѣйствію; въ 1830 году мы только начали изучать науку *заговора массъ*. Журналъ должно издавать на французскомъ языкѣ, чтобы его читали поляки и читала вся Европа; его должно издавать на суммы края, потому что нужныхъ для того 600.000 франковъ эмиграція не можетъ удѣлить, получая отъ разныхъ правительствъ ежегодно всего 2½ милліона франковъ. Обратимся къ нашей аристократіи; если изъ числа туземцевъ нашихъ богатыхъ соотчичей найдутся нѣсколько человѣкъ, которые внесутъ эту сумму, то это будетъ доказательствомъ, что наша аристократія богата не однѣми частными домашними добродѣтелями и что она исправилась. Если же аристократія откажется, то, дабы мы могли у всѣхъ и всегда ходатайствовать о польскомъ процессѣ, обратимся къ массамъ, требуя хотъ немного отъ каждаго.»

«Если заговоръ нѣсколькихъ сотъ юношей могъ быть сохраненъ нѣсколько лѣтъ въ тайнѣ, то неужели извѣстное число взрослыхъ подписчиковъ не съумѣетъ сохранить ее; а если спросятъ какъ пересылать подписныя деньги, отвѣтимъ „*чрезъ перваго жида.*“ Можемъ сказать, погибнетъ народъ, который не подкрѣпитъ во время гаснущую эмиграцію,—погибнетъ народъ, который не вѣритъ въ силу общественнаго мнѣнія, и не имѣя меча, будетъ пренебрегать могучимъ звукомъ трубы пропаганды.»

Это посланіе изъ Брюсселя, которое приписываютъ *Лелевелю* и изъ котораго мы привели замѣчательнѣйшія мѣста, было выводомъ всѣхъ опасеній эмиграціи въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Оно породило живые толки, какъ эмиграціи продолжать ожесточенную ненависть къ Россіи, за гробовою доскою послѣднихъ выходцевъ. Никто не оспаривалъ пользы польскаго журнала на французскомъ языкѣ, но всякій хотѣлъ эксплоатировать съ наибольшею для себя выгодою; слова *Лелевеля* продолжать эмиграцію, воспиты-

вая ея молодое поколѣніе въ чисто польскомъ духѣ, было мнѣніе многихъ, которые обзавелись семьями, или къ которымъ семьи прибыли изъ края. Возможность поддерживать надежды на возстановленіе Польши династіею—была мысль, которая улыбнулась и за которую ухватились *Чарторыйскіе.*

Лелевель самъ, по видимому, не замѣтилъ, какъ онъ многознаменательно нроговорился, высказавъ сожалѣніе—что *династію нѣтъ возможности поддѣлать;* такъ какъ династію поддѣлать было нельзя, то *Чарторыйскіе* приняли еще настоятельнѣйшія мѣры занять вакантное мѣсто развѣнчанной династіи и пріучить къ этой мысли соотчичей.

Учрежденіе *Батиньольской* школы *Ледуховскимъ* было первымъ слѣдствіемъ желанія продлить эмиграцію, и мысль эта до того понравилась полякамъ, что богатыя пожертвованія потекли изъ края, и число воспитанниковъ школы увеличилось до 300. Въ этомъ числѣ были и присланные для воспитанія изъ края юноши. Школа, послѣ прикупки сосѣднихъ домовъ, получила обширное помѣщеніе, имѣла директора, инспектора, 30 профессоровъ, богатую библіотеку, имущества на $2\frac{1}{2}$ милліона франковъ. Совѣтъ *Батиньольской* школы составляли бывшій 1831 года министръ *Бернацкій,* писатели *Мицкевичъ, Залѣскій,* генералы *Дверницкій, Сѣравскій, Хржановскій.* Школа велась чисто въ польскомъ духѣ; доказательствомъ тому можетъ служить то, что однажды воспитанникъ, уговорившій другихъ кинуть составляемый противъ учителя заговоръ, подвергся наказанію отъ начальствующаго за то, что мѣшается не въ свое дѣло. Въ революціонную эпоху 1848 года преподаваніе почти остановилось; учителя и ученики въ классахъ большую часть класснаго времени проводили въ распѣваніи польскихъ революціонныхъ пѣсней.

Князь *Чарторыйскій,* съ устройствомъ Батиньольской школы, устроилъ другую такъ называемую Монъ-Парнасскую. Всѣ ученики, съ особенными успѣхами, кончивъ курсъ въ первоначальной, и слушая курсъ въ высшихъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи, должны были пройдти курсъ подъ вліяніемъ *Чарторыйскаго* и убѣдиться о его значеніи въ эмиграціи. Въ Монъ-Парнасской школѣ они имѣли столъ, квартиру и особыя лекціи, направленныя къ поддержанію въ нихъ полной польской національности.

Съ своей стороны княгиня *Чарторыйская* (урожденная *Сапѣга,* въ одной изъ пристроекъ своего огромнаго дома, отдѣлила помѣщеніе и устроила женскій институтъ для воспитанія 60 до-

черей польскихъ эмигрантовъ, въ которомъ онѣ не только находили пріютъ и образованіе, но и по выходѣ изъ института оставались на попеченіи княгини, а бѣдныхъ дѣвицъ она пристроивала гувернантками въ богатыхъ польскихъ домахъ, или другими средствами устраивала ихъ будущую судьбу.

Фамильными связями князь *Адамъ* хотѣлъ закрѣпить и поддержать блескъ своего дома; старшаго своего сына Витольда онъ хотѣлъ женить на герцогинѣ *Теба*, нынѣшней Императрицѣ французовъ, и отправилъ его на службу въ Испанію; но больной юноша ни въ чемъ не имѣлъ тамъ успѣха. Второй его сынъ *Владиславъ* женатъ на дочери испанской королевы Христины и—*Муносъ—герцогъ Ріанцаресъ*. Дочь князя Адама вышла за мужъ за графа Ивана Дзялынскаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ своимъ участіемъ въ заговорѣ послѣдняго мятежа.

Съ затишьемъ въ 1834 году въ Европѣ, послѣ бывшихъ мятежей, во время, такъ сказать, мирное для эмиграціи, вліяніе *Чарторыйскаго* росло, число приверженцевъ Ламберова отеля стало замѣтно умножаться; туда поляки являлись и съ визитами и на поклонъ, что вліяніе его становилось шире, можетъ служить доказательствомъ то, что воспитатели Батиньольской школы, которой основателями и дальнѣйшими руководителями были люди демократической партіи, кончили тѣмъ, что своихъ воспитанниковъ въ торжественные дни стали посылать съ поздравленіемъ въ Ламберовскій отель.

При своихъ династическихъ стремленіяхъ и особенно при вліяніи его племянника, честолюбиваго графа Владислава *Замойскаго* (въ 1831 года начальника штаба *Ромарино*) и брата его *Андрея*, князь *Адамъ* поддался, и уговоренный своими приверженцами, согласился таинственно вѣнчаться польскимъ королемъ, къ великимъ насмѣшкамъ польскихъ ультрадемократовъ.

Въ память этого событія, графъ Владиславъ *Замойскій* заказалъ вычеканить медаль, а съ 10 декабря 1839 года началось изданіе польской газеты подъ заглавіемъ «3 мая»,—исключительный органъ Ламберовскаго отеля.

Конституцію 3 мая 1793 года *Чарторыйскіе* признаютъ своимъ произведеніемъ, якоремъ спасенія Польши, еслибъ онэ единодушно ее приняла и выполняла, и множествомъ позднѣйшихъ коментаріевъ изображаютъ ее верхомъ совершенства. Восточный вопросъ, приводившій въ столкновеніе европейскіе кабинеты, могъ окончиться войною, а какъ князь *Чарторыйскій* признавалъ возможность возстановленія Польши только съ помощью европей-

ской войны, то дабы, при воинственномъ настроеніи большой части эмиграціи ему не остаться на сторонѣ и привлечь къ себѣ болѣе эмигрантовъ, — журналъ, «3-го мая», въ первомъ своемъ появившемся нумерѣ, начинаетъ съ вопроса возстановленія Польши.

Такъ какъ журналъ «3 мая» имѣлъ большое вліяніе на революціонное настроеніе всѣхъ поляковъ, такъ какъ въ немъ формулированы организація и характеръ будущихъ ихъ возстаній, то для ближайшаго съ нимъ знакомства приводимъ изъ него нѣсколько выдержекъ, которыя ясно указываютъ направленіе журнала.

«3-е мая, есть названіе нашего журнала. Этотъ день, результатъ событій, начавшихся реформами *Чарторыйскихъ*, и окончившихся знаменательнѣйшимъ польскимъ сеймомъ, который заключилъ собою эпоху республиканскаго избранія короля, беззаконной олигархіи пановъ, повсемѣстной анархіи шляхты, постыдной неволи народа и унизительной слабости государства. Смѣло принимаемъ мы 3 Мая за эмблемму нашего изданія; потому, что журналъ этотъ будетъ говорить въ духѣ той новой эпохи, которая въ великомъ днѣ 3 мая, послѣ долгаго боренія съ предразсудками, самолюбіемъ, безсмысліемъ и внѣшнимъ вліяніемъ, на народномъ сеймѣ, въ постановленіяхъ, бывшихъ проявленіемъ просвѣщенной воли націи, выразилась: 1) возвращеніемъ и присвоеніемъ коронѣ принадлежащихъ ей правъ и привиллегій, т. е. уваженія въ достоинствѣ, силы въ дѣйствованіи, незыблемости и независимости въ престонаслѣдованіи; 2) уменьшеніемъ слишкомъ значительнаго вліянія неправедной силы аристократіи; 3) распространеніемъ и на униженный классъ народа шляхетскаго права, впрочемъ значительно ограниченнаго, и тѣмъ самымъ 4) отворяющаго народу врата къ вольности. Такимъ образомъ 3 мая, какъ законъ имѣющій обязательную силу для польскаго народа, будетъ законною подпорою нашихъ политическихъ мнѣній.»

«При томъ 3 мая, начиная собою новую эпоху, былъ еще днемъ революцій, и ибо каждая новая эпоха начинается революціею. На нашу помянутую революцію стремительно напали: *старые республиканскіе элементы* и *чуждые интересы* пограничныхъ государствъ. Эти обѣ войны, народъ, состоящій изъ 20 милліоновъ, (??!) и опирающійся на краеугольномъ камнѣ 3 мая, уже нѣсколько разъ выдерживалъ, и нынѣ вновь пріуготовляется къ новымъ битвамъ. Хотя до сихъ поръ эти войны имѣли печальное окончаніе, но съ теченіемъ времени народъ польскій все будетъ болѣе укрѣпляться и собирать си-

лы, ибо внутренній непріятель часъ-отъ-часу долженъ ослабѣвать, (?!) а конституція 3-го Мая сильнѣе вкоренится въ духѣ поляковъ.

Первая война произведенная революціею 3-го Мая была самая слабая, потому что элементы старой республики грозно проявились въ тарговицкой конфедераціи, потому что мы искали и надѣялись на помощь Пруссіи, и наконецъ, потому что конституція 3-го мая сдѣлала великую ошибку, предоставивъ корону польскую иноземному царственному дому.

Другая война—Косцюшкинская—была разительнѣе и сильнѣе потому, что приверженцамъ стараго правленія не дозволили сопротивляться общему желанію; не искали иноземной помощи, хотя и ошибочно вѣрили въ добросовѣстный неутралитетъ непріятелей, особенно же потому, что народное возстаніе, отчасти выполнило конституцію 3 мая, сосредоточивъ власть въ лицѣ диктатора.

Третья война, которую произвело ноябрьское возстаніе, была еще упорнѣе и сильнѣе. Причины тому нужно искать въ долгомъ практическомъ испытаніи польскимъ народомъ пользы постановленій, мало отличающихся отъ конституціи 3-го мая, въ народѣ развилась идея монархизма, а въ массахъ поляковъ проявилась великая склонность къ порядку и послушанію. Одного только условія не доставало для обезпеченія, для полнаго успѣха революціи 3-го мая, именно: прекращенія внутреннихъ дрязгъ, соединенія во едино всѣхъ силъ народа такъ, чтобы цѣлыя ихъ массы рынулись на внѣшнихъ непріятелей. Для полученія этихъ результатовъ нуженъ былъ видимый король, король воплощенный, живой, съ короною храбраго Сигизмунда на головѣ, король, который не входилъ бы и не могъ бы входить ни въ какіе переговоры съ врагами касательно ихъ притязаній на Польшу; король, который одинаково властвовалъ бы въ Вильнѣ, въ Кіевѣ, (??!!) въ Львовѣ и въ Познани (!?!), какъ и въ Варшавѣ, который бы немедленно двинулъ войска къ предѣламъ древнихъ своихъ достояній въ Литвѣ, Россіи и Пруссіи, завоеванныхъ непріятелями, который остался бы королемъ и по паденіи Варшавы, съ одинаковою властью передъ рядами регулярной арміи и передъ полчищами новобранцевъ; однимъ словомъ: который былъ бы королемъ и въ городахъ, и въ горахъ, и въ лѣсахъ. Этого то послѣдняго условія и недоставало послѣднему возстанію; потому что ошибка конституціи 3 мая еще не была исправлена въ понятіяхъ

самаго народа, и онъ не хотѣлъ узнать человѣка, находящагося среди сыновъ Польши, котораго самое Провидѣніе предназначало въ короли, за услуги трехъ поколѣній его предковъ.

Нынѣ насъ ожидаетъ еще одна, война исполинская, послѣдняя! Всѣ силы нашего народа, соединенныя подъ одною хоругвею, получившія правильную организацію чрезъ введеніе вышеупоминаемаго пункта конституціи 3 Мая, т. е. монархическихъ формъ правленія, выступятъ на смертный бой. Тогда-то демократическая монархія, Польша, съ видимымъ королемъ во главѣ, со всѣми средствами своихъ сыновъ, вступитъ въ рѣшительную сѣчу, для рѣшенія вопроса: быть или не быть.

Журналъ нашъ будетъ имѣть слѣдующія четыре цѣли:

1) Основываясь на конституціи 3 мая, онъ будетъ защищать *монархическія формы правленія, въ духѣ демократической наклонности народа* и будетъ поддерживать *необходимость отечественной династіи*, и развивать вопросъ *о классахъ народа, угнетенныхъ бывшимъ республиканскимъ хаосомъ.*

2) Усматривая въ фамиліи князей *Чарторыйскихъ*, прославившейся дѣяніями трехъ поколѣній своихъ членовъ, Богомъ предназначенную, королевскую польскую династію, — мы предполагаемъ торжественно поддерживать мысль *объ избраніи на тронъ этого рода,* тѣмъ болѣе, что таковое избраніе одно лишь можетъ обезпечить успѣхъ возстанія.

3) Конституція 3 мая, этотъ краеугольный камень общественной жизни польскаго народа, основываясь на важности вліянія, какое религія имѣетъ на человѣчество и признавая то священное и великое предназначеніе, какое народъ нашъ имѣетъ въ судьбахъ католической церкви,—освятила и упрочила ея права. А потому мы, соболѣзнуя о бѣдствіяхъ понесенныхъ нашею церковью въ годины политическихъ несчастій нашихъ, тѣмъ усерднѣе, тѣмъ пламеннѣе займемся состояніемъ *вселенскаго* (!) костела, потрясеннаго въ нашемъ отечествѣ.

4) На землѣ нѣтъ духа безъ матеріи, нѣтъ души безъ тѣла. Такъ пусть же въ болѣзняхъ и въ крови Польша возродится отъ Польши. Прошло время упованій на помощь чужеземцевъ: желѣзо есть въ нѣдрахъ нашей земли, кровь кипитъ у насъ въ жилахъ: *народное возстаніе-одна наша надежда*".

За тѣмъ журналъ издалъ длинный трактатъ о народномъ возстаніи и системѣ веденія партизанской войны, изъ котораго тоже возьмемъ нѣсколько выдержекъ.

«Многіе предполагаютъ, что для возстановленія Польши должно только удалиться изъ отечества, и съ нетерпѣніемъ ожидать

покуда обстоятельства, съ помощію вліянія кабинетовъ или народовъ, довершатъ остальное. Мы же, которые желаемъ безусловнаго возстановленія Польши, возстановленія безъ чуждой помощи, мы хотимъ народнаго возстанія и, усматривая, что одни только монархическія формы могутъ подвигнуть массы народа, обѣщая ему лучшую будущность, мы подтверждаемъ, что знаменемъ будущей войны необходимо должна быть отечественная династія королей въ лицѣ князя *Адама Чарторыйскаго.*

2) Надобно сначала составить партизанскія партіи, а потомъ производить нечаянныя нападенія.

3) *Королевство прусское, относительно* силы своей въ покоренной части Польши, превосходитъ тѣ части, которыя принадлежатъ отдѣльно Россіи и Австріи, ибо иныя польскія провинціи значительно онѣмечились.

4) *Что касается до положенія Австріи* въ покоренныхъ ею польскихъ провинціяхъ, то, съ перваго взгляда можно убѣдиться въ его шаткости и въ удобности, съ какою поляки могутъ изгнать своихъ притѣснителей. Въ Галиціи австрійцы не имѣютъ ни крѣпостей, ни магазиновъ, ни арсеналовъ.

5) Относительно русскихъ войскъ, въ покоренныхъ ихъ оружіемъ областяхъ польскихъ, принимая въ разсужденіе, что русскія войска находятся тамъ, какъ въ завоеванномъ краѣ, и въ случаѣ возстанія, могутъ получать помощь только изъ внутренности Имперіи, очевидно первымъ основаніемъ дѣйствій (базисомъ) этихъ войскъ будетъ р. Днѣпръ.

6) Нужно обратить вниманіе на пункты особенно важные, какъ узлы сообщеній, столь замѣчательныхъ въ этой странѣ безпрерывныхъ дифелеевъ, а именно: на сѣверъ отъ Полѣсья: Шавли, Вильну, Докшицы, Витебскъ, Минскъ, Несвижъ, Слонимъ и Пинскъ. Къ югу и западу отъ Полѣсья мѣстность открытѣе, страна населеннѣе, дорогъ болѣе, а потому въ стратегическомъ отношеніи онѣ менѣе замѣчательны, и важнѣйшими тамъ пунктами суть мѣста непріятельскихъ складовъ и центры администраціи, каковы къ югу отъ Полѣсья: Житоміръ, Брацлавъ, Каменецъ-Подольскій, Меджибожъ, Староконстантиновъ, Острогъ и Дубно, а на западѣ Серадзь, Коло и Ленчица.

7) Военныя средства, кои русская армія нынѣ получаетъ изъ польскихъ областей, должны прекратиться, при началѣ народной войны, когда *начальники возстанія будутъ съ жителями поступать строже, нежели самый непріятель.*

8) Всѣ правила народной войны можно выразить слѣдующи-

ми немногими словами: *не должно вступать въ правильныя сраженія большими массами,* ибо чѣмъ многочисленнѣе народныя дружины, тѣмъ болѣе успѣхъ сраженій подчиняется условіямъ тактики и, слѣдовательно, регулярныя войска всегда болѣе имѣютъ вѣроятности въ одержаніи побѣды, а потому *должно стремиться къ возможному истребленію отдѣльныхъ отрядовъ и одиночныхъ людей.* Это великое правило, кромѣ преимуществъ въ военномъ отношеніи, имѣетъ еще важнѣйшія въ политическомъ смыслѣ: оно придаетъ народной войнѣ свойственный ей кровавый характеръ.

9) Въ войнахъ за угнетенную независимость всѣ *средства хороши, если онѣ ведутъ къ цѣли.*—Генералъ *Хржановскій* въ важномъ своемъ сочиненіи «О войнѣ партизанской», между многочисленными примѣрами, заимствованными изъ исторіи приводитъ слѣдующій:» На мызу Грошенъ пришелъ взводъ русской пѣхоты; владѣлецъ мызы Томасъ, нѣкогда служившій въ арміи, принялъ ихъ радушно и, помѣстивъ на ночлегъ въ одной обширной комнатѣ, накормилъ, напоилъ, и когда русскіе улеглись спать, то поставилъ въ комнату нѣсколько черепковъ съ заженною сѣрою. Удушливые пары умертвили всѣхъ до одного. Тѣла были скрыты въ лѣсу, и оружіе припрятано»

10) Въ провинціяхъ покоренныхъ Пруссіею, партизанская война одолѣть непріятеля не можетъ. Въ этихъ провинціяхъ вся надежда должна быть полагаема на ландверовъ; эти многочисленные и пламенные сыны Польши безъ сомнѣнія при первомъ случаѣ станутъ подъ знамена народнаго возстанія, недожидая покуда новая іенская битва потрясетъ основанія монархіи Гогенцоллеровъ.

11) Всѣ члены эмиграціи почти единогласно согласились въ томъ, что Польша сама собою возстать не можетъ, и дѣло, въ теченіи 3 лѣтъ, идетъ единственно о вопросѣ: кому она будетъ одолжена своимъ возрожденіемъ? Одни увѣряютъ, что революція народовъ должна спасти погибшую нашу независимость; другіе, напротивъ, ожидаютъ этого результата отъ политики европейскихъ кабинетовъ. Но, въ послѣднія минуты своей жизни, безсмертный *Мохнацкій,* огненнымъ перомъ разилъ мнѣнія двухъ партій нашихъ эмигрантовъ, той, которая называлась «демократическою» и другой, которой дали имя «дипломатической». Изъ глубины растерзанной души этого великаго патріота, вырвались слѣдующія слова, полныя вѣры и надежды, послѣднія вспышки его генія: «такъ какъ въ Польшѣ

жизнь еще несовсѣмъ угасла и великій духъ любви къ отечеству еще оживляетъ эту страну славы (?) и терпѣнія, то цѣлая Польша *можетъ и должна возстать сама собою.*"

Эту высокую мысль впервые пустило въ свѣтъ сочиненіе: «Страна и эмиграція», изданное въ 1835 году, а нашъ «третій ма'я» наслѣдовавъ, по великомъ публицистѣ, идею о народномъ возстаніи, о власти инсуррекціи, о королѣ польскомъ, — вооруженный ею, смѣло выступилъ на поприще своего служенія. Уже большая часть эмигрантовъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, кои не лишились надлежащей бодрости; вѣруютъ въ послѣднія слова *Мохнацкаго,* а между молодежью только и разговора, что о возстаніи, о надеждѣ на собственныя силы народа, и о кровавыхъ побоищахъ среди степей, горъ и вѣковыхъ лѣсовъ родимой Польши. Уже близка минута этой тяжкой борьбы; вѣщая кровь недаромъ такъ сильно закипѣла въ жилахъ нашихъ, и у тѣхъ, намъ близкихъ, юношей, кои въ годину горькаго скитанія нашего, успѣли уже подрости на родимомъ пепелищѣ. Но, возблагодаримъ Провидѣніе, за то, что оно сію великую идею произвело отъ чистаго источника! Напрасно наши молокососы теоретики, эти *витіи демократической республики,* стараются присвоить себѣ такое вдохновеніе! Великій Мохнацкій сказалъ сію великую истину! Это его достояніе!

Безсомнѣнія всякій проповѣдующій о спасеніи Польши чрезъ революцію народовъ, не имѣлъ въ виду чувства самосохраненія; но отъ такой индивидуальной жажды войны, еще далеко до систематическаго убѣжденія въ достаточности средствъ нашего народа къ собственному освобожденію. Развитіемъ этого-то убѣжденія мы и обязаны *Мохнацкому.* Сочиненіе: «Страна и эмиграція», какъ выше было сказано, первое огласило его народу, а «третье мая» трудилось и трудится потому же самому направленію.

12) Нашъ *Мохнацкій,* этотъ ясный и глубокій умъ, сказалъ предъ ноябрьскою революціею: »ежели вы до начала возстанія не изберете власти, то я не стану ни во что мѣшаться, спокойно закурю трубку, и буду смотрѣть, какъ на другой день васъ будутъ вѣшать»

Такимъ образомъ каждое индувидуальное, частное возстаніе, безъ власти, подкрѣпляющейся послушаніемъ цѣлой массы народа, будетъ *лишь простымъ бунтомъ;* его легко смирятъ, и онъ повлечетъ за собою одни бѣдствія; ибо противорѣчитъ разомъ и правиламъ мудрой политики, и постановленіямъ церкви, ко-

торая всегда служитъ основою зданія христіанскихъ обществъ. А потому мы здѣсь скажемъ, что каждый полякъ, тогда только можетъ дѣятельно, съ оружіемъ въ рукахъ, дѣйствовать противъ нашихъ враговъ, когда ему это разрѣшитъ власть, происходящая или отъ наслѣдственнаго права, или по силѣ обстоятельствъ, или по Божію указанію, или наконецъ по знаменательному положенію какой либо фамиліи въ средѣ нашего народа. Только эта власть въ правѣ взять на свою отвѣтственность ниспроверженіе настоящаго положенія дѣлъ; она только одна можетъ построить зданіе нашей народности на развалинахъ общественности противунаціональной. Затѣмъ всѣ проявленія, или честолюбія, или отчаянія, и даже самой патріотической нетерпѣливости, беззаконны въ основаніяхъ, бѣдственны по послѣдствіямъ, противо-общественны, противохристіански, неблагоразумны. Самопожертвованіе, мученичество и смерть, конечно, могутъ снискать имъ помилованіе за грѣхъ; но объяснить и оправдать его никогда не могутъ. Имена Завиши и Конарскаго, какъ поэтическія воспоминанія, на вѣки вѣковъ пребудутъ исполинскимъ мѣриломъ и бѣдствій нашего народа, и усилій его духа. Эти мученики чисты отъ злыхъ навѣтовъ, но и ихъ подвигъ не потрясетъ нашихъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, и ихъ героическій конецъ, и кровь товарищей, увлеченныхъ ими передъ судилища москалей, не доказываютъ ли ясно истину всего сказаннаго нами?

13) Два правила должны вкорениться въ умахъ нашихъ соотечественниковъ: 1) обязанность каждаго быть готовымъ къ возстанію; 2) обязанность повиноваться власти, управляющей духомъ народа, и ничего, безъ ея приказанія, не предпринимать.

Въ какомъ бы отношеніи мы ни стали разсматривать настоящее наше положеніе, какую бы мы ни тронули сторону народнаго чувства, всюду мы увидимъ потребность скораго возстанія. Выгоды, внутренняя сила, честь, самая вѣра, все вопіетъ: возстаньте! къ оружію!

Что касается до выгодъ возстанія, то онѣ очевидны.— Непріятель насъ раззоряетъ, истребляетъ, силится переродить.

14) Кто не захочетъ теперь выступить съ оружіемъ на непріятеля, тотъ уподоблялся бы животному, упорствующему выдти изъ стойла, объятаго пламенемъ. *Внутренней силы мы имѣемъ достаточно: 320000 поляковъ комплектуютъ ряды нашихъ враговъ;* у насъ гумны полны хлѣбомъ; поля

плодоносны; желѣзо есть въ нѣдрахъ нашей земли, а огнестрѣльное оружіе развѣ мы не можемъ исторгнуть изъ рукъ москалей и нѣмцевъ?

Но въ нравственномъ отношеніи представляется еще болѣе причинъ, побуждающихъ насъ къ возстанію. Мы уже истомили свѣтъ нашими бѣдствіями; высокое (?!) мужество наше возродило симпатію великихъ народовъ; а долготерпѣніе и плаксивое усыпленіе въ неволѣ уничтожатъ эту симпатію. Усилія послѣдней брани за независимость, снискали намъ уваженіе Европы, (?) и, прежде нежели послѣднее эхо ея можетъ замолкинуть, Польша вновь загремитъ, потрясетъ усыпающую Европу, иначе бѣда намъ! Лавры столькихъ вѣковъ завянутъ, ежели ихъ не вспрыснуть свѣжею кровію; проклятіе народное поразитъ того, кто мало заботится объ этомъ сокровищѣ. Да и, наконецъ, долго ли намъ скитаться по свѣту, съ чужими паспортами, инкогнито, подъ именемъ пруссаковъ, австрійцевъ, москалей? Долго ли не имѣть пріюта, ни у себя на родимомъ пепелищѣ, ни у чужестранцевъ, не смѣть прилечь на землю для минутнаго отдохновенія?

15) Готовность къ возстанію,—но не одна сердечная готовность, на которую у насъ никогда не было недостатка, а благоразумная готовность! Деньги въ ящикъ! Не сорить ими, не употреблять на пустыя увеселенія, изъ угожденія нашему врагу: ибо кто нынѣ расточаетъ свои доходы, тотъ крадетъ у народной казны. Когда отечество въ неволѣ, тогда у сыновъ его нѣтъ ни собственности, нѣтъ увеселеній, все принадлежитъ страждущей матери. Ежели никакіе частные заговоры, ни чье личное хотѣніе не въ состояніи, не могутъ и недолжны брать на свою отвѣтственность жребія нашего отечества, то тѣмъ рѣшительнѣе каждый полякъ обязанъ возложить свои упованія на власть, коей долженъ повиноваться: она будетъ знать, когда и какимъ образомъ изрещи великое слово возстанія! Вмѣсто несчастнаго шептанія съ эммисарами, такъ щедро и такъ безполезно проливающими свою и своихъ товарищей кровь, каждый благомыслящій полякъ долженъ относится туда, гдѣ въ явѣ, предъ лицемъ Польши и Европы, находится королевская власть, учрежденная не вчера, не нынѣ, а давнымъ давно, не случаемъ, а ходомъ времени, заслугами трехъ поколѣній, и правилами посѣянными ими въ душахъ цѣлаго народа.

Повиновеніе власти и совершенное посвященіе себя дѣлу оте-

чества, т. е. король и возстаніе, должны быть отселѣ вѣрою и эмблемою всякаго истиннаго поляка.

16) *Повторяемъ: для всѣхъ насъ теперь, всегда и всюду, двѣ главныя обязанности—готовиться къ возстанію и повиноваться власти;* изъ нихъ проистекаютъ всѣ частности, содержащія кодексъ правилъ, долженствующій руководить вѣрнаго сына отечества.

Эти двѣ идеи должны умѣрять горячее усердіе однихъ, быть ручательствомъ въ успѣхѣ для хладнокровной разсудительности другихъ и единственною стихіею, матеріею для занятій, предпріятій и усилій всѣхъ насъ безъ исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, и по положенію нашему и по природѣ человѣческаго сердца, есть два рода патріотизма въ нашемъ народѣ: въ одномъ господствуетъ энтузіазмъ; въ другомъ разсудительность беретъ верхъ, и оба нынѣ равно безпокойны, безплодны и лишены возможности дѣйствовать съ успѣхомъ. Оба равно ошибаются-и тотъ кто кипитъ жаждою мщенія, готовъ тотчасъ летѣть въ сѣчу, думаетъ только о возстаніи, а не о средствахъ упрочить успѣхъ возстанію, кто желаетъ только битвы, а не расчитываетъ какъ бы выбиться изъ ярма,—равномѣрно и тотъ, кто рѣшительно опасается всякаго новаго возстанія. Для нихъ обоихъ необходимо совершенное уразумѣніе двухъ вышеприведенныхъ идей: оно направитъ ихъ силы, успокоитъ духъ, показавъ и цѣль, и средства, и ручательства успѣха будущаго возстанія.

Приготовленіе къ возстанію заключается въ трехъ предметахъ: 1) готовность нравственная, 2) готовность матеріальная, состоящая въ собираніи денежныхъ средствъ и распространеніи надлежащаго направленія умовъ, *но отнюдь не посредствомъ заговоровъ, кои только безполезно подвергаютъ опасности,* а поддержаніемъ надлежащаго патріотизма въ равныхъ и дружескимъ обращеніемъ съ подвластными; и 3) готовность, основанная на признаваніи власти и на послушаніи къ ней, къ той власти, въ рукахъ коей находится тайна возстанія и освобожденія, которая должна быть и есть, какъ мы уже сказали, уздою для усердныхъ, ручательствомъ для благоразумныхъ, и фактомъ для всѣхъ.

Повиновеніе сей высшей власти не заключается въ непосредственномъ сношеніи съ нею, а въ немедленной готовности, по полученіи повелѣній, къ бунту. Нужно только, чтобы каждый признавалъ ее въ сердцѣ и вѣрилъ, что она существуетъ, мыслитъ и подвизается.

16) Признавай короля и будь готовъ, а когда придетъ благопріятная минута, вѣрь, что сдѣлаешь все, что нужно. Вотъ это наше правило мы представляемъ въ глаза тѣмъ, кои, говоря о насъ, напечатали слѣдующее: «факція неизвѣстная по своимъ правиламъ, ни по числу своихъ членовъ, собирающаяся не подъ знаменемъ идеи, а у ногъ какого-то лица.» Что касается до нашихъ правилъ, онѣ извѣстны; а изъ нихъ главныя суть: *король* и народное возстаніе; что же касается числа нашихъ членовъ, то положимъ, что оно не извѣстно; ибо мы не считаемъ ихъ *поштучно,* не сообщаемъ подписокъ, а говоримъ цѣлому народу. Пусть наступитъ часъ борьбы, и тогда мы не станемъ исчислять нашихъ; весь народъ польскій будетъ нашимъ.

17) Державы, кои будутъ поздравлять Польшу съ освобожденіемъ, поздравятъ ея начальника какъ короля, а тѣ, кои станутъ защищать свои незаконныя права, необходимо должны будутъ сражаться съ нимъ какъ съ королемъ польскимъ.

18) Безъ сомнѣнія, каждый полякъ, даже и тотъ, кто всѣ надежды свои возлагаетъ на помощь иноземцевъ, долженъ согласиться, что въ случаѣ войны за нашу независимость внѣ предѣловъ нашего отечества, для окончательнаго освобожденія его, необходимо народное возстаніе; равномѣрно онъ долженъ будетъ согласиться, что чѣмъ важнѣе будутъ успѣхи сего послѣдняго, тѣмъ усерднѣе станутъ помогать намъ европейскіе пріятели; а потому очевиднымъ дѣлается, что всѣ усилія каждаго вѣрнаго поляка, въ настоящее время должны клониться къ пріуготовленію себя и своихъ для дѣйствованія въ будущемъ возстаніи. Нынѣ отечество требуетъ только этого условія отъ своихъ сыновъ; кто не думаетъ объ этомъ, тотъ не выполняетъ святѣйшаго своего долга. Готовьтесь, «ибо не вѣсте ни дня ни часа», ибо не знаете минуты, когда Господь спуститъ десницу, и покинетъ бразды войнѣ народовъ! (??).

Съ другой стороны, признавайте власть короля, и, слушая гласъ его, умѣряйте ваши порывы. Онъ знаетъ, когда подать знакъ!!!

19) Вѣроятно, старые республиканскіе элементы еще несовершенно истреблены въ сердцахъ нашихъ; еще насъ мучатъ безпрерывныя подозрѣнія, и мы не можемъ освободиться отъ желанія гибельной опеки *частныхъ выгодъ* надъ общею пользою. Въ государствахъ, гдѣ вполнѣ развиты административныя идеи, министръ иностранныхъ дѣлъ однимъ словомъ «не скажу» замыкаетъ уста любопытныхъ депутатовъ. Въ Англіи, напримѣръ,

всякій убѣжденъ, что завѣдываніе заграничными сношеніями требуетъ секрета, который вполнѣ ввѣряется лицамъ находящимся у кормила правленія: тамъ всякій знаетъ, что бываютъ случаи, когда и правительство самаго могущественнаго народа, принуждается дѣйствовать съ величайшею скрытностію. Правительство отдаетъ отчетъ народу послѣ совершеннаго окончанія дѣла, а до тѣхъ поръ ни народъ, ни депутаты его, а тѣмъ болѣе никто изъ частныхъ лицъ, не имѣютъ права, и никогда нерѣшаются мѣшаться въ распоряженія министровъ.

Ежели сильныя націи слѣдуютъ этому правилу, то что должно сказать о насъ, кои только украдкою можемъ пробираться въ ареопагъ, рѣшающій судьбы Европы? Намъ должно отдать въ полное распоряженіе власти всѣ дѣла, вѣдѣнію ея подлежащія.

20) Князь *Адамъ,* въ послѣдней рѣчи своей сказалъ, что онъ желалъ чтобы слово «возстаніе» было написано на всѣхъ хижинахъ и дворцахъ; а мы къ этому прибавимъ: и послушаніе ему, какъ королю нашему. Король и возстаніе составляютъ всю загадку нынѣшней политики, а будущія судьбы Богъ держитъ въ своей десницѣ. Нынѣ достаточно имѣть только безпрерывную мысль о королѣ и возстаніи: о возстаніи мысль—дѣятельную, о королѣ—страдательную, т. е. способную произвесть послушаніе и самоотверженіе въ минуту надобности; а до тѣхъ поръ ограничивающуюся одним ожиданіемъ. Король не начнетъ дѣла безразсудно, онъ даже не станетъ безполезно говорить съ своимъ народомъ; онъ желаетъ единственно, чтобы народъ зналъ своего короля и былъ готовъ, а сноситься будетъ съ тѣми лишь особами, съ коими надлежитъ. Простой поселянинъ, который вѣритъ, что мы имѣемъ короля, несравненно умнѣе всѣхъ нашихъ напыщенныхъ философовъ—самоучекъ. Французскій король, спасшись съ поля сраженія, одинъ безъ всякой свиты, постучалъ у воротъ замка, и на вопросъ, кто пришелъ? воскликнулъ: «счастіе Франціи!!!

21) Знаменитый Оконель произнесъ къ своимъ соотечественникамъ рѣчь, въ которой убѣждая ихъ на денежную складку, называлъ деньги главнымъ *нервомъ войны* и принималъ добровольныя пожертвованія за мѣру усердія каждаго, за мѣру дѣятельной готовности, за истинный и выразительный знакъ патріотизма.

22) Ежели бѣдная Ирландія, которая ни народонаселеніемъ, ни богатствомъ, ни историческими воспоминаніями, ни славою, ни высшимъ предназначеніемъ (хотя она имѣетъ свое, и весьма

значительное) не можетъ равняться съ нашимъ отечествомъ; ежели Ирландія, которой знаменитѣйшія фамиліи, или переродились въ англичанъ, или происходятъ изъ Англіи, будетъ въ состояніи собрать трудовыя копѣйки, для образованія народнаго капитала; то чего не можетъ сдѣлать Польша? только пожертвованія могутъ устрашить тѣхъ вельможныхъ потомковъ древнихъ гетмановъ и сановниковъ, коихъ имѣнія покрываютъ половину королевства? Каждая такая фамилія возвысилась заслугами своихъ предковъ.

23) Довольно, кажется, мы подчивали себя вѣжливостью и комплиментами, скажемъ же хоть разъ правду. Не болтать и фанфоронить должно; всѣ эти выходки, фанфоронады безплодны, напротивъ надобно думать, какъ бы вліяніемъ, деньгами и всегдашнею готовностью, способствовать успѣху нашего предпріятія. Сѣсть на коня всякій съумѣетъ, но всякій ли будетъ въ состояніи дѣйствовать такъ, какъ должно? Ежели ты искренній, истинный и усердный патріотъ, такъ употребляй всѣ имѣющіяся у тебя средства; ибо за каждое изъ нихъ, какъ казначей за всякую копѣйку дашь отчетъ Богу и отечеству.

24) Воскликнемъ къ *католикамъ:* къ оружію! *Еретики* (?) вяжутъ вашихъ епископовъ и оскверняютъ костелы (?!) *Къ Шляхтѣ:* къ оружію! теперъ вы ниже нѣмецкаго холопа! *Къ аристократамъ:* къ оружію! на васъ станутъ возить воду, и бить васъ палками! Съ тѣми же словами мы обращаемся и къ ремесленникамъ, приводимымъ русскими на одну степень съ жидами, и, къ нѣжнымъ полькамъ: ахъ! вы хлопочете о вашихъ дѣтяхъ, а вѣдь изъ нихъ со временемъ будутъ московскіе солдаты.

Съ намѣреніемъ бросаемъ соль на раны народа; пусть грызетъ живое мясо; жаримъ подошвы, пусть проснется изъ гибельной летаргіи. Народъ хочетъ войны, мы хотимъ, чтобъ онъ исполнилъ свою волю. Знаемъ волю, жаждемъ дѣлъ.

25) Мы полагаемъ, что пренебрегать различными соображеніями интересовъ Европы, и не стараться войдти съ ними въ общеніе, было бы верхомъ неблагоразумія;—выгоды нашего отечества требуютъ его включенія въ общую систему политики, какимъ бы то ни было образомъ, помощію ли войны, мира, какого либо отдѣльнаго трактата, или наконецъ нарушенія онаго; въ этомъ мы несходствуемъ съ образомъ мыслей отчаянныхъ студентовъ, вопіющихъ противу всякихъ сношеній съ существующими правительствами.

26) Тенерь, когда несогласія европейскихъ государствъ, по поводу восточныхъ дѣлъ, угрожаютъ близкою войною, мы спрашиваемъ какъ можетъ она застать нашу родину? Готовою, по первому знаку, взяться за оружіе, мгновенно воспрянуть отъ Познани до Кіева. Все это такъ; но развѣ не была уже Польша въ подобномъ состояніи при Наполеонѣ? Да, еще болѣе, не имѣла ли она тогда своей арміи, своей казны, своихъ знаменъ? И что же она совсѣмъ тѣмъ получила? Почему, играя видную ролю въ каждой битвѣ, не отмежевала себѣ упоминанія ни въ одномъ трактатѣ? Потому, повторяемъ, и сто разъ будемъ повторять, что она не имѣла власти; была страною, гдѣ находились всѣ элементы государства, но государства не было; была безъ представителя, однимъ словомъ—не осязаема.

27) Что значили бы мы, если бы судьба не даровала намъ человѣка, столь высоко стоящаго? Онъ одинъ нынѣ можетъ представлять наши интересы, и за насъ, за всю Польшу, трактовать съ Европою. Онъ хоругвь наша. Если бы его не было, кто сталъ бы въ главѣ націи? Не поатьеская ли централизація? Не проэктъ ли комитета соединенія?

28) Въ случаѣ всеобщей войны на материкѣ Европы, для спасенія Польши необходимо, дабы одинъ человѣкъ могъ сказать предъ лицемъ ратоборцевъ: «я власть, у меня подъ ружьемъ 20 милліоновъ храбрыхъ, трактуйте со мною». На этотъ постъ не могутъ возвести ни таланты, ни даже военные успѣхи; на немъ можетъ стоять только тотъ, кто уже тамъ стоитъ, и всѣмъ извѣстенъ. Народъ обязанъ его признать»

Въ то время, какъ аристократическая партія хотѣла подобными статьями подъ искушающею маскою возвращенія независимости Польши, вкоренить въ понятіе эмиграціи и мѣстныхъ поляковъ ту мысль, что фамилія *Чарторыйскихъ* есть знамя, къ которому должны примкнуть всѣ истые патріоты, демократическая партія въ своемъ польскомъ журналѣ, издаваемомъ въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ *„Демократъ“*, проводила совершенно противуположныя идеи, доказывая, что всѣ бѣдствія причинены Польшѣ ея магнатами и что возстановленіе Польши должно быть соединено съ совершеннымъ преобразованіемъ ея общественнаго быта.

Послѣ того какъ французская полиція стала бдительно слѣдить за эмигрантами, Польскій Комитетъ, потерялъ всякое значеніе; революціонные коноводы перешли въ другія, болѣе глубокія норы. Засѣдать въ польскомъ комитетѣ, этомъ вер-

ховномъ учрежденіи несуществующаго правительства, давало только поводъ къ безпокойствамъ со стороны полиціи, и комитетъ велъ одни текущія дѣла объ эмигрантахъ, сносясь съ другимъ польскимъ комитетомъ,—комитетомъ французской полиціи; а изъ другихъ официальныхъ его актовъ мы имѣемъ только одинъ—сообщеніе палаты депутатовъ отъ 25 Января 1835 г., что польская эмиграція разрѣшаетъ Франціи не платить по счетамъ, которые можетъ быть будутъ предъявлены русскимъ правительствомъ, за разныя снабженія французскими войсками во время войны 1806, 1807 и 1812 годовъ!

Все значеніе для революціонныхъ плановъ, которые имѣлъ прежде польскій комитетъ, перешло въ управленіе (централизацію) демократическаго общества. Участвуя, съ глубокою таинственностью, въ совѣщаніяхъ европейскихъ революціонеровъ, имѣя въ лице сперва *Лелевеля,* потомъ *Мѣрославскаго* ретивыхъ представителей Польши,—члены централизаціи задавали публично объявляемые и необъявляемые вопросы на разрѣшеніе и конкурсъ людямъ своей партіи касательно средствъ возстановленія и будущаго устройства однажды возстановленной Польши. Въ числѣ первыхъ находились слѣдующія:

1) Какія внутреннія силы общественнаго положенія Польши въ отношеніи политическомъ и соціальномъ?

2) Какъ должна быть организирована высшая власть во время возстанія и какія права могутъ быть ей предоставлены?

3) Какіе принципы должны быть приняты для войскъ повстанья, съ точки зрѣнія политическаго?

4) Какую должно дать гарантію народу, чтобы доказать ему, что возстаніе есть его собственное дѣло?

5) Какія были причины неудачи предшествовавшихъ возстаній?

6) Какіе принципы должны быь приняты для устройства общинъ соціальнаго нормальнго положені0 для Польши?

7) Какіе принципы должны руководить законодательною властью при основаніяхъ демократическихъ?

8) Какія измѣненія должны быть произведены для преобразованія Польши относительно права собственности, съ цѣлью полнаго удовлетворенія народа, доставленія каждому совершеннаго благосоетоянія и развитія національнаго богатства?

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ проявлялось въ тучѣ брошюръ, которыя остались памятникомъ ярыхъ бредній эмиграціи.

Для секретныхъ вопросовъ былъ избранъ особый комитетъ, въ которомъ разсматривались положеніе революціоннаго настроенія края, отчеты тайныхъ агентовъ, разрѣшеніе вопросовъ какъ усилить это настроеніе, инструкціи отправляемымъ въ Россію французамъ, сношенія съ мѣстными ревнителями и назначеніе эмиссарами людей вполнѣ испытанныхъ и надежныхъ.

»Приверженцы *Ламберовскаго* отеля говорили: демокра»тическая партія не довольствуется тѣмъ, что простолюдина хо»четъ надѣлить поземельною собственностью; она кромѣ этого »дара хочетъ еще застраховать навсегда его благосостояніе. »Собственникъ мало того что однажды долженъ отдать пролетарію »часть своего состоянія, имъ или его предками пріобрѣтеннаго; »но и впредь долженъ дѣлиться плодомъ своихъ трудовъ, дѣятель»ности, знанія и искусства съ лѣнтяемъ, безпечнымъ и безтолко»вымъ. Всѣ прудоновскія теоріи низвергаются въ прахъ предъ »учеными трактатами мудрецовъ Поатье. Подобныя тенденціи »только могутъ вести къ обнищанію страны, а не къ ея процвѣ»танію; отъ нихъ разбѣгутся всѣ трудолюбивые; это сѣмя раз»рыва общества и паденія всякаго просвѣщеннаго развитія, обла»гораживающаго натуру человѣческую. Смыслъ опредѣленій чле»новъ, руководителей демократическаго общества до того уродливъ, »что изъ пяти тысячь своихъ сторонниковъ, къ которымъ прим»кнуло все отрепіе эмиграціи, они, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, »не нашли даже тысячи человѣкъ, которые рискнули-бы подпи»сать разосланную ими прокламацію отъ 4 декабря 1836 года.»

Имѣемъ подъ рукою слѣдующія извлеченія изъ этой прокламаціи.

„Всѣ люди, дѣти одной природы и имѣютъ одинаковыя права и обязанности, потому на нихъ должно смотрѣть какъ на родныхъ братьевъ, дѣтей одного создателя и членовъ одного семейства человѣчества.“

„Всякая привиллегія, подъ какимъ бы именемъ она ни существовала, есть похищеніе изъ обязанностей общаго права; это отрицаніе равенства, посягательство на природу. Братство, свобода и равенство три солидарные принципа, ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть затронутъ безъ уничтоженія остальныхъ.“

„Польша имѣетъ несмѣтныя, не тронутыя силы народа; ими Польша должна возвратить свою независимость. Мы не проповѣдуемъ убійства и разрушенія, но если возобновленіе Польши не можетъ обойдтись безъ насильственныхъ толчковъ и если народъ будетъ призванъ творить судъ, то мы изъ за горсти привилегій не пожертвуемъ благоденствіемъ 20 милліоновъ и пролитая кровь братьевъ падетъ на главу настойчивыхъ шляхет-

ныхъ безумцевъ, для которыхъ чувство своекорыстнаго эгоизма выше общественнаго блага и интересовъ отечества."

Для дѣятельности демократической партіи, коноводы дали ей слѣдующую исходную точку: прежніе руководители поляковъ не сознавали, чѣмъ народъ можетъ быть одушевленъ; возстановленія Польши можно достигнуть только общею соціальною революціею. Не должно искать помощи иноземцевъ, которая насъ только связывала бы; если будетъ европейская война, то мы ею можемъ воспользоваться, какъ союзники, а не какъ подчиненные, обязанные послѣ, въ родѣ благодарности за стороннюю помощь, исполнять чужія прихоти и требованія». Дѣйствительно, коноводы стремясь къ власти единственный къ ней путь находили въ мятежѣ, потому предусмотрительно и заблаговременно они избѣгали того, чтобы никакимъ законнымъ и правильнымъ путемъ Польша не могла быть преобразована. Эти то опасенія, въ виду громадныхъ преобразованій начатыхъ нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, —съ Его возшествія на престолъ, и были, какъ увидимъ, впослѣдствіи самою подстрекающею для коноводовъ причиною къ ретивымъ ихъ усиліямъ произвести мятежъ, разыгравшійся въ 1863 году.

Для повсемѣстнаго вербованія сторонниковъ по всѣмъ областямъ, гдѣ жили поляки, особымъ комитетомъ демократической партіи были разсылаемы агенты, а для согласія въ дѣйствіяхъ— составлены статуты. Вся дѣятельность должна была сосредоточиваться въ главномъ управленіи партіи, которая потому была названа „*централизаціею.*" Ея пребываніе, въ 1840 году, было перенесено изъ Поатье въ Версаль, какъ мѣсто ближайшее къ Парижу, и въ тоже время устраненное отъ бдительнаго глаза, для всякихъ сборищъ съ тайными совѣщаніями, безпокойной парижской полиціи.

Въ 1835 году 5 іюля было централизаціею утверждено постановленіе о внутренней организаціи польскаго демократическаго общества, раздѣленнаго на 6 главъ и 92 параграфа. Въ немъ находимъ:

«Власть принадлежитъ собранію всѣхъ членовъ общества. Собраніе раздѣляется на отдѣлы; направленіе имъ даетъ централизація польско-демократическаго союза. Если въ какомъ либо мѣстѣ число проживающихъ членовъ достигаетъ 5, то они (по правиламъ карбонаровъ) образуютъ отдѣлъ. Каждый отдѣлъ избираетъ своего секретаря, своего кассира и имѣетъ еженедѣльныя засѣданія; дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

Отдѣлъ имѣетъ право составлять постановленія и обязанъ сторожить за моральнымъ настроеніемъ народа. Каждый отдѣлъ принимаетъ новыхъ желающихъ членовъ, съ требованіемъ подписки статута, о чемъ увѣдомляетъ централизацію. Если кто нибудь не изъявляетъ согласія на принятіе новаго члена, то представляется на обсужденіе нѣсколькихъ отдѣловъ. Каждый отдѣлъ имѣетъ право исключить изъ среды себя не благонадежнаго члена, которому предоставляется право аппеляціи. Каждый отдѣлъ собираетъ народную подать. Законодательная власть принадлежитъ общему собранію, а исполнительная централизаціи; но централизація, въ крайнихъ случаяхъ, имѣетъ право принимать временныя мѣры; она же распоряжается всѣми сборами и каждые три мѣсяца даетъ въ нихъ отчетъ; она занимается редакціею журнала (Польскій демократъ), который, въ оффиціальномъ отдѣлѣ. печатаетъ постановленія общества, нужныя для общаго свѣдѣнія, а въ не-оффиціальномъ отдѣлѣ статьи и извѣстія, съ цѣлью содѣйствовать пропагандѣ, опредѣленной демократическимъ обществомъ. Члены централизаціи (9-ть числомъ) избираются ежегодно общимъ собраніемъ; 5-хъ членовъ достаточно для законности постановленій.» Такъ какъ разногласій было много, и являлось по одному предмету слишкомъ много мнѣній, невозможныхъ къ разрѣшенію большинствомъ голосовъ, то число членовъ было сокращено на 5, а необходимое число для законности постановленія сокращено на 3. «При засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ централизаціи могутъ присутствовать члены общества. Предсѣдательство принадлежитъ по очередно членамъ централизаціи.»

«Надъ централизацію установляется наблюдательный отдѣлъ, который контролируетъ ея поступки; члены наблюдательнаго отдѣла также избираются общимъ собраніемъ». Не смотря однако на наблюдательный отдѣлъ, члены централизаціи, особенно съ поступленія въ ихъ число въ 1844 году *Мѣрославскаго,* находили время и мѣсто сперва сговариваться въ своихъ дальнѣйшихъ затѣяхъ, которыя должны были храниться въ тайнѣ; многіе эмигранты демократы это знали, но имъ зажимали ротъ объясненіями: «нельзя уберечься отъ предателей, закупленныхъ парижскою полиціею, мы имѣли тьму доказательствъ, что противъ нашихъ плановъ, прежде нежели мы приступаемъ къ дѣлу, уже приняты мѣры противудѣйствовать ихъ исполненію».

За основаніе польской пропаганды демократическаго общества было принято: «Будущее польское возстаніе должно быть не толь-

ко возмущеніемъ (инсурреккія), но и общественнымъ переворотомъ (соціальна революція). Для достиженія этой двойной цѣли предстояло много подготовленій въ польскомъ обществѣ. При его настроеніи можно было всегда найдти охотниковъ къ мятежу, но хотя Бемъ и заявилъ готовность польскихъ дворянъ дѣлиться своимъ добромъ братски съ крестьянами, — заявленіе, отъ котораго онъ и самъ чрезъ годъ отказался; но такія жертвы вовсе не входили въ расчетъ землевладѣльцевъ.

Демократическое общество разрѣшило эту задачу слѣдующею системою своихъ дѣйствій:

1) Такъ какъ каждый доволенъ своимъ умомъ и не доволенъ своимъ состояніемъ, то въ сословіи учителей и наставниковъ, гувернеровъ юношества всегда найдутся люди, готовые пристать къ демократической партіи. Свѣдѣнія о подобныхъ личностяхъ должны быть тщательно собираемы и общество должно употребить все свое вліяніе о назначеніи таковыхъ въ должности при учебныхъ заведеніяхъ. Особенное вниманіе должно быть обращаемо на преподавателей Закона Божія. Стараться сохранить обыкновеніе, чтобы не управленіе учебными заведеніями приглашало ихъ, но чтобы оно производилось по назначенію епархіальнаго начальства, а на него дѣйствовать, чтобы выборъ всегда падалъ на личности демократической партіи, извѣстныя ей и ею поддерживаемыя.

Подготовленное юношество должно втягивать въ революцію, преимущественно напирая на идею освобожденія Польши отъ чужеземцевъ. Развивъ въ нихъ чувства истиннаго національнаго патріотизма, ихъ легче будетъ подготовить къ единовременному съ инсуррекціею соціальному перевороту, и для этого идеи инсурренціи и революціи должны быть столь сильно сплочены, чтобы оторвать одну отъ другой было бы невозможно.

2) Живое слово въ устахъ преданнаго дѣлу, талантливаго человѣка есть живительный источникъ, потому необходимо въ край посылать своихъ эмиссаровъ.

Опасность порученія не остановитъ истинныхъ людей дѣла, въ случаѣ если члены централизаціи возмутъ на себя эти обязанности, то они сохраняютъ свои мѣста и засѣданія могутъ производиться въ этомъ случаѣ и при 3 членахъ; для усиленія ихъ числа можно принимать предложенія лицъ другихъ національностей, менѣе подвергающихся полицейскимъ наблюденіямъ. Подобные эмиссары могутъ быть полезны для сборовъ и проведенія въ польскія общества идей, способствующихъ цѣ-

ли, но не подлежитъ сомнѣнію, что польза отъ ихъ отправленія въ бывшія польскія области не можетъ сравниться съ эмиссарами поляками, знающими духъ и направленіе страны и личное настроеніе вліятельнѣйшихъ личностей.

Эти эмиссары должны особенно стараться завести между мѣстными жителями демократическія кружки, которые продолжали бы дѣло послѣ ихъ отбытія, и стараться отыскать вліятельныя личности, которыя, съ *благоразумною осторожностью*, могли бы слѣдить за дѣятельностью кружковъ, поощрять ее, споспѣшествовать ей, облегчая средства (?) и безопасною перепискою доставлять подробнѣйшія свѣдѣнія и собранныя деньги централизаціи. Эти агенты, безъ всякой власти, не участвуя лично ни въ какихъ заговорахъ, должны быть избираемы съ большою осмотрительностію и одобряемы признательностію централизаціи за оказываемыя ими заслуги.

На эмиссаровъ было особенно возлагаемо проведеніе въ туземцахъ увѣренности, что Польша для своего освобожденія не нуждается въ посторонней помощи.

Литературныя произведенія и журналъ демократическаго общества должны неразрывно проводить идею освобожденія съ соціяльнымъ переворотомъ.

Особенно заботилось общество о составленіи разныхъ національныхъ катихизисовъ, для различныхъ слоевъ обществъ, и высоко цѣнило руководство для веденія возстанія, *„Партизанская война“*, въ которомъ проповѣдывалось ночное и тайное убійство солдатъ; ядъ, и отравленіе колодцевъ были включены въ число оружія новаго военнаго искуства,—также изданное сочиненіе въ Брюсселѣ: *„Житейскія правды польскаго народа“*, о которомъ ближайшихъ свѣденій кромѣ заглавія не имѣемъ. Эти сочиненія, равно какъ и много другихъ имъ подобныхъ, особенно произведенія *Лелевеля* печатались въ Брюсселѣ на счетъ суммъ общества (т. е. собираемыхъ съ края), по цѣнѣ крайне дешевой, тѣмъ болѣе, что *Лелевель* самъ отказывался отъ всякаго вознагражденія.

Наконецъ, по всѣмъ провинціямъ бывшей Польши образованіе тайныхъ *филіальныхъ кружковъ* должно опредѣлять численность, на которую въ данную минуту можно было расчитывать. Эти кружки должны стараться укрѣплять національныя понятія и стремленія между своими членами и должны быть

постоянно снабжаемы всѣми, печатаемыми отъ общества, произведеніями, дабы могли слѣдить за его дѣйствіями и намѣреніями. Кружки должны были, при своемъ учрежденіи, строго придерживаться въ основаніи безопасной карбонарской организаціи.

III.

КАНОНИЗАЦІЯ МУЧИТЕЛЯ.

Извѣстно всякому, съ какою щедростью и самоволіемъ папы населяютъ *свой* рай новыми небожителями. Вотъ и теперь Пій IX *произвелъ* въ святые разомъ 30 человѣкъ, и въ числѣ ихъ извѣстнаго псевдо—архіепископа полоцкаго, псевдо—христіанина, псевдо—мученика, жестокаго гонителя православія въ Бѣлоруси—Іоасафата Кунцевица.

Но, можетъ быть, не всякому извѣстно то, что умомъ и сердцемь папъ, при канонизаціи извѣстныхъ личностей, руководствуетъ не столько святость и безукоризненность ихъ жизни, нетлѣніе мощей и чудотворенія по смерти *), сколько виды политическіе и тенденціи пропагандивныя. Большинство канонизованныхъ папами святыхъ принадлежало къ числу самыхъ неутомимыхъ миссіонеровъ папской доктрины, самыхъ ревностныхъ распространителей папскаго властолюбія и прозелитизма по всему земскому шару. Въ числѣ подобныхъ святыхъ попадаются нерѣдко даже весьма сомнительные христіане, весьма большіе грѣшники и весьма рѣдко люди вполнѣ безукорызненной жизни. Къ сонму такихъ святыхъ безспорно принадлежитъ и недавно канонизованный папою Піемъ IX извѣстный гонитель бѣлорусскихъ православныхъ христіанъ, бывшій полоцкій, уніатскій архіепископъ Іоасафатъ Кунцевичъ.

---

*) Главныя условія, безъ которыхъ канонизація не имѣетъ никакого значенія и смысла.

Мы не станемъ распространяться на счетъ жизни и дѣятельности этого папскаго святаго. Это личность настолько извѣстная, популярная, что сомнѣніе на счетъ ея характера рѣшительно немыслимо. Самая безпристрастная исторія такъ аттестуетъ Кунцевича: сутяга, гордецъ, корыстолюбецъ, мучитель христіанъ. Нечего сказать— лестная аттестація для новаго папскаго святаго! А между тѣмъ, говоримъ торжественно, эта аттестація непогрѣшимѣе папы; она опирается на огромной массѣ историческихъ фактовъ и документовъ.

Были, скажутъ, однакожъ причины у папы для переименованія подобнаго человѣка изъ грѣшника въ святаго. Конечно, были, но только лишь—не основательныя и грѣшныя. Папа прицѣнился къ тому, что Кунцевичъ убитъ народомъ,— что онъ мученикъ. Но неужели нужно причислять къ сонму мучениковъ всѣхъ разбойниковъ, которые убиты людьми, защищавшими свое достояніе, свою жизнь? А Кунцевичъ хотѣлъ отнять у цѣлаго народа болѣе чѣмъ жизнь физическую,— онъ хотѣлъ отнять у него жизнь народную,— вѣру предковъ, вѣру правую и для отнятія ея отнималъ все, не стѣсняясь никакими жестокостями, пытками, насиліями. Напрасно бѣдный многострадальный народъ, у котораго, по милости латино-польской деспотіи, и оставалось одно достояніе—вѣра, искалъ защиты, отъ своего мучителя въ судахъ, напрасно вопилъ на сеймикахъ и сеймахъ, напрасно умолялъ о правосудіи короля—іезуита; ни откуда не являлась помощь и защита; отъ безнаказанности мучителя, пытки росли въ качествѣ и количествѣ; чувство боли и негодованія народнаго достигли высшей точки; чаша терпѣнія переполнилась до краевъ; довольно было одной новой капли, чтобъ она пролилась и утопила мучителя въ мести ожесточеннаго народа. Эта капля, и оченъ крупная, была брошена Кунцевичемъ, и онъ погибъ, конечно, по заслугамъ. Было утро воскреснаго дня; церкви православныхъ въ городѣ были или отняты Кунцевичемъ, или стояли въ запустѣніи и разрушеніи; несчастные тянулись за городъ,— въ *шалашъ*, исполнявшій у нихъ дожность молитвеннаго дома; вдругъ разносится вѣсть, что священникъ ихъ (о. Илья), тайкомъ переправлявшійся туда же чрезъ Двину, схваченъ сторожившими его исполнителями насилій Кунцевича и посаженъ въ тюрь-

му. Искра попала въ пороховой ящикъ: негодованіе народа вспыхнуло со всеразрушающею силой; ударили въ вѣчевой колоколъ; мужчины и женщины, старцы и дѣти вооружились чѣмъ попало и, въ изступленіи, рынулись къ дому Кунцевича, освободили изъ узилища своего изувѣченнаго священника и совершили надъ мучителемъ ту кару, которую давно бы долженъ былъ исполнить надъ нимъ законъ менѣе пристрастный,—правительство менѣе враждебное православію, менѣе фанатическое. Обращаемся ко всѣмъ у кого есть хоть капля человѣческаго смысла, христіанскаго разумѣнія— и спрашиваемъ: можно ли, безъ богохульства, назвать смерть такого человѣка, погибшаго въ такихъ обстоятельствахъ, мученическою? Послѣ этого папѣ остается только канонизовать казненныхъ въ Италіи бандитовъ, погибшихъ насильственною смертію гонителей христіанства—римскихъ кесарей! Такая канонизація была бы даже законнѣе канонизаціи Кунцевича, такъ какъ первые изъ нихъ неистовствовали подъ знаменемъ папства и Франциска II, а послѣдніе отстаивали, по крайнему разумѣнію, отечественную религію—издыхавшее язычество— отъ подавленія его христіанствомъ. Скорѣе нужно назвать мученикомъ тотъ многострадальный народъ, который былъ мучимъ при жизни и наконецъ замученъ—до смерти. Ни одна языческая тризна не была празднуема кровожаднѣе смерти Кунцевича: по ходатайству изувѣра папы, королемъ фанатикомъ было принесено къ жертву страшной тѣни Кунцевича около ста человѣкъ; многіе успѣли бѣжать отъ мучительной смерти, имѣнія всѣхъ виновныхъ и невинныхъ были конфискованы, сотни заключены въ темницы, истерзаны плетьми, множество гражданъ осуждено на изгнаніе, городъ былъ опустошенъ, разоренъ, православіе истреблено. Для полноты этой латинской тризны не доставало только того, чтобы *блаженнаго* (beatus) прежде священномученика *уніятскаго* возвести теперь въ званіе *святаго латинскаго*; Пій IX пополнилъ и этотъ пробѣлъ Урбана VIII. Не знаешь, право, кому изъ нихъ отдать пальму первенства въ дѣлѣ святотатства! Едва ли, впрочемъ, не послѣднему, такъ какъ ему принадлежитъ нечестивая беатификація мучителя христіанъ и такъ какъ онъ грозилъ проклятіемъ всѣмъ, кто откажется „омыть мечъ свой въ крови *виновныхъ*,“— при-

казалъ „не щадить ни огня, ни меча“, восхвалялъ короля за истребленіе православныхъ и православія.

Это уже второй гонитель православія причисленъ папами къ сонму, святыхъ: королевичъ Казиміръ, и уніатъ Кунцевичъ; первый пожалованъ въ святые за то, что исходатайствовалъ у отца повелѣніе не строить православнымъ новыхъ церквей и не починять старыхъ; заслуги послѣдняго достаточно оцѣнены и нами, и такимъ компетентнымъ лицемъ, каковъ *папистъ*, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, и многими другими современниками. Намѣренія св. отцовъ римскихъ— понятны; это—доказать, что преслѣдовать православіе — дѣло святое, что одно папство есть „святое католичество“, что всѣ гонители „схизмы“ (православія)—святые, что всѣ гонимые ею—мученики. Но кто же просилъ этихъ господъ заниматься среди насъ враждебною намъ папскою миссіей? Развѣ мы язычники, чтобъ имѣть нужду въ апостолахъ христіанства?... Сами пожаловали—не прошенные, сами начали неистовствовать среди самаго мирнаго, незлобиваго христіанства, сами вывели изъ терпѣнія долготерпѣливѣйшій въ мірѣ народъ;— „по дѣломъ имъ и мука!“ Святости у нихъ менѣе, чѣмъ—у ксендзовъ Бжоско, Мацкевича, даже менѣе, чѣмъ у Юліана, Декія и подобныхъ имъ!... Если мы не канонизовали безчисленныхъ страдальцевъ, замученныхъ папствомъ, то ему слишкомъ ужъ грѣшно канонизовать нашихъ мучителей... Что, если бы мы узаконили папскій принципъ и употребили противъ папъ ихъ собственное оружіе!... А вѣдь мы имѣемъ больше права повесть противъ враговъ своихъ, у себя—дома, пропаганду, чѣмъ какіе-нибудь пришельцы... Насъ бы оправдала и правота вѣры, и значеніе хозяина, и необходимость реакціи. Но пусть папство не тревожится нашею пропагандой!.. Мы настолько христіане, что не осквернимъ догматики и практики христіанства изувѣрствомъ пропаганды; миссію интригъ и насилій мы оставляемъ въ безраздѣльномъ владѣніи папства... Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, ему и держаться,—какъ софизму, какъ доктринѣ человѣческой,—если не внѣшними, искуственными средствами: приманкой—гдѣ нельзя употребить насилія, интригой—гдѣ не достаетъ власти, потачкою страстямъ и привычкамъ прозелита—гдѣ тяготятся строгостію закона христіанскаго, подкупами—гдѣ не дѣйствуетъ сила доводовъ, поддѣлками документовъ—когда нѣтъ точки опоры для из-

вѣстнаго лжеученія въ писаніяхъ отцевъ церкви, постановленіяхъ апостольскихъ и соборныхъ, хроникахъ историческихъ и проч. Да, мы отвергаемъ съ негодованіемъ антихристіанскую пропаганду папства и не завидуемъ обилію его прозелитовъ, пріобрѣтенныхъ іезуитскими средствами.

Незачѣмъ и говорить, что канонизація Кунцевича не прибавила ни на волосъ святости ему самому, не увеличила de facto цифры святыхъ и одною единицею, не возвеличила папства, не унизила православія. Это потому, что Кунцевичъ извѣстный грѣшникъ, умершій безъ покаянія, и даже не вполнѣ-папистъ: онъ только полу-ренегатъ православія, освященный за одно признаніе надъ собою главенства папы. И Пій IX, причисляя къ святымъ Кунцевича, не столько хлопоталъ объ немъ самомъ, о его святости, о святости вообще, сколько о себѣ, о паптствѣ, о притязаніяхъ своихъ на господство его въ Литвѣ и Бѣлоруси,—сколько о демонстраціи противъ Россіи и православія, объ указаніи въ мнимомъ мученикѣ новаго патрона и молитвенника Польшѣ. Это наглядно открывается изъ хода послѣднихъ событій: сначала о. святой „благословляетъ и поощряетъ“ (слова епископа орлеанскаго Дюпанлу) возстаніе и рѣзню поляковъ, потомъ, когда дѣла ихъ пошли (какъ и должно было случиться) слишкомъ дурно, началъ горячиться, бранить, проклинать Россію, но когда и это тупое оружіе Пія IX выказало только безсиліе Ватикана и анахронизмъ его боевыхъ пріемовъ, онъ попадаетъ въ тактъ польскихъ піетистовъ мистиковъ, думающихъ возстановить старую Польшу посредствомъ молитвы и сочиняетъ имъ новаго святаго, молитвами котораго Польша непремѣнно возвратитъ, по его мнѣнію, свои границы 1772 года. Не будь польскаго бунта, или окончись этотъ бунтъ иначе, и папскій рай былъ бы бѣднѣе однимъ святымъ, и Кунцевичу не испытать бы обратной чрезъ Стиксъ эмиграціи. Не святость жизни, не смиреніе христіанское, не любовь къ Богу и ближнему Кунцевича заставили папу произвести его въ святые, а папская политика, человѣческія страсти; не чудеса или нетлѣніе мощей (*) вызвали ею канонизацію, а пропаганда, злость и демонстрація, не для молитвы объ от-

(*) Чудеса Кунцевича — верхъ нелѣпости и образчикъ самой неуклюжей работы ультрамонтанской фантазіи. Прославленныя

пущеніи грѣховъ, о спасеніи душъ сочиненъ новый святой, а для того, чтобъ имѣть, такъ сказать, новаго папскаго нунція, политическаго интригапта и врага православія и на небѣ.

Но, если папѣ вольно уніатскаго грѣшника превращать въ обще—латинскаго священномученика; если ему вольно навязывать Россіи непрошеннаго ею святаго, то намъ вольно, то на насъ лежитъ даже обязанность — воспретить кому бы то ни было признавать его такимъ во всей русской имперіи, не позволять въ честь гонителя нашей вѣры и народности сочинять, перевозить чрезъ границу и отправлять какія либо особыя службы, затѣвать процессіи, *отпусты* и тому подоб. уловки пропаганды. Пусть себѣ въ Римѣ и гдѣ угодно покланяются истукану, но у себя—дома, мы не можемъ позволить этого идолослуженія, направленнаго къ поруганію надъ нашимъ святымъ православіемъ, къ узаконенію и освященію гоненія нашей правой вѣры пришлою доктриной человѣческой.

мощи его состояли (какъ обнаружило оффиціальное разслѣдованіе) изъ лоскута какой то церковной одежды и клока неизвѣстно чьихъ волосъ.

(**) О ренегатствѣ, злодѣяніяхъ и сметрти этого гонителя православія въ Бѣлоруссіи, смотри статью въ Вѣстникѣ за $18^{62}/_{63}$ г., книга 2 и 3, „Жизнь Іоасафата Кунцевича, б. уніатскаго полоцкаго архіепископа“ и документы къ этой статьѣ относящіеся.

Примѣчаніе. Жизнь Іоасафата, съ относящимися къ ней документами, сперва напечатана была въ „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1858 годъ, потомъ въ газетѣ „День,“ перифразированная М. К—мъ, наконецъ, съ разными сокращеніями, въ Русскомъ Инвалидѣ, Домашней Бесѣдѣ, и во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

IV.

ПАНСКІЯ ФАЦЕЦІИ *).

(Воспоминанія, вызванныя статьями: „Иголка и Видѣніе въ несвижскомъ замкѣ,“ помѣщенными въ 6 кн. Вѣстника, стр. 215–233, отд. IV).

Читая, „Иголку и Видѣніе въ несвижскомъ замкѣ“, невольно переносишься мыслію въ эпоху панскихъ самодурствъ, или такъ называемыхъ *„фацецій“* (продѣлокъ, оригинальностей). Выкидывать затѣйливыя, оригинальныя штуки—была эпидимическая болѣзнь польской фантазіи,—начиная отъ фантазіи магната, воеводы, до фантазіи шляхтича на *ogrodzie*. Чѣмъ крупнѣе былъ панъ, тѣмъ крупнѣе была и фацеція. Фацеція шляхтурки была буря въ стаканѣ, занимала два—три дня языки *застѣнка,* тогда какъ фацеція магната составляла предметъ толковъ и удивленія цѣлой Рѣчи—посполитой; великому кораблю великое и плаваніе; средства магната—нравственыя и матеріальныя—давали ему возможность развить фацецію въ самыхъ грандіозныхъ, колоссальныхъ размѣрахъ.

Фацеція-не случайное явленіе въ жизни одного—другаго польскаго оригинала; происхожденіе ея объясняется складомъ ума и сердца, быта и привычекъ польскаго панства, исторіей Польши и связью ея съ исторіей средневѣковаго рыцарства. Польскій панъ считалъ своею обязанностью корчить западнаго ба-

1) Слово *facecia* едва ли можно буквально перевести на другой языкъ; подъ именемъ ея нужно разумѣть дикую выходку досужей фантазіи, отличающуюся небывалою оригинальностью.

рона—феодала, у котораго была своя собственная фантазія и который не многимъ иногда отличался отъ разбойника и грабителя. Громадное богатство магнатовъ, выжатое прессомъ безконтрольной деспотіи изъ беззащитнаго холопа, праздная, пьяная жизнь, невѣжество, простиравшееся нерѣдко до неграмотности, развитіе одной панской фантазіи съ ущербомъ для развитія высшихъ способностей духа, полное отсутствіе разумныхъ, общеполезныхъ занятій, развлеченій, достойныхъ человѣка, христіанина, гражданина, крайнее развитіе тщеславія, высокомѣрія, самоволія, буйства—все это вмѣстѣ дало жизнь фацеціи, имѣвшей не малое вліяніе на ложныя отношенія пана къ окружающей его средѣ, на извращеніе и попраніе законовъ божескихъ и человѣческихъ, на безурядицу политическую, на самое паденіе Польши. Панъ пропивалъ, прокучивалъ въ охотѣ огромныя суммы во имя одной фацеціи, панъ грабилъ слабѣйшаго себя сосѣда, отнималъ у него лѣсъ, сѣнокосъ, дочь и жену для той же фацеціи, онъ строилъ кляшторы, дарилъ фундуши, стрѣлялъ жида, вѣшалъ цыгана или хлопа, стрѣлялъ съ—пьяна въ подковки танцующихъ мазурку дамъ, обращалъ прудъ или поле въ лѣсъ, село—въ пустырь, и на оборотъ, устроялъ *конфедераціи*, поднималъ *рокоши*, *гвалты*, дѣлалъ *заѣзды*, затѣвалъ *куриныя войны*, высовывалъ изъ печныхъ дверецъ голову, чтобы *сломать сеймъ*, крикнувъ во все горло: *nie pozwalam!*, сѣкъ плетьми *вознаго*, наносилъ публичныя оскорбленія королю, глумился надъ его декретами и проч., и проч.,—все дѣлалъ панъ для одной только фацеціи, для того, чтобы послѣ сказать, покручивая усъ: *a co!?*, чтобъ увѣковѣчить память о своемъ самодурствѣ въ отдаленномъ потомствѣ.

Авторъ „Иголки и Видѣнія въ несвижскомъ замкѣ“, дѣйствительно, намѣтилъ такія двѣ личности изъ стариннаго магнатства польскаго, которыя не имѣли себѣ соперниковъ въ изобрѣтательности и исполненіи фацецій. Фацеціи всѣхъ другихъ пановъ блѣднѣютъ предъ ихъ фацеціями, какъ гнилякъ предъ солнцемъ. Полное самовластіе, колоссальныя богатства, особое устройство головы—дѣлали ихъ счастливѣйшими изъ *facecyonatow* (творцевъ фацеціи): ихъ фацеціи носятъ теперь характеръ баснословности. Проживъ долго на Волыни, въ самомъ центрѣ фацецій Потоцкаго, будучи уроженцемъ минской губерніи и получивъ первоначальное образованіе въ Слуцкѣ,—одной изъ резиденцій князей Радзивилловъ,— я слыхалъ отъ очевидцевъ—ста-

рожиловъ и почерпнулъ изъ другихъ источниковъ много сказаній о фацціяхъ этихъ ясневельможныхъ, которыя теперь,—въ видѣ пополненія пробѣловъ „Иголки и Видѣнія въ несвижскомъ замкѣ",—и поручаю благосклонному вниманію читателей.

1.

Не знаю, о какомъ Потоцкомъ говорится въ „Иголкѣ." По всему видно, что герой ея есть фундаторъ почаевской лавры, Николай Потоцкій, староста Каневскій, болѣе извѣстный подъ названіемъ *Каневскаго*. Эта догадка значительно усиливается сходствомъ фацецій и характеровъ героя „Иголки" и Каневскаго: послѣдній также былъ жестокъ до звѣрства и набоженъ (подъ старость) до фанатизма. Вотъ нѣсколько извѣстныхъ мнѣ его фацецій.

Потоцкій заставилъ подражать кукушкѣ не жида [1]), а цыгана. Это, говорятъ, происходило такимъ образомъ: ѣдетъ Потоцкій въ Почаевъ лѣсомъ; идетъ лѣсною тропинкой, лошади нѣсколько отстали; слышитъ—кукуетъ кукушка; видитъ—сидитъ цыганъ у дороги подъ деревомъ и, смотря на свои пальцы, замѣчаетъ на нихъ счетъ сдѣланныхъ кукушкой возгласовъ, вѣря отъ полноты души, что число ихъ будетъ равняться числу остальныхъ лѣтъ его жизни. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, цыганъ, заслыхавъ голосъ кукушки, обратился къ ней съ такою просьбой: „*зозуля* (кукушка) голубка, скажи, сколько мнѣ лѣтъ жить; должна же была зозуля сказать сущую правду. Повозъ Потоцкаго двигался медленно по мягкой почвѣ, цыганъ весь погруженъ былъ въ свое занятіе, первый остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ цыгана, послѣдній не замѣтилъ ни его приближенія, ни его остановки. Кукушка кукуетъ, цыганъ считаетъ, Потоцкій любуется картиной. Вотъ кукушка умолкла, цыганъ замѣтилъ Потоцкаго, а въ головѣ послѣдняго уже составился планъ фацеціи, сообразной съ обстановкою.

—Що ты робывъ [2])? спросилъ Потоцкій цыгана.

—Считалъ, сколько мнѣ лѣтъ *закуковала* зозуля.

---

1) Впрочемъ, быть можетъ, это была любимая забава Потоцкаго,— можетъ быть онъ заставлялъ *куковать* и жида, и жидъ былъ несчастнѣе цыгана—хоть бы потому, что не гарантировалъ своей жизни никакими условіями. Да и то нужно сказать, какому жиду достало бы смѣлости предлагать условія Каневскому!

2) Потоцкій велъ бесѣду на тамошнемъ, малорусскомъ нарѣчіи; но желая сдѣлать ее понятнѣе для большинства читателей, я передамъ ее на чисто-русскомъ языкѣ.

—А сколько? продолжалъ Потоцкій.

—Сорокъ два, отвѣтилъ цыганъ. (Онъ былъ молодъ и хорошъ. Его наивность и физіономія видимо понравились Потоцкому).

—Если зозуля не соврала, то я не могу тебя убить? спросилъ Потоцкій.

Цыганъ пристально взглянулъ на Потоцкаго, смекнулъ, быть можетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и смѣло отвѣчалъ:

—Панъ меня не убьетъ.

—Ну такъ *полъзай* на дерево, кукуй какъ зозуля, а я буду стрѣлять въ тебя и за всякій промахъ буду класть для тебя вотъ на это мѣсто (Потоцкій указаъ на пень срубленнаго дерева) по червонцу.

На чтожъ мнѣ панскіе червонцы, если панъ убьетъ меня? А онъ убьетъ, когда будетъ стрѣлять до вечера. Если ужъ пану непремѣнно захотѣлось сдѣлать меня зозулей, то пусть по своей милости (*з ласки своей*) назначитъ, сколько разъ я долженъ пропѣть: *куку!* Потоцкій былъ, что называется у поляковъ, w dobrym humorze (хорошемъ располеженіи духа); въ пользу цыгана говорила его красота, безъискуственность, самообладаніе, разсудительность,— Потоцкій сказалъ:

—Имѣешь резонъ (*маешъ рацыю*): ну—кукни сорокъ два раза, потому что тебѣ столько лѣтъ обѣщала зозуля.

—Много будетъ, пане! И я осипну, и трудовъ панскихъ жаль, и дукатовъ, и зарядовъ! Да коли мнѣ суждено умереть отъ панской пули, панъ убьетъ меня и до десяти выстрѣловъ.

—Ну ладно; выбирай дерево и полѣзай.

Вздохнувъ къ Богу, цыганъ осмотрѣлся кругомъ, выбралъ каштанъ повыше и вѣтвистѣе, вскарабкался на дерево, усѣлся въ безопасномъ мѣстѣ, защитивъ, насколько было возможно, голову и туловище стволомъ каштана, и крикнулъ, куку! Раздался пистолетный выстрѣлъ, пуля просвистала въ вѣтвяхъ дерева надъ головою цыгана, Потоцкій положилъ на пень червонецъ. Девять разъ прокричалъ цыганъ—*куку*, девять пуль Потоцкаго пролетѣло мимо цыгана, наконецъ десятая угораздила какъ разъ въ средину... древеснаго ствола противъ цыганской груди, а Потоцкій положилъ на пень десятый червонецъ. Цыганъ слѣзъ съ дерева, подобралъ червонцы, поклонился пану и хотѣлъ идти своею дорогою, но Потоцкій подозвалъ его къ себѣ и потрепавъ дружески по плечу, сказалъ:

—Чтобъ тебѣ зозуля не даромъ куковала и чтобы ты всякій

годъ могъ прожить мой червонецъ, вотъ тебѣ еще тридцать два червонца; пользуйся ими на здоровье, да вспоминай Потоцкаго всегда, какъ только заслышишь зозулю, или будешь расходовать мой червонецъ. Сказавъ это, Потоцкій отсчиталъ медленно тридцать два червонца, отдалъ ихъ цыгану, сѣлъ въ экипажъ и ускакалъ далѣе.—Щедрость Потоцкаго объясняется тою же страстью къ фацеціямъ и счастливою звѣздою цыгана.

Но фацеціи Потоцкаго не всегда оканчивались благополучно для тѣхъ, которыхъ угодно было яснеосвецоному сдѣлать дѣйствующими ихъ лицами: подкутилъ однажды у почаевскихъ базиліанъ Потоцкій. Человѣкъ онъ, какъ извѣстно, былъ капризнѣйшій во всей Рѣчи посполитой, въ которой на всякій десятокъ пановъ приходилось по девяти капризныхъ. Не съумѣли какъ-то базиліане угодить гостю, задѣли чѣмъ-то его эгоистическую натуру. Пьяный Потоцкій былъ еще капризнѣе Потоцкаго трезваго. Онъ вскочилъ съ мѣста, съ налитыми кровью глазами и крикнулъ: лошадей! Все притихло, всѣ знали норовъ гостя; лошади поданы, Потоцкій, съ проклятіемъ на устахъ, ускакалъ въ Подкаменье (въ Галиціи),—въ другой базиліанскій кляшторъ, котораго онъ также былъ фундаторомъ. Это было подъ вечеръ. Вотъ смерклось... небо заволокли тучи, буря свиститъ и воетъ надъ лѣсомъ, молніи змѣями вьются въ воздухѣ, юлятъ подъ мордами лошадей, гулъ грома оглушительными перекатами грохочетъ въ ущельяхъ Карпата... лошади дрожатъ и поминутно останавливаются... ни зги невидно... путники ѣдутъ наудачу; Потоцкій бѣсится и страшно бранитъ и базиліанъ, и погоду, и невиннаго возницу, и всѣхъ, и все Но вотъ вдали блеснулъ путеводный огонекъ; лошади безъ понуканья понеслись, на призывъ его, скорой рысью. Подъѣзжаютъ. Стоитъ корчма. Входитъ въ нее панъ Потоцкій— страшный какъ буря на дворѣ.... Смотритъ изъ-подлобья на обстановку корчмы; вонь и гадость поражаютъ всѣ его чувства. Въ корчмѣ всего только сборная изба и чуланъ, биткомъ набитый семьей и хламомъ Лейбы—арендатора... Но дѣлать нечего: было за полночь; Потоцкій сбился съ дороги верстъ на 15; до Подкаменья еще оставалось вдвое дальше; капризный панъ долженъ быть подчиниться, въ свою очередь, капризу обстоятельствъ и первый разъ въ жизни расположиться на ночлегъ въ отвратительнѣйшей изъ корчемъ жидовскихъ.

Въ корчмѣ поднялась небывалая возня: изба подметена; *Ондрій*,—неразлучный казакъ Каневскаго, дѣтина въ 3 съ вершкомъ аршина, съ огромнымъ *оселедцемъ* (длинная прядь волосъ на обрытой головѣ) за лѣвымъ ухомъ, загромоздилъ всѣ лавки постелью, шкатулками, арсеналомъ своего пана; оторопѣвшій Лейба натаскалъ въ корчму цѣлый возъ свѣжаго, ароматнаго сѣна; Ондрій приготовилъ постель пану; жиды притаились въ своей конурѣ; Каневскій улегся... Но ему что-то не спалось... Смѣсь разныхъ ощущеній волновала ясневельможную кровь... Вотъ наконецъ, эти ощущенія начали улегаться, улетучиваться, вотъ идетъ прелюдія сна: базиліане бросаютъ молніи, лошади гремятъ, Лейба размахиваетъ гривой и мчитъ повозъ панскій, вдругъ въ чуланѣ раздается самый рѣзкій визгъ дѣтскаго сопрано. Потоцкій вздрогнулъ, присѣлъ на постели, жиденокъ въ чуланѣ визжитъ во все горло. Кровь бросилась въ голову разъяреннаго пана;

— Ондрій, а Ондрій, завопилъ онъ.

Андрей заснулъ какъ мертвый; но знакомый голосъ знакомаго пана, словно машина, толкнулъ его съ лавки на землю; онъ сталъ на ноги:

— Чого, тату (отецъ (1), отозвался онъ въ испугѣ.

— Перерыжъ выпить (ка) горло сіому жиденяти; а то не дае спать чоловикови.

— Заразъ, тату, отвѣтилъ Ондрей, ощупалъ дверь въ чуланъ, нашелъ, по голосу, плачущее дитя, добылъ изъ кармана шорочайшихъ шароваръ складной, дарожній ножъ, схватилъ лѣвой рукой за голову жиденка, а правою почти—что отдѣлилъ ее отъ туловища; жиденокъ, конечно, умолкъ; Ондрій возвратился къ своему посту; Потоцкій спросилъ:

— А що?

— Вже, тату, отвѣтилъ Ондрій.

— Добре, сынку! теперъ можей засне чоловикъ.

Потоцкій хвалился, что послѣ того онъ заснулъ *„jak zabity;“* Ондрій увѣрялъ, что *Тато* захрапѣлъ; но я сомнѣваюсь чтобы человѣкъ, какъ бы низко онъ ни упалъ, зарѣзавшій недавно плачущее дитя, могъ послѣ того сейчасъ заснуть: я увѣренъ, что и самохвальство, и храпъ Потоцкаго были продолженіемъ и финаломъ фацеціи.

---

1) Такъ приказалъ называть себя Каневскій своей дворнѣ даже и тогда, когда кровь ея лилась, тѣло подало кусками подъ ударами канчука.

Ѣхалъ однажды Каневскій въ Почаевъ чрезъ Острогъ и Дубно. Тотъ, кто знаетъ эти мѣста, кто имѣлъ счастіе проѣзжать тою дорогой, не забудетъ ихъ до конца жизни, а можетъ быть и по смерти. Вы словно — въ великолѣпнѣйшемъ паркѣ или громадномъ саду. Если вы ѣдете весною, кругомъ васъ все цвѣтетъ и благоухаетъ. Глаза ваши ласкаютъ и поражаютъ ландшафты— одинъ другаго очаровательнѣе, грандіознѣе, милѣе. Мѣстность холмистая, лѣсистая,—это главное условіе разнообразія и прелести ландшафта. По скатамъ горъ словно льется молочный каскадъ; это всевозможныя фруктовыя деревья въ дикомъ ихъ видѣ и кустарники въ полномъ цвѣту. Вотъ изъ скалы пробивается горный ключь воды; чище, легче, прозрачнѣе, прохладнѣе воды я не знаю [1]). Отверстіе, пробуравленное водою, расширено и временемъ и рукою человѣка: въ немъ устроены чудный гротъ, высѣчены скамейки для отдохновенія путниковъ, въ глубинѣ грота поставлены иконы, предъ ними горятъ зажженныя свѣчи... Вотъ съ лѣвой стороны, построившись въ линію, стоятъ отдѣльными пирамидами отрывки Карпатскихъ горъ, словно исполинскіе часовые, сторожащіе ворота громадной Россіи... Вотъ прямо предъ вами высится *Божа—гура*, на которой когда-то стояло главное капище какого-то славнаго языческаго бога славянъ. А тамъ, въ синевѣ дали, на самой высокой отрасли Карпатъ, словно видѣніе, плаваетъ въ облакахъ по небу дивный храмъ Почаевской лавры... Но къ чему описывать неописанное! Послѣ этого, набросаннаго даже моею неискусною рукою, ландшафта, вы, читатель, поймете мое увлеченіе и не осудите меня за мимовольное уклоненіе отъ главнаго предмета моихъ „воспоминаній."

Но я не слишкомъ ужъ и не послѣдователенъ: предъидущій очеркъ или точнѣе—описанная мною мѣстность принимала свою долю участія въ фацеціи Потоцкаго. При спускѣ съ одного изъ холмовъ лошади, столь же, вѣроятно, капризные какъ и панъ ихъ, помчались вихремъ, сбѣжали въ долину, снова поднялись на холмъ, набѣжали колесомъ на одинъ изъ торчащихъ по обѣимъ сторонамъ дороги камней и опрокинули экипажъ Каневскаго. Этого приключенія было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы кровь Потоцкаго нахлынула къ сердцу, бросилась на мозгъ... Потоцкій поднялся съ земли багровый, съ пѣной на устахъ.

1) Въ Гульчѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

— Становись на колѣна! заревѣлъ онъ несчастному, виноватому менѣе камня, менѣе колеса, кучеру.

Кучеръ безмолвно повиновался, душа Ондрія ушла въ пятки; Потоцкій взялъ пистолетъ, сталъ въ двухъ шагахъ отъ своей жертвы, и прицѣлился въ широкую грудь возницы. Въ это мгновеніе несчастный, поднимая глаза къ небу для предсмертной молитвы, завидѣлъ вдали храмъ почаевской Богоматери и, поднявъ руки къ небу, всѣмъ естествомъ своимъ воскликнулъ: „Мати Божія почаевская, помилуй мене грѣшнаго!...“ Потоцкій спустилъ курокъ, искры посыпались, порохъ на затравкѣ не вспыхнулъ. Думая, что онъ отсырѣлъ, Потоцкій судорожно перемѣнилъ порохъ, — новая осѣчка. Дрожа отъ бѣшенства, Потоцкій натеръ порохомъ кремень, спустилъ курокъ,—тоже осѣчка. „Будь ты проклятъ съ твоею“ [1])... заревѣлъ Потоцкій и со всего размаха ударилъ пистолетъ объ камень; пистолетъ разлетѣлъ въ дребезги... Потоцкому, вѣроятно, нужно было сокрушить хоть что либо, чтобы неистовство его если не прошло, то покрайней мѣрѣ ослабѣло... Потоцкій задумался, повѣсилъ голову,... потомъ, какъ бы пробудившись отъ сна, проговорилъ тихо и медленно:

— Поднимите повозъ!

Ондрій и воскресшій кучеръ исполнили приказаніе пана, онъ сѣлъ въ экипажъ и часа чрезъ три былъ встрѣченъ въ святыхъ воротахъ предваренныхъ о его пріѣздѣ настоятелемъ лавры съ братіею. Замѣчательно, что Потоцкій молился тогда въ церкви Божіей Матери усерднѣе, чѣмъ когда либо и сдѣлалъ въ лавру богатые вклады.

Не забудьте, читатель, что это не туманная легенда, не бродячій разсказъ, а фактъ несомнѣнный, увѣковѣченный и въ бытописаніяхъ почаевской лавры и на одной изъ стѣнъ (лѣвой) почаевскаго храма, на которой изображены al-fresco чудеса почаевской чудотворной Божіей Матери.

Я уже сказалъ, что Каневскій былъ фундаторомъ и почаевской лавры и кляштора въ Подкаменьи, тоже базиліанскаго; на тотъ и другой монастырь онъ подѣлалъ богатые фундуши, ассигновалъ значительныя суммы. Но, взявшіе нѣсколько лекцій у іезуитовъ, базиліане почаевскіе и подкаменскіе не столько до-

1) Далѣе Потоцкій произнесъ богохульство, котораго не дерзнетъ повторить перо мое.

рожили настоящими благами, уже полученными отъ фундатора, сколько будущими, виднѣвшимися въ недальней перспективѣ духовнаго завѣщанія Потоцкаго. Чтобы задобрить капризнаго магната, они прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, не жалѣли ни трудовъ, ни издержекъ. Конкурренція между монахами того и другаго монастыря въ ухаживаньи за Потоцкимъ выработана была до степени науки. Патеры изучали образъ мыслей, привычки, капризы своего фундатора, ловили на лету едва замѣтныя проявленія его желаній, ощущеній и старались примѣниться къ первымъ, отражать на себѣ послѣднія. Что бы ни сказалъ, что бы ни сдѣлалъ Потоцкій, онъ встрѣчалъ дружный восторгъ, *харизове* поддакиванье всей конгрегаціи. Желая съострить, откинетъ бывало страшную дичь панъ фундаторъ, а всѣ патеры, словно по данному сигналу, огласятъ своды зданія дружнымъ взрывомъ сверхчеловѣческаго хохата и восторженныхъ восклицаній. Въ обращеніи съ Потоцкимъ у нихъ вычеркнуто было изъ лексикона слово нѣтъ; мимика его была изучена отъ *a* до *z* Фундатору предъявляли на усмотрѣніе и утвержденіе меню будущаго обѣда и ужина, порядокъ винъ при столѣ, выборъ десерта. Его окружало всегда самое веселое, остроумное, изобрѣтательное на фацеціи общество патеровъ, *pieczeniarzy* [1]) пановъ и подпанковъ, владѣющихъ неисчерпаемою коллекціей анекдотовъ, пригодныхъ для всякаго случая, мысли, чувства разказываемаго событія. Базиліане изучили до мельчайшихъ подробностей вкусъ и прихоти Каневскаго. На первыхъ порахъ своего съ нимъ знакомства, они собрали на счетъ ихъ самыя точныя свѣдѣнія отъ повара и оффиціалистовъ Каневскаго. Они знали любимыя его вина, блюда, астрономическія утонченности приправъ; только у почаевскихъ базиліанъ Потоцкій могъ ѣсть и пить сообразно своимъ привычкамъ; только у себя да у нихъ могъ онъ услаждаться такими медами и węgrzynami (венгерскимъ), генеалогія которыхъ затерялась во временахъ давнопрошедшихъ. Ухаживали до низости не только за Каневскимъ, но и за его прислугой, лошадьми и даже экипажемъ. Для Ондрія въ Почаевѣ была вѣчная масляница. Чрезъ мѣсяцъ—другой про-

1) *Pieczeniarz*—истребитель чужихъ жаркихъ. Такъ назывались промотавшіеся, бывшіе нѣкогда богатыми, паны. У магнатовъ приживало такихъ пановъ по нѣскольку. Эти пролетаріи,—самые находчивые, вкрадчивые бывалые, остроумные: ихъ положѣніе заставляло усовершиться въ своей ролѣ до высшей степени искусства.

житья въ Почаевѣ, Ондрій бывало такъ разростался, что его послѣ не узнавали родные и знакомые.

Но честь и угодничество окружали Потоцкаго не только въ его квартирѣ, трапезѣ, прогулкахъ,—онѣ проникали—и можно сказать—царили и за порогомъ храма Божія. Сѣдалище Потоцкаго годилось бы для любаго трона царскаго; на хорахъ игрались любимыя его аріи; его имя, съ безконечною титуляціей, провозглашалось чуть не на всякой эктеніи и—само собой—на „великомъ выходѣ;" къ нему подносили для лобзанія св. евангеліе при маломъ выходѣ; на его голову ставилъ чашу предстоятель, произнося его титулъ въ концѣ великаго выхода и литургіи; молитвенникъ его (даръ лавры) лежалъ на бархатной балюстрадѣ его трона, залитый въ золото и брильянты; ему кадитъ бывало діаконъ трижды, чуть не подъ носъ, съ низкими поклонами, а Староста хоть бы головой кивнулъ; по окончаніи обѣдни ему подноситъ для лобзанія самъ *opat* (архимандритъ—настоятель) чудотворную икону Божіей Матери почаевской; ему воздавалось — однимъ словомъ— въ домѣ Божіемъ чуть не божеское поклоненіе.

Если вы, читатель, думаете, что при такомъ ухаживаньи за Потоцкимъ, для его капризовъ не было пищи и поводовъ, — то вы слишкомъ мало знакомы съ польскими магнатами вообще и съ Потоцкимъ въ частности. Не таковъ былъ панъ фундаторъ чтобъ ему можно было угодить всегда и во всемъ, чтобы онъ не нашелъ къ чему придраться, разсвирѣпѣть! Довольно было одного неосторожнаго слова, неловкаго движенія, лишняго градуса теплоты или холода въ его помѣщеніи, довольно было одного фальшиваго тона на органахъ, довольно было опоздать кому либо, въ какомъ бы то ни было случаѣ, тремя минутами, довольно было Потоцкому найдти муху въ тарелкѣ съ супомъ, быть ужалену пчелой (*фасти*) на *блиху* [1]), чтобы бѣжать изъ лавры. И базиліане понимали взрывъ его гнѣва. Лишь только крикнетъ онъ *koni!* (лошадей!),—все вокругъ онѣмѣетъ, старшій изъ братій отвѣтитъ: «wraz iaśnie oświecony grabie» (сейчасъ, ваше сіятельство), чуть не толкаетъ въ шею посылаемаго за лошадьми Потоцкаго, посланный бѣжитъ что есть мочи на конюшню, и

1) Свѣчной заводъ,—при которомъ раскинутъ и пчельной заводъ въ большомъ размѣрѣ. Мѣстность этого завода невыразимо очаровательна. Потоцкій часто любилъ гулять тамъ и услаждаться старымъ медомъ.

экипажъ фундатора чрезъ четверть часа стоитъ уже у подъѣзда. Пока онъ пріѣдетъ, все безмольствуетъ, только Потоцкій бушуетъ, клянетъ все и всѣхъ, тармозитъ прислугу торопя сборами въ дорогу; *оселедець* Ондрія поминутно подвергается опасности быть оторваннымъ съ кожей. Возражать Потоцкому—значило подвергаться физической непріятности, даже объяснятъся, умаливать—было бы тоже, что тушить огонь стоградуснымъ спиртомъ или бросить въ него бочку пороху. Вотъ мрачный, какъ туча, Потоцкій уложенъ въ экипажъ Ондріемъ; *до доти!* (домой!), крикнетъ сердито панъ, и лошади тронутся. Между тѣмъ братія уже расположилась шпалерами по обѣ стороны спуска съ крутой довольно покатости, на которой устроены святыя ворота и чутъ не до земли кланяется медленно-спускающемуся съ холма фундатору: за святыми воротами фундаторъ получаетъ такое же поклоненіе отъ ксендза *opata* и старшей братіи; Потоцкій на нихъ и не смотритъ; иначе фацеція будетъ безъ финала, а капризъ безъ выдержки. Но если Каневскій крикнетъ: do domu; братья почаевская нисколько не унываетъ: она увѣрена, что чрезъ нѣсколько дней, рѣдко недѣлю, фундаторскій гнѣвъ улетучится; старый капризникъ и сибаритъ начнетъ скучать за привольнымъ житьемъ почаевскимъ, за любезностью и подобострастіемъ тамошней братіи и воротится назадъ. Но братія знаетъ и то, что иниціатива примиренія должна исходить изъ лавры; она на столько знакома съ практическою психологіей вообще и душею пана фундатора въ частности, что употребитъ всѣ іезуитскія уловки для скорѣйшаго превращенія гнѣва фундаторскаго въ милость. Сперва отправляется къ разгнѣванному пану, съ самымъ ловкимъ изъ братій, одно изъ тѣхъ ловкихъ писемъ, которымъ трудно найдти соперника, и въ которомъ, съ неподражаемымъ искуствомъ, объяснена громадность несчастія, случившагося съ фундаторомъ въ Почаевѣ, невинность и безутѣшная скорбь всей братіи, сиротство безъ фундатора всей обители; за сравненіями, примѣрами, текстами, ловко-пригнанными къ обстоятельствамъ и направленными *ad captandam benevolentiam* [1]), дѣло не станетъ. Но посланный не посуется къ Потоцкому съ этимъ письмовъ самъ, сейчасъ послѣ пріѣзда. Зная всѣ выходы въ домѣ Потоцкаго, онъ пріѣдетъ—

1) *„Для пріобрѣтенія благосклонности слушателей“* такъ называется у древнихъ риторовъ особый аргументъ, способствовавшій достиженію этой цѣли.

бывало поздо-вечеромъ, безъ шуму, и остановится у пріятеля-эконома или другаго оффиціалиста и живетъ тамъ два—три дня инкогнито для Потоцкаго, да выжидаетъ благопріятнаго момента для удачнаго исполненія своей миссіи. Вся дворня Потоцкаго, конечно, на сторонѣ почаевской братіи, потому что она получаетъ отъ лавры сообразное съ своимъ постомъ и значеніемъ жалованье, тогда какъ отъ своего пана ей вчастую приходится получить подарки въ иномъ совершенно родѣ. Вотъ Андрей, или панъ (кажется) Францишекъ, любимый камердинеръ Потоцкаго, уловилъ минуту веселаго настроенія души своего повелителя; онъ смекнулъ объ этомъ потому, что къ пану пріѣзжалъ гонецъ отъ короля съ какимъ-то сюрпризомъ, что послѣ того старый Потоцкій сдѣлался со всѣми очень ласковъ: шутилъ съ служащими, дѣлалъ имъ подарки, поилъ водкой низшую прислугу. Подойдетъ бывало въ одну изъ такихъ счастливыхъ минутъ одѣвать или раздѣвать панъ Францишекъ, а панъ и отпуститъ какую либо остроту на счетъ его наружности, дворскихъ сплетень и проч., а Францишекъ вздохнетъ глубоко и прибавитъ:

— Хорошо пану шутить!... а братья почаевскіе плачутъ...

— А ты почемъ знаешь, что они плачутъ,—спроситъ торопливо Потоцкій.

— Да вотъ уже третій день сидитъ въ *офицыни* (служба), у эконома ксендзъ *Bazyli* (Василій): привезъ *list* (письмо) отъ братіи, да не смѣетъ утруждать ваше сіятельство. Поморщится иногда бывало Потоцкій, а все таки скажетъ:

— Ну, пусть придетъ.

Ксендзу Базили этого только и нужно: онъ одинъ изъ фаворитовъ фундатора, одинъ изъ изобрѣтательнѣйшихъ анекдотистовъ—каламбуристовъ, неутомимѣйшихъ собесѣдниковъ, самыхъ находчивыхъ *ловкачей*, словомъ—мастеръ на всѣ руки; онъ же, во время пребыванія Каневскаго въ Почаевѣ, состоялъ при немъ чѣмъ-то въ родѣ адъютанта, компаньона, или чиновника особыхъ порученій. Потому—то онъ и выбранъ въ медіаторы между разгнѣваннымъ фундаторомъ и „плачущими" базиліанами.

Ксендзъ Базыли отправляется въ *палацъ*. Потоцкій украдкой и съ улыбкой высматриваетъ сквозь окно приближеніе своего фаворита; ксендзъ знаетъ, что на него смотритъ фундаторъ. Базыли рожденъ для того, чтобъ быть первокласнымъ комикомъ; но онъ не понялъ своего назначенія и закопалъ свой та-

лантъ въ рясу. Впрочемъ ксендзъ Базыли умѣлъ примѣнять его къ дѣлу если не на сценѣ театральной, то на сценѣ житейской, а извѣстно, что первая есть только блѣдное подражаніе послѣдней.— Входитъ ксендзъ Базыли... Я не описываю его походки, выраженія физіономіи, его поклона, интонаціи его голоса, краснорѣчія ґлазъ, позъ,—все это разучено до конца, все это доведено до степени неподражаемости, все это неописанно... Посланникъ не начинаетъ ґоворить первый. Сдѣлавъ поясной, очень протяжный поклонъ фундатору и сказавъ обычное: niech będzie pochwalony Jezus Christus, ксендзъ Базыли остановится смиренно возлѣ самаго порога и пускаетъ въ ходъ одно краснорѣчіе глазъ, въ которомъ слышится или точнѣе видится и печаль, и мольба, и нѣмая покорность и боязливое сомнѣніе насчетъ рѣшенія участи почаевской лавры.— Потоцкій встрѣчаетъ базиліанина притворно суровымъ взглядомъ; ему хочется продолжить свою фацецію; но ему ли соперничать съ ксендзомъ Базыли; онъ невольно забываетъ свою роль въ виду игры перворазряднаго артиста, и ласково, иногда даже съ улыбкой, спрашиваетъ:

—А что тамъ слышно хорошаго въ Почаевѣ, въ лаврѣ?

—Ничего неслышно *хорошаго*, ваше сіятельство; слышны только стоны и вопли сиротствующей почаевской братіи, видны только изможденныя отъ поста и безсонницы лица блуждающихъ овецъ безъ пастыря, да неустанныя мольбы къ Матери Божіей о преклоненіи на милость сердца вашего сіятельства къ невинно — страждущей обители. Солнце почаевское скрылось *спада,* и надъ Почаевомъ и его обителью тьма и горе... Если бы угодно было вашему сіятельству выслушать изліяніе скорбныхъ чувствъ почаевской братіи, выраженное въ посланіи ея къ вашему сіятельству, — на прочтеніе или передачу котораго я ожидаю съ замираніемъ сердца разрѣшенія вашего сіятельства,—ваше сіятельство убѣдились бы, что я слишкомъ неискусный истолкователь подлинныхъ чувствъ почаевской братіи, слишкомъ бездарный живописецъ картины бѣдствій, гнетущихъ злополучную обитель ...

—Ну—ладно; пусть ксендзъ садится и читаетъ.

—Я осмѣливаюсь исполнить пока только послѣднюю часть приказанія вашего сіятельства, отвѣчаетъ съ поклономъ ксендзъ Бызили, добываетъ изъ кармана *габита* (ряса), завернутое въ бѣлый атласъ, перевязанное накрестъ шелковымъ зеленымъ шнур-

комъ, посланіе къ Потоцкому почаевской лавры — и начинаетъ читать *стоя*,—и какъ читать!... Простите, читатель, если я скажу, что такъ не прочитать ни мнѣ, ни вамъ, ни кому бы то ни было на свѣтѣ!... Отецъ Базыли перечитывалъ и декламировалъ это письмо въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ — самъ, потомъ читалъ его много разъ въ засѣданіи всей образованнѣйшей братіи почаевской, всякій разъ исправлялъ погрѣшности мимики, интонаціи и декламаціи, согласно критическимъ замѣчаніямъ слушателей, и наконецъ достигъ въ этой профессіи donec plus ultra совершенства.

Чтеніе геніальнаго оратора оставляло глубокіе слѣды въ душѣ и физіономіи слушателя. Послѣдній мимовольно увлекся деклажаціей перваго. Всякая фраза посланія попадала въ самый центръ той мишени, въ которую была направлена. Однажды на глазахъ слушателя ораторъ подмѣтилъ украдкой что-то въ родѣ слезы, до слуха его долетѣло что-то въ родѣ вздоха. Подвижная натура Потоцкаго безотчетно поддалась сторонней силѣ... Ксендзъ Базыли умолкъ, снова сдѣлалъ низкій, граціозный поклонъ и сѣлъ на первомъ отъ порога стулѣ.

Потоцкій, все еще находившійся подъ обаяніемъ краснорѣчія и декламаціи ксендза Базыли, словно паціентъ подъ могучимъ взоромъ сильнаго магнитизера, одну — другую минуту не замѣчалъ своего гостя... Потомъ, какъ бы пробудившись отъ сна,—торопливо взглянулъ на базиліанина, подумалъ нѣсколько секундъ и сказалъ:

— Хорошо! можетъ быть я тамъ когда либо и заверну къ вамъ. А пока что будетъ, пусть ксендзъ приходитъ ко мнѣ часа въ два на obiadek.

Ксендзъ Базыли встаетъ, не говаря ни слова, отпускаетъ свой затверженный поклонъ и тихо, плавно исчезаетъ за дверью... Въ назначенное время посолъ почаевской лавры является къ обѣду; сначала ведетъ себя степенно, поддерживаетъ бесѣду осторожно, обдуманно;—а потомъ, когда древній маслачъ и медъ начнутъ замѣтно дѣйствовать на ясновельможные мозги хозяина, его гостей и *печеняржей*, — ксендзъ Базыли выступаетъ на сцену съ своимъ амплуа, въ которомъ нѣтъ ему соперниковъ и очаровываетъ неисчерпаемостью своею остроумія, своей анекдотистики и находчивости всѣхъ вообще и каждаго порознь. Но онъ крѣпко лукавитъ съ своею рюмкой и своимъ стаканомъ: не смотря на понуканья и упрашиванья сосѣдей по столу, а из-

рѣдка и самаго хозяина, онъ пьетъ очень мало, хотя въ дружеской компаніи базиліанъ, любившихъ поѣсть и попить по лукулловски, онъ былъ однимъ изъ первыхъ собутыльниковъ... Онъ зналъ, что для него необходимѣе теперь, чѣмъ когда либо, свѣжій умъ и полное самообладаніе...

Дополнивъ—въ эпоху пребыванія у Потоцкаго коллекцію прежнихъ свѣденій о его капризахъ, прихотяхъ и привычкахъ новыми экземплярами, — ксендзъ Базыли возвращается въ обитель и репортуетъ ксендзу опату о благополучномъ результатѣ своей миссіи.—Хотя Потоцкій сказалъ ксендзу Базыли: „можетъ быть тамъ когда нибудь я и заверну къ вамъ, но базиліане знали, что онъ пріѣдетъ въ лавру на другой, или на третій день послѣ возврата ксендза Базыли. Поэтому ксендзъ опатъ тотчасъ же дѣлаетъ распоряженіе, чтобы завтра снаряжены были два гонца, на лучшихъ верховыхъ лошадяхъ, одинъ въ Дунаевъ, а другой Подбережцы [1]), и лишь только завидятъ поѣздъ пана фундатора, опрометью скакали въ Почаевъ. Между тѣмъ стоявшій на какой-нибудь возвышенности послушникъ, завидѣвъ скачущаго гонца давалъ знать о томъ братіи посредствомъ 10—фунтоваго, рѣзкаго колокольчика. Братія была на готовѣ: она торопливо надѣвала эпитрахили и ризы и, въ главѣ ксендза опата, установливалась шпалерами съ внѣшней стороны святыхъ воротъ... Вотъ валитъ поѣздъ пана фундатора; за нимъ три — четыре фургона съ ею пожитками и дворней... Завидѣвъ духовенство, фундаторъ приказываетъ возницѣ остановиться, его выносятъ изъ кареты, его встрѣчаетъ ксендзъ опатъ краткою и льстивою рѣчью, подноситъ для лобзанія крестъ, окропляетъ святою водою и съ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ [2]) провожаютъ въ церковь, а потомъ, послѣ краткой литіи съ многолѣтіемъ и подносенія иконы Божіей Матери для лобзанія,— провожаютъ дорогаго гостя въ его покои, воздвигнутые на такомъ крутомъ косогорѣ [3]), что со стороны Галиціи домъ имѣетъ 4 этажа, а со стороны лавры только одинъ.

1) Смотря потому по какой дорогѣ поѣдетъ каневскій: чрезъ Кременецъ или чрезъ Дубно.

2) Колокольный звонъ начинается еще тогда, когда Каневскій былъ въ трехъ верстахъ отъ Почаева и прекращенъ только на время,—при чтеніи рѣчи.

3) Церковь построена на такомъ же косогорѣ... Архитекторъ видитъ игралъ трудностями, противопоставляемыми его работѣ природой.

Дивный ландшафтъ открывается изъ оконъ этого волшебнаго дома на Галицію! Оттого на его окнахъ стояли лучшія въ то время зрительныя трубы, сбереженныя и стоящія на прежнихъ мѣстахъ и доселѣ.

По водвореніи Потоцкаго на новосельи, начинался прежній рядъ ухаживаній, лести, подобострастія, сюрпризовъ... Но Потоцкій былъ похожъ но тотъ раздражительный вередъ, къ которому какое бы вы ни сдѣлали нѣжное, эластичное прикосновеніе, онъ дастъ его почувствовать острою болью во всемъ организмѣ, или тому, свернутому клубкомъ, ежику, котораго съ какой стороны ни берите рукою, непремѣнно уколетесь. Капризный панъ фундаторъ рѣдко уживался въ Почаевѣ долѣе двухъ — трехъ мѣсяцевъ; того и смотри, что крикнетъ неистово: *koni!* и тогда пошли въ ходъ новые *листы*, новыя посольства. Случилось и такъ, что самъ ксендзъ Базыли возвратился въ лавру съ печальною вѣстію, что панъ фундаторъ не принялъ ни его, ни листа отъ лавры и, при первомъ намекѣ Ондрія или Францишка на пребываніе въ дворѣ ксендза Базыли, разбранитъ страшно и того и другаго, и ксендза и Почаевъ. Тогда начинается особаго рода тактика возврата благоволенія Потоцкаго. Базиліанамъ даютъ знать о какомъ нибудь радостномъ событіи въ жизни Каневскаго—семейной или общественной, и они посылаютъ къ нему чрезъ обыкновеннаго гонца привѣтъ написанный такъ ловко, что онъ тронулъ бы и мертваго. Если это не поможетъ, то, дождавшись какого либо важнаго праздника, самъ настоятель, съ важнѣйшею изъ братій, отправляются къ нему съ *powinszowaniem* (поздравленіемъ) и, исполнивъ свой „obowiązek,“ какъ они выражались, возвращаются на квартиру, будучи, впрочемъ увѣрены, что чрезъ нѣсколько минутъ панъ фундаторъ пригласитъ ихъ чрезъ Францишка на obiadek, послѣ котораго послѣдуетъ мировая и поворотъ дышла пана Потоцкаго въ Почаевъ. Послѣ обѣда на новый годъ, или пасху, подадутъ—бывало свѣжихъ сливъ или вишенъ; Потоцкій спроситъ въ удивленіи: откуда это? а ксендзъ опатъ только привстанетъ, поклонится и скажетъ: кушайте ваше сіятельство, на здоровье ничтожный даръ нижайшихъ вашихъ рабовъ братій почаевскихъ. Ну какъ, въ самомъ дѣлѣ, устоять противъ такихъ любезностей, вниманія и сюрпризовъ. По неволѣ скажешь послѣ рѣдкаго обѣда и необыкновеннаго десерта.

— Можетъ быть я тамъ когда нибудь и заверну къ вамъ.

А все—таки, когда я думаю объ этихъ фокусъ—покусахъ, я

не знаю, кому болѣе удивляться: близорукости ли пана фундатора, или ловкости отцевъ базиліанъ? Едвали Потоцкій былъ такъ простъ, чтобъ объяснялъ ухаживанье за нимъ почаевскихъ братій особенной любовью къ его капризной личности, или просто любовью къ искуству. Онъ долженъ бы догадаться, что всѣ эти угодничества, все это идолослуженіе предъ нимъ księży bazylianów есть маска, удачное выполненіе роли; что они влюблены только въ его богатство, что они трудятся изъ желанія отмежевать видную для себя статейку въ его духовномъ завѣщаніи. Но панъ фундаторъ, кажется, не видѣлъ этого. Братья почаевская умѣла быть такою неподражаемою въ искуствѣ выполнять свою роль, что зритель забывался и думалъ, что видитъ настоящую природу,—а особенно, если этотъ зритель до того любилъ раболѣпство и лесть, такъ сильно угорялъ отъ ея куренія, что считалъ подобострастіе почаевскихъ патеровъ законною данью ею величію, заслугамъ, — признательностью благодарныхъ сердецъ. А любилъ панъ фундаторъ лесть не меньше жида.—Вообще приходится удивляться вмѣстѣ и близорукости пана Каневскаго и ловкости почаевскихъ братій.

Такъ дѣла шли, когда панъ фундаторъ, усѣвшись въ поѣздъ, крикнетъ: „do domu!“ А если онъ крикнетъ: „w Podkamienie!“ тогда примиреніе шло туже? Это отъ того, что тамошніе базиліане ревниво сторожили своего гостя отъ вторженія къ нему почаевскихъ соперниковъ и также крѣпко ухаживали за iaśnie oświeconym, хоть и уступали въ ловкости, развитости и роскоши гостепріимства базиліанамъ почаевскимъ. Оставалось дѣйствовать чрезъ какого нибудь ловкаго фактора Ицку, дрессировать исключительнымъ образомъ Ондрія и Францишка, или наткнуться украдкой на глаза фундатора въ костелѣ, во время мши, куда, конечно, базиліане подкаменскіе не запретятъ же войдти и собрату почаевскому, еслибъ имъ удалось его замѣтить. Для выполненія всѣхъ этихъ ролей, выбирался тоже чаще другихъ старый нашъ знакомый ксендзъ Базыли. Стоитъ себѣ смиренно гдѣ нибудь въ уголку миссіонеръ почаевскій и молится Богу и будто не смотритъ на Потоцкаго, а между тѣмъ искоса слѣдитъ за всякимъ его движеніемъ. Вотъ панъ фундаторъ повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ молится смиренный Базыли — замѣтилъ его; въ душѣ послѣдняго блеснула надежда. Вотъ выходятъ изъ церкви, ксендзъ Базыли остановливается возлѣ порога и отвѣшиваетъ поклонъ Потоцкому; а панъ Потоцкій проходитъ, надувшись какъ индюкъ, будто не замѣчая

своего фаворита. Братья подкаменская торжествуетъ, но ксендзъ Базыли не унываетъ; онъ видитъ дальше, онъ геніальный и неутомимѣе подкаменцевъ: онъ придетъ въ костелъ пять—десять разъ, въ полной увѣренности, что Каневскій уже будетъ посматривать въ его уголъ, а между тѣмъ будетъ вести и рекогносцировку и канонаду чрезъ фактора Потоцкаго Ицку, Франциска и Ондрія и таки добьется того, что панъ фундаторъ обратится къ стоящему у дверей костела ксендзу и скажетъ: „пусть ксендзъ Базыли вступитъ ко мнѣ на минуточку.“ Что тамъ слышно въ Почаевѣ? спроситъ Каневскій; ксендзъ Базыли въ карманъ за отвѣтомъ не полѣзетъ, панъ фундаторъ уже соскучился въ Подкаменьи; плавающая въ небѣ лавра почаевская уже давно манитъ къ себѣ ею взоры и сердце; онъ придерется къ чему либо, хоть бы, напр., къ нечаянно — брызнувшему при выходѣ изъ костела, дожжику, и крикнетъ: „koni“!, а потомъ, усѣвшись въ карету: „въ Почаевъ“! и, нерѣдко въ сообществѣ ксендза Базыли, является въ почаевской лаврѣ. А почаевская братія уже сторожитъ его на галлереѣ возлѣ церкви, съ которой открывается кругозоръ верстъ въ пятдесятъ на лѣса и равнины Галиціи. Братіи помогаетъ зрительная трубка, и вотъ они снова выстроились шпалерами за святыми воротами, и проч., и проч.

Такая упорная борьба — безъ выстрѣла за пана фундатора длилась лѣтъ пять между монастыремъ почаевскимъ и подкаменскимъ. Первый, какъ и можно было предвидѣть, побѣдилъ. Панъ фундаторъ прожилъ остатокъ дней своихъ въ Почаевѣ, тамъ умеръ и сложилъ кости — или точнѣе — набальзамированный свой трупъ въ особо устроенномъ подъ поломъ, съ лѣвой стороны церкви, покоѣ. Къ нему вела подземная дверь. Базиліане держали вчастую дверь эту открытою, любопытные заходили въ послѣднюю опочивальню грознаго при жизни старосты Каневскаго, а простолюдины, приходившіе на богомолье, въ простотѣ сердца прикладывались къ краснымъ сапогамъ Потоцкаго и клали гроши у его роскошной гробоницы, считая его, конечно, за мощи какого-нибудь святаго. Въ это искушеніе вводило народъ нетлѣніе трупа, открытое его положеніе во гробѣ, неугасаемая у гроба лампада. А отцамъ базиліанамъ это и на руку; кажется, они и не заботились выводить народъ изъ заблужденія. Теперь опочивальня Потоцкаго задѣлана.

(*Окончаніе впредь*).

ИЗЪ ДНЕВНИКА АРМЕЙСКАГО ОФИЦЕРА.

16-го августа 1863 года. Вечеръ хорошъ; на небѣ ни облачка; солнце начинаетъ какъ будто скорѣе опускаться, и скоро скроется за горизонтъ. Пастухи и пастушки гонятъ уже стада свои домой; птички еще поютъ, но скоро и смолкнутъ. Тишина. Не видно малѣйшаго колебанья листьевъ — природа готовится на отдыхъ. И достоинъ тотъ презрѣнія, кто бы осмѣлился нарушить эту дивную гармонію природы.

Въ этотъ чудный вечеръ, мы собрались къ капитану З. Собраніе состояло изъ трехъ особъ: кап. З., шт. кап. Р. и подпоручика, ведущаго дневникъ. Это было на станціи варш.-вѣнс.-желѣзной дороги Кл—цы.

За стаканами чаю, конечно, было не безъ разговора. Такъ-какъ это было въ періодъ революціи въ Царствѣ Польскомъ, если только можно назвать мятежъ—революціею, то и мы также, не отставая отъ прочихъ смертныхъ и слѣдуя общему настройству умовъ, разговорились о ней, т. е. о революціи. Въ разговорѣ много было говорено и высказано—правды и лжи. Всякъ разсуждалъ по своему, каждый имѣлъ свой взглядъ на вещи.

— Что, если бы теперь нагрянула на насъ рухавка, сказалъ Р.—приблизительно тысячи въ двѣ? вотъ бы кукали! *) Мосты, въ обѣ стороны отъ нашей станціи по желѣзной дорогѣ,—сожжены, помощи скорой—не откуда ждать. Чортъ возьми!

— Вздоръ, пустое! кой чортъ ихъ сюда занесетъ?!—сказалъ капитанъ З.

— Ну, а если? спросили мы.

— Конечно, будемъ обороняться! сказалъ капитанъ З.—Казаковъ, которыхъ у меня десять человѣкъ, пошлю въ обѣ стороны по пяти, съ извѣстіемъ о нападеніи и помощи; а сами, до прибытія будемъ держаться. Вѣдь станція наша—лучше другаго укрѣпленія!

И дѣйствительно! Сравнительно....

Налили по другому стакану чаю.

Смотримъ въ окно,—на дворѣ суета. Одинъ солдатъ пристегиваетъ портупею, другой надѣваетъ патронташъ, третій при-

*) Рукавка—банда мятежниковъ; кукали—что-то въ родѣ опаснаго положенія. У насъ эти слова постоянно употреблялись.

мыкаетъ штыкъ, четвертый, запоздалый, бѣжитъ, что есть мочи... Общая суматоха.

Такое неожиданное и не обыкновенное движенiе поразило насъ, и Р. крикнулъ: рухавка!

Мы бросились изъ комнаты на дворъ, узнать, что такое? Но въ дверяхъ встрѣтился дежурный унтеръ-офицеръ.

— Ваше благородiе! крикнулъ задыхавшiйся дежурный, — мятежники! Сей часъ казакъ далъ знать.

— Гдѣ? далеко?

— Тутъ, за лѣсомъ,... четверть версты!

— Барабанщикъ, тревогу! крикнулъ З.

Пока мы взяли сабли и пистолеты, — рота была готова.

— На право! бѣгомъ, маршъ! скомандовалъ кап. З.

И побѣжали въ ту сторону, куда указалъ казакъ. Чуть была не ушла въ дѣло вся рота, и на станцiи никого бы не осталось, а гдѣ, между прочимъ, оставались ранцы, запасныя винтовки и другiя принадлежности. Отдѣливъ на бѣгу 20 человѣкъ, я возвратился обратно на станцiю и сдѣлалъ распоряженiе, какимъ числомъ людей и какое строенiе должно быть занято. Между тѣмъ, за лѣсомъ началась частая ружейная пальба: пѣхота открыла огонь..

При передачѣ мною нужныхъ приказанiй, дежурный унтеръ-офицеръ въ свою очередь прибавилъ: Да смотри, ребята, ни подъ какимъ видомъ не сдаваться въ плѣнъ! знайте, что это—мятежники, а не какiя нибудь другiя войска.

— Слушаемъ-съ, Дементiй Спиридоновичъ, этого-съ не будетъ; въ грязь лицомъ не ударимъ, себя не посрамимъ—отвѣтили солдаты. И дѣйствительно, солдаты давно ждали момента, чтобъ испытать свои силы съ врагомъ края, который уже нѣсколько мѣсяцевъ скитался по лѣсамъ. На ихъ долю это досталась первая битва.

На станцiи была лихорадочная дрожь: всѣ были поражены неожиданностiю и близостiю инсургентовъ. Мужчины, собравшись въ кружокъ, рѣшали вопросъ: не ужели повстанцы попытаются напасть на станцiю? Отвѣты были различны: и да, и нѣтъ. Трудно было, впрочемъ, предполагать, чтобъ инсургенты рѣшились на такую дерзость. Дамы съ дѣтьми собрались въ квартиру смотрителя станцiи. Блѣдныя, въ лихорадочномъ отъ испуга состоянiи, онѣ едва могли говорить, спрашивая меня:

„что имъ дѣлать?“ Я предложилъ имъ уйдти въ домъ, который не будетъ занятъ войсками, но предложеніе мое не было принято. Жена буфетчика, услышавъ первые выстрѣлы, до того испугалась, что обнявъ своего шестилѣтняго сына и прижавъ его къ груди, стояла въ оцѣпененіи: и плакала она, и хохотала.

Но гулъ выстрѣловъ постепенно началъ отдаляться, что и дало поводъ предположить, что инсургенты отступаютъ: этимъ только едва и успокоились семейства чиновниковъ.

— Боже! что эти съумашедшіе дѣлаютъ?! Будь вы прокляты! — воскликнула одна дама, прійдя въ себя.

— Ваше благородіе! сказалъ прибѣжавшій солдатъ: — привезли раненнаго офицера; капитанъ приказалъ положить въ свою комнату.

Мгновенно,—чувство грусти овладѣло мною. Я поспѣшилъ къ раненнему. Это былъ сотникъ войска донскаго, — съ которымъ, наканунѣ, мы разговаривали о томъ, гдѣ бы встрѣтить банду и разбить. Самыя тяжелыя мысли заняли мою голову; онъ былъ женатъ, имѣлъ двухъ малютокъ дѣтей, которыя къ нему пріѣхали изъ родины — земли войска-донскаго; вѣроятно, онъ думалъ на долго остаться въ Царствѣ Польскомъ, — увы! остался на-всегда. Сотникъ сидѣлъ на лошади, которую велъ солдатъ; онъ издавалъ, какъ бы предсмертные стоны, и просилъ снимать его съ лошади полегче.

— Дайте мнѣ лечь отдохнуть, едва проговорилъ онъ.

Я поспѣшилъ въ квартиру, чтобы приготовить постель. Дверь заперта; вѣстовой, находившійся при кап. З. заперъ дверь, взялъ съ собою ключь и ушелъ вмѣстѣ съ ротой въ бой. Дверь выломали. Раненаго раздѣли. Послали за ротнымъ фельдшеромъ; онъ осмотрѣлъ рану, но ничего не могъ сказать о ней, потому что мало смыслилъ. Сотникъ былъ раненъ въ правую сторону груди, пуля осталась внутри: рана смертельная.

— Дайте воды, меня жжетъ внутри! сказалъ слабымъ голосомъ раненый.

Принесли воды,—напоили. Онъ поднялъ голову и грустно посмотрѣлъ; хотѣлъ что-то сказать, но не могъ. Сердце мое сжалось—я вышелъ. Одна изъ дамъ, бывшая при этомъ, заплакала, но не оставила раненаго и была при немъ еще съ-полчаса.

Но, вотъ, рота возвращается. Солдаты веселы; идутъ бодро, скоро, забывъ всякую усталость. Шумъ, говоръ, хохотъ. Ни одной физіономіи не видно съ грустнымъ выраженіемъ. Одинъ,

поднявъ руку вверхъ и сжавъ кулакъ,—выражаетъ этимъ свою злобу къ мятежникамъ; другой показываетъ ружьемъ какъ онъ цѣлился и повалилъ инсургента; третій, взявъ ружье на руку, какъ видно, желалъ бы поиспытать съ противникомъ бой въ штыки. Всѣ воодушевлены, общее удовольствіе.

Странно, иногда, подумаешь,—человѣкъ доволенъ и восторгается тѣмъ, что убилъ такаго же человѣка!

— Ну что хорошаго? спросилъ я перваго попавшагося солдата.

— Ускакали, какъ только мы стрѣлять начали.

— И много ихъ было?

— Порядкомъ! Да все конница, въ красныхъ рогатыхъ шапкахъ.

— У насъ потери нѣтъ?

— Какая, ваше благородіе, потеря! Да развѣ они умѣютъ стрѣлять?

— А ихъ положили сколько нибудь?

— Человѣкъ съ-двадцать—вѣрно будетъ! Больше нельзя было: такую тягу задали, какъ только наши открыли огонь, что давай Богъ ноги! А пыль такая по полю поднялась, что и ихъ не было видно.

— Я тоже уложилъ одного, сказалъ солдатъ.

— А я, такъ двухъ, подхватилъ другой.

Молодцы!

Кап. З. и шт. кап. Р. возвращались изъ боя, или вѣрнѣе, изъ перестрѣлки, живы и здоровы. Съ ними шли—войсковой старшина К., съ завязанною платкомъ щекою—раненый, и гв. арт. капитанъ де-В.

Общее начальство на станціи принялъ де-В. Посланы телеграммы о случившемся и о высылкѣ отрядовъ для преслѣдованія. Цѣпь усилена и приняты всѣ мѣры предосторожности противъ нападенія. Рота не спитъ; ждемъ утра. Утромъ предполагается: осмотрѣть поле битвы и найти казака, безъ вѣсти пропавшаго. Изъ казаковъ, ранены офицеръ и 9 рядовыхъ. Одни предполагали на завтра бой, другіе, что инсургенты отступили.

Подошедши къ одной дамѣ, я объявилъ ей, что завтра мы выступаемъ противъ повстанцевъ.

— Пусть васъ Богъ хранитъ отъ этого! Какъ можно идти: тамъ двѣ тысячи—это отдѣлъ Тачановскаго! Сегодня была только малая часть въ дѣлѣ. Прошу только изъ нашихъ никому не говорить о томъ, что я вамъ сообщила.

Такое открытіе—къ свѣденію, и я сообщилъ его кап. де-В. Послана вторая телеграма, — чтобъ отряды были высланы сильнѣе.

Получено извѣстіе отъ казачьихъ разъѣздовъ, которые узнали отъ крестьянъ, что авангардъ инсургентовъ ночуетъ въ верстѣ отъ станціи. Передовые наши секреты слышали разговоръ на пикетахъ противника. Завтра—бой. (*Варш. Дн.*)

Мое участіе въ повстаньи.

Уже давно кончилось повстанье и, однакожъ, такъ называемые патріоты не перестаютъ кричать, обольщать и обманывать народъ. Не перестаютъ, повторяю, ибо выкидыши общества, какъ: Мѣрославскій, Кужина и комп., хотя и ссорятся между собою — всѣми силами, однакожь домогаются денегъ изъ края, обѣщая возвратить Польшѣ очень обширныя границы,- отъ моря до моря

Когда, въ настоящее время, открывъ глаза, мы удивляемся самимъ себѣ, что были такъ легковѣрны и позволили втянуть насъ въ ловушку шайки негодяевъ, которые вытаскивали у насъ изъ кармана послѣдній грошъ,—не лишнимъ будетъ, если я представлю вамъ, почтенные читатели, мою исповѣдь, подъ названіемъ: „Мое участіе въ повстаньи", изъ которой узнаете, что авторъ ея служилъ когда-то въ рядахъ побѣдоносныхъ защитниковъ отчизны и единственно по интригамъ не попалъ въ министры или, покрайней мѣрѣ, въ генералы, а можетъ быть, и въ диктаторы. Не думайте однакожъ, чтобы я подтвердилъ вамъ извѣстія революціонныхъ изданій о томъ, будто бы, при каждой встрѣчѣ съ москалями, мы дрались—какъ спартанцы, убивая непріятелей и забирая ихъ въ плѣнъ сотнями. Нѣтъ,— этого я вамъ не скажу, ибо совралъ бы страшно, а я хочу жить правдой и задалъ себѣ задачу—сорвать маску съ такъ называемыхъ патріотовъ и особенно патріотокъ. Теперь,—къ дѣлу!

Во время первыхъ манифестацій варшавскихъ, я жилъ въ Конинѣ и, какъ одаренный высокимъ понятіемъ о патріотизмѣ, первый началъ носить трауръ; но такъ какъ въ скоромъ времени это показалось мнѣ недостаточнымъ, я велѣлъ въ магазинѣ у госпожъ Людвицкихъ сдѣлать кокарду изъ двухлоктевой черной ленты, обшитой по краямъ бѣлой тесемкой, которую затѣмъ пришилъ на лѣвое плечо и, такъ одѣтый въ

трауръ, ходилъ цѣлый день по городу, обращая на себя всеобщее вниманіе. Каждый день, подъ вечеръ, я ходилъ въ костелъ реформатовъ и тамъ какъ можно громче пѣлъ: Boże coś Polskę; Z dymem pożarów и т. п. гимны. Я убѣжденъ, что голосъ мой очень похожъ на мычаніе коровы, возвращающейся съ поля и, иногда, на сигналъ поѣзда, подходящаго къ станціи а, однакожъ, меня прекрасный полъ провозгласилъ лучшимъ пѣвцемъ и потому и ревностнѣйшимъ патріотомъ. Въ продолженіи нѣкотораго времени, я дѣйствительно былъ въ модѣ у прекраснаго пола. Слава моя, или, вѣрнѣе, слава моихъ патріотическихъ подвиговъ скоро разнеслась по окрестностямъ, ибо даже изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ пріѣзжали учиться у меня, во-первыхъ, главнѣйшимъ правиламъ при исполненіи кошачьей музыки, и, во-вторыхъ, мелодіямъ въ революціонныхъ гимнахъ. Всѣми этими свѣдѣніями я надѣлялъ кого изустно, кого при посредствѣ корреспонденцій. Въ это время перевели меня въ должность въ маленькое мѣстечко, гдѣ меня уже опередила слава величайшаго патріота. Вскорѣ затѣмъ, я былъ опять повышенъ и едва прибылъ на мѣсто—вспыхнуло повстанье.

Я очутился въ весьма критическомъ положеніи. По общему мнѣнію, я, во главѣ побѣдоносныхъ, долженъ былъ идти въ лѣсъ и тамъ, по данному знаку, ударить на москалей и выгнать ихъ изъ Польши. Такое, однакожъ, общее мнѣніе мнѣ совершенно не понравилось, ибо, хотя нѣсколько разъ мнѣ и снилось, что я уже генералъ,—я все таки находилъ, что гораздо легче пѣть гимны въ костелахъ или предъ фигурами, чѣмъ съ саблею въ рукѣ въ лѣсу, въ холодѣ и голодѣ драться съ москалями. И потому, признаюсь откровенно, я вовсе не имѣлъ желанія стать въ ряды побѣдоносныхъ, но прекрасный полъ не давалъ мнѣ покойно пройти по улицѣ, говоря: „вы еще не въ лѣсу?“, и я, радъ-не радъ, велѣлъ сдѣлать себѣ длинные сапоги, чамару, бурку и, нарядившись такимъ образомъ, отправился въ Осувицъ, гдѣ стоялъ съ своимъ отрядомъ Зейфридъ.

Прибывъ въ лагерь, я явился къ начальнику, который, спросивъ меня откуда я и какъ называюсь, былъ до того благосклоненъ, что съ-разу наименовалъ меня унтеръ-офицеромъ; но такъ какъ въ лагерѣ былъ недостатокъ въ оружіи, то и я, хотя унтеръ-офицеръ, получилъ какую-то старую саблю безъ

ноженъ и двуствольный пистолетъ, у котораго лѣвый стволъ былъ разстрѣлянъ, а курокъ на правомъ стволѣ, только за третьимъ разомъ разбивалъ капсюль. Вооруженный такимъ образомъ, я ходилъ по лагерю и обучалъ рядовыхъ военному дѣлу, въ которомъ, сказать между нами, я понималъ столько же, сколько коза—въ ботаникѣ.

Чрезъ четыре дня, по прибытіи моемъ въ лагерь, начальникъ нашъ получилъ важную новость: генералъ Костанда, съ пятью ротами пѣхоты и двумя пушками, идетъ къ намъ въ гости. Отрядъ Зейфрида былъ довольно многочисленъ, ибо въ немъ насчитывалось до трехъ тысячь и, въ томъ числѣ, двѣсти кавалеристовъ.

При одномъ слухѣ о москаляхъ, армія наша потеряла бодрость и было много такихъ, которые вдругъ заболѣли и которыхъ принуждены были отослать въ ближайшіе дома. Въ день битвы, утромъ, *за отличіе*, я переведенъ былъ въ кавалерію въ чинѣ поручика и, черезъ часъ послѣ повышенія, высланъ съ десятью рядовыми къ городу Коло—добыть языка. Надо было видѣть меня, когда я, принявъ начальство ввѣреннаго мнѣ отдѣла, громовымъ голосомъ скомандовалъ: „равняйся, съ права по-два, шагомъ—маршъ!“ Выѣхавъ изъ лѣсу, мы скоро прибыли въ деревню Чоловъ; но, когда, одинъ изъ моего отряда увидѣлъ за этою деревнею казаковъ, всѣ дали стречка—и я одинъ во весь карьеръ прилетѣлъ въ лагерь съ донесеніемъ, что отрядъ москалей чуть не поймалъ насъ и скоро придетъ сюда. Ударили въ барабанъ и построились въ двѣ боевыя линіи. Вскорѣ показались казаки, а затѣмъ и пѣхота съ пушками. Съ первымъ выстрѣломъ, предводитель нашъ удралъ, а по его слѣдамъ—пошла почти вся наша кавалерія. Остались только такъ называемые застрѣльщики и косиньеры, которые, сидя за дровами, кричали „ура!“—сами не трогаясь, однакожъ, съ мѣста.

Когда убили Юнга, началось отступленіе или бѣгство, но генералъ Костанда, предвидя это, послалъ роту пѣхоты отрѣзать намъ отступленіе. Здѣсь глазамъ представилась забавна, но въ то же время и печальная картина. Побѣдоносные повстанцы наши побросали оружіе и на колѣнахъ умоляли о жизни.

Стоявшій рядомъ со мной товарищъ, Целестинъ Миловскій, упалъ—пораженный пулею въ грудь. Такъ какъ въ немъ еще

замѣтны были признаки жизни, то я слѣзъ съ лошади, намѣреваясь донести его до ближайшаго мѣстечка Габяка; но въ эту минуту на голову мнѣ упалъ сукъ, оторванный пушечнымъ выстрѣломъ, и я очутился на землѣ—безъ чувствъ. Что было со мной далѣе—этого я не знаю; ибо когда я опомнился, то увидѣлъ себя въ кольскомъ монастырѣ бернадиновъ, на кровати, посреди еще нѣсколькихъ защитниковъ отчизны. Рана моя была незначительна и, черезъ двѣ недѣли, я совершенно выздоровѣлъ.

Вскорѣ затѣмъ прибылъ въ Коло отдѣлъ Тачановскаго, преслѣдуемый генераломъ Брунеромъ, и я вторично былъ завербованъ въ отрядъ, опять въ кавалерію—съ чиномъ поручика. Въ тотъ же самый день, вечеромъ, началась битва, а вѣрнѣе: трата пороху и пуль, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Въ девять часовъ вечера бой стихъ и мы прославлены побѣдителями, хотя, между нами сказать, мы потеряли шестеро убитыми и нѣсколько ранеными, между тѣмъ какъ русскіе не понесли никакихъ потеръ. Это, однакожъ, не помѣшало Тачановскому отдать приказъ, чтобы, въ память такой блистательной побѣды, въ городѣ была зажжена иллюминація. Что и было исполнено въ мгновеніе ока.

Почти весь отрядъ нашъ стоялъ подъ ружьемъ до 2-хъ часовъ ночи, само собою разумѣется только солдаты, ибо офицеры или сидѣли въ кондитерской Вильта, распивая шампанское, или же проводили пріятное время съ патріотками, разсказывая о своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ.

На другой день, еще было темно, когда весь отдѣлъ нашъ выступилъ изъ Кола по направленію къ городу Сомпольну и, около колоніи Игнацева, въ любстовскомъ лѣсу, сдѣлалъ окопы. Побѣдоносные солдаты наши были до того изнурены, что оружіе валилось у нихъ изъ рукъ.

На другой день, послѣ прибытія нашего въ Игнацевъ, подошли русскіе въ значительномъ числѣ. Русскими командовали генералы: Брунеръ и Краснокуцкій. Въ нашемъ отрядѣ считалось около тысячи пятисотъ стрѣлковъ и сто человѣкъ кавалеріи. Были у насъ также двѣ пушчонки, которыя стоило бы послать на лондонскую выставку, чтобы показать свѣту, до какой высокой степени усовершенствованія—дошла у насъ артиллерія.

Завязалась битва, продолжавшаяся около двухъ часовъ, и

послѣдствія которой были ужасны:—съ нашей стороны легло около двухсотъ человѣкъ, несчитая раненыхъ, между тѣмъ какъ руссіе потеряли только около 20-ти убитыми и 60 ранеными. Замѣчу здѣсь, что изъ всѣхъ стычекъ или, вѣрнѣе, бѣгствъ, въ которыхъ я принималъ участіе—въ одной только битвѣ подъ Игнацевомъ, наши побѣдоносные солдаты дрались недурно и еслибъ не косиньеры, которые сначала отказались слушаться, а затѣмъ показали примѣръ бѣгства—битва бы еще продолжилась.

Безъ шапки и безъ оружія, я пролетѣлъ больше двухъ миль и остановился только въ деревнѣ Лиxеньѣ, гдѣ уже нашелъ нѣсколько защитниковъ отчизны и, между прочими, и г. М., который улепетнулъ сейчасъ послѣ первыхъ выстрѣловъ; онъ притворялся, однакожъ, что раненъ, разсказывая при этомъ, что собственными руками убилъ какого-то генерала и двухъ казаковъ.

Я воротился въ Коло, рѣшивъ, что уже больше не пойду въ партію,—ибо предчувствовалъ печальный конецъ повстанья. Но мужикъ стрѣляетъ, Господь Богъ пулю носитъ!—говоритъ старая пословица. Едва показался я въ Колѣ, какъ на меня нападаютъ здѣшнія патріотки и силой, въ третій разъ,—хотятъ отправить меня въ лагерь. Я употребилъ все свое краснорѣчіе, желая устроить себѣ спокойствіе, но все тщетно, ибо, черезъ нѣсколько дней, кажется по милостивому ходатайству этихъ же патріотокъ, я получилъ приказаніе отъ Влодка, подъ карой смерти, прибыть въ лагерь. Нечего дѣлать, съ такими господами шутить не приходится! Ибо очень легко быть вздернутымъ къ верху, какъ это было въ то время въ модѣ, и вотъ я пріѣзжаю въ партію и опять принятъ въ кавалерію; но, о ужасъ! Я—защитникъ отечества, величайшій патріотъ, дѣлаюсь простымъ рядовымъ и, кромѣ того, сейчасъ же по моемъ прибытіи, меня высылаютъ на пикетъ, съ двумя другими рядовыми, на два часа, но не знаю почему, мы простояли на одномъ мѣстѣ двѣнадцать часовъ, пока насъ не смѣнили.

Черезъ нѣсколько дней потомъ, лагерь нашъ отправился въ дальнѣйшій путь къ городу Унійову и, около корчмы Невержъ, мы сдѣлали засаду противъ майора фонъ Кика, который шелъ на насъ съ двумя ротами пѣхоты и съ сорока гусарами.

Планъ засады былъ хорошо обдуманъ нашими начальниками, какъ то: Оборскимъ, Влодкомъ, Зелинскимъ и друг.; мы были скрыты въ лѣсу, посреди котораго, небольшою лощиною шла узкая дорога. Въ эту-то именно лощину мы должны были впустить русскихъ и, по данному знаку, ударить на нихъ со всѣхъ сторонъ. Но едва русскіе стали подходить къ лѣсу, какъ двое изъ нашихъ побѣдоносныхъ солдатъ, незнаю: изъ мужества или со страху,—выстрѣлили. Предостереженные такимъ образомъ,—русскіе остановились, а вся наша кавалерія была выслана, чтобъ отрѣзать имъ отступленіе, между тѣмъ какъ стрѣлки и косиньеры должны были ударить на нихъ съ фронта.

Кавалерія наша дѣйствительно прибыла на назначенное мѣсто, но что же сказать, почтенные читатели — когда сорокъ гусаровъ очистили себѣ дорогу, занятую двумя стами пятидесятью человѣками нашей кавалеріи, и эти сорокъ гусаровъ—обратили насъ въ бѣгство.

Затѣмъ, маіоръ фонъ Кикъ съ своимъ отрядомъ отступилъ на квартиры и тамъ устроилъ баррикады, а цѣлый отрядъ нашъ атаковалъ его вторично, въ полной увѣренности, что всѣ русскіе должны погибнуть; но, когда на маршѣ въ атаку нѣсколько людей было убито, партія наша струсила и всѣ кинулись назадъ - въ лѣсъ. Здѣсь насъ опять построили, намѣреваясь произвесть третью атаку, но это было не такъ легко; всѣ кричали „ура!“ и, однакожъ, никто не трогался и стоялъ какъ въ землю врытый. Види это, Оборскій садится на лошадь, становится передъ отрядомъ и, крикнувъ: „панове, напшудъ!“ думалъ такимъ образомъ увлечь насъ въ атаку; но побѣдоносная армія наша и не думаетъ тронуться съ мѣста. Оборскій оборачивается другой разъ и, видно по забывчивости, закричалъ по русски: „Господа—впередъ!“ но и это не помогло. Въ эту минуту Оборскій пошатнулся на лошади и мы замѣтили, что онъ раненъ въ ногу. Онъ не потерялъ однакожъ присутствія духа и, обращаясь къ своимъ побѣдоноснымъ солдатамъ, произнесъ нѣсколько ругательствъ на русскомъ языкѣ—весьма энергическихъ.

Надо знать, что въ партіи нашей считалось тогда слишкомъ двѣ тысячи людей, недурно вооруженныхъ; стало быть приходилось по шести побѣдоносныхъ солдатъ на одного труса-москаля, и, однакожъ, когда мы, наконецъ, должны были отступить отъ

корчмы, оказалось по счету, что наша потеря далеко значительнѣе, чѣмъ у русскихъ. Стычка подъ Неверусомъ была прославлена побѣдою и я схватился даже за голову, когда прочелъ въ краковскомъ *Часъ* и въ извѣстіяхъ съ поля битвы, что Оборскій подъ Невержомъ, около города Унійова разбилъ на голову москалей, отобравъ у нихъ двѣ пушки, и что только пятерымъ раненнымъ солдатамъ удалось убѣжать. Вотъ каковы извѣстія революціонныхъ газетъ, которыя такъ долго обманывали Европу.

Послѣ такой блистательной побѣды и я, покрытый славой, рѣшилъ, во что бы то ни стало, воротиться домой, и, когда наконецъ получилъ позволеніе, воротился въ Коло, совершенно разочарованный, съ рѣшеніемъ, что я, хотя бы патріотки цѣлой Польши объявили мнѣ открытую войну, въ четвертый разъ—не пойду въ побѣдоносные ряды, и могу похвастать, что, не смотря на многочисленныя просьбы и угрозы прекраснаго пола—выдержалъ свое рѣшеніе до конца.

Возвращаясь изъ Невержа въ Коло, я заѣхалъ къ одному помѣщику В. въ деревнѣ З., подъ городомъ Домбомъ; съ дочерью этого помѣщика, панной Валеріей, ангеломъ патріотизма, у меня былъ слѣдующій разговоръ:

— Вы возвращаетесь изъ Неверужа, стало быть были очевидцемъ—какъ Оборскій разбилъ москалей въ квашеное яблоко.

— Вы ошибаетесь! Я былъ участникомъ въ этой битвѣ, но не могу сказать, чтобъ Оборскій разбилъ москалей, ибо мы со стыдомъ принуждены были отступить и потери далеко большія, чѣмъ вы думаете.

— Какъ?—такъ вы, стало быть, опровергаете то, что сообщаютъ газеты и въ чѣмъ убѣждена вся Европа?

— Наши газеты—врутъ, и тѣмъ ведутъ Польшу къ совершенной гибели, и скажу вамъ откровенно, что, такимъ образомъ, мы только выставляемъ себя на посмѣшище и презрѣніе всей Европы, ибо, рано или поздно, правда всегда выплыветъ на верхъ и жаль, очень жаль молодежи, которая гибнетъ тысячами.

— Я начинаю пріобрѣтать о васъ не очень лестное мнѣніе и объявляю вамъ, что Польша должна быть освобождена, хотя бы вся молодежь и даже всѣ до единаго мужчины—погибли.

Вотъ мнѣніе нашихъ патріотокъ.

Я хотѣлъ еще спросить панну Валерію, что она сдѣлала бы въ такомъ случаѣ, когда всѣ мужчины, освободивъ Польшу, погибли бы, — и не послалъ ли бы тогда прекрасный полъ депутаціи въ

чужіе края, съ приглашеніемъ къ себѣ другую половину рода человѣческаго, но — удержался, замѣтивъ съ какимъ состраданіемъ смотрятъ на меня.

О патріотизмѣ прекраснаго пола можно было бы написать еще много и, если не найдется уже никого ни изъ кинжалистовъ, ни изъ отравителей, ни даже изъ жандармовъ-вѣшателей, кто бы хладнокровнѣйшимъ образомъ отправилъ меня въ вѣчность, то, въ непродолжительномъ времени, я представлю вамъ, почтенные читатели, мои наблюденія, подъ названіемъ: „Нѣсколько словъ о патріоткахъ."

Я писалъ въ Колѣ, сейчасъ послѣ праздника: *трехъ королей*, и рѣшилъ статью эту посвятить прекрасному полу, на память и въ доказательство признательности—за милостивое увѣдомленіе Влодка о моемъ мѣстопребываніи.

СЛОВО

въ день возсоединенія уніатовъ съ православною церковію, сказанное въ бѣлостокскомъ николаевскомъ соборѣ іюня 3 дня 1865 года.

Я думаю, что многіе изъ васъ, православные христіане, не знаютъ, какова была судьба церкви православной въ странѣ сей. Многіе готовы даже спросить, какой это у насъ сегодня праздникъ? Священнымъ долгомъ считаю объяснить и разрѣшить ваше недоумѣніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что страна сія есть древнее достояніе Россіи. Вся земля ятвяговъ и большая часть Литвы, до устьевъ рѣки Виліи, была завоевана (1) Ярославомъ мудрымъ, сыномъ равно-апостольнаго в. князя Владиміра, и въ древности извѣстна была подъ названіемъ ятвяго-русской области. Но удѣльная система правленія обезсилила Россію,—и Литва воспользовалась междоусобіемъ князей русскихъ. в. князь Эрдвиллъ освободилъ (2) страну свою отъ дани, платимой князьямъ русскимъ, а Миндовгъ и Войшелгъ завоевали (3) русскія области: полоцкую, часть смоленской, земли кривичей и область гродненскую.

---

(1) Замѣтки о Литвѣ Кукольника, стр. 6. (2) Нарбутъ IV томъ стр. 95, 98. (3) Замѣтки о Литвѣ Кукольника стр. 12.

Но владычество Литвы не было вредно для русской народности. Языкъ русскій былъ языкомъ правительственнымъ. В. князь литовскій Миндовгъ (4), сынъ его Войшелгъ (5) и племянники Довмонтъ (6) и Торцивиллъ приняли православную вѣру; примѣру ихъ послѣдовало множество лицъ литовскихъ княжескихъ фамилій. Жены Гедимина Ольга и Евва Всеволодовны были княжны русскія (7). Сыновья (8) Гедимина, кромѣ Кейстута, исповѣдывали православную вѣру. Жены Ольгерда-Марія княжна витебская и Уліянія княжна тверская, были дочери (9) православной церкви, и покровительствовали всему духовенству русскому. Въ Вильнѣ, столицѣ литовской, было 30 православныхъ церквей. Но настала иная судьба для православія! Могущественный владѣтель Литвы—Ягайло въ 1386-мъ году, измѣнивъ (10) церкви православной, принялъ римскую вѣру и женился на Ядвигѣ, дочери-польскаго короля Людовика, не оставившаго послѣ себя послѣдника. Вскорѣ послѣ брака, онъ объявилъ, что далъ клятвенное обѣщаніе привести все народонаселеніе къ римской вѣрѣ;—а на городельскомъ сеймѣ, который созванъ былъ въ 1413 году для того, дабы слить два государства въ одно, было постановлено—высшія государственныя мѣста давать исповѣдующимъ римску вѣрую. Въ царствованіе Ягеллоновъ, хотя обнаруживались слѣды нетерпимости и пристрастія къ римскому исповѣданію, но еще не было явнаго (11) и открытаго преслѣдованія православныхъ. Оно началось частію при польскомъ королѣ Стефанѣ Баторіѣ (12), а усилилось съ большимъ ожесточеніемъ въ долговременное царствованіе Сигизмунда III. Стефанъ Баторій далъ большія преимущества (13) іезуитамъ, и по ихъ наущенію присвоилъ себѣ право избирать и назначать на мѣста—высшихъ духовныхъ сановниковъ русскихъ; случалось, что онъ возводилъ въ эти званія людей свѣтскихъ, недостойныхъ, а иногда и римско-католиковъ. Когда такимъ образомъ собирались грозныя тучи на гибель православію, въ государствѣ развились и утвердились патронаты (14) и братства, которыя заботились о благосостояніи церквей и боролись съ вра-

(4) Густинская Литопись. (5) Нарбут. IV том. стр. 181. (6) Замѣтки о Литвѣ Кукольника стр. 12. (7) Нарбут. IV том. стр. 492. (8) Тамже. (9) Замѣтки о Литвѣ Кукольника стр. 27. (10) Замѣтки о Литвѣ Кукольника стр. 33. (11) В. князь литовскій Александръ вступилъ въ бракъ съ дочерью Іоанна III. (12) При Баторіѣ всѣ церкви въ Трокахъ были обращены въ костелы. (13) Замѣтки о Литвѣ Кукольника стр. 118. (14) Егоже стр. 119.

гами вѣры. На основаніи историческихъ данныхъ извѣстно, что въ слѣдствіе городельскаго акта и явнаго покровительства вѣрѣ римской дворяне литовскіе, ради славы міра и житейскихъ выгодъ, мало—помалу переходили изъ православнаго вѣроисповѣданія въ латинское. Но какъ поколебать народъ русскій, который твердо держался православія? Для сего іезуитами придумана, а Сигизмундомъ III одобрена религіозная унія. Она началась по слѣдующему обстоятельству. Дабы исправить недостатки въ управленіи церковью, знаменитый своею ревностію къ православію князь Константинъ Острожскій и патронаты пригласили въ Литву константинопольскаго патріарха Іеремію II, находившагося тогда въ Москвѣ. Патріархъ прибылъ въ Литву, лишилъ каѳедры митрополита Онисифора, вступившаго въ монашество послѣ втораго брака, а на его мѣсто, по неотступной просьбѣ жителей, возвелъ Рагозу; вслѣдъ за тѣмъ, онъ потребовалъ отъ всѣхъ епископовъ двоеженцевъ, дабы они оставили свои мѣста. Ужаснулись недостойные архіереи, навязанные Литвѣ Баторіемъ, и рѣшились измѣнить своей церкви и признать власть папы, съ соблюденіемъ (15) однако обрядовъ восточной церкви,—а на соборѣ, бывшемъ въ Брестѣ—литовскомъ 1594 года, актъ уніи провозглашенъ и подписанъ (16) 4 епископами. Съ смятеніемъ и ропотомъ встрѣтилъ народъ новое вѣроученіе; ибо онъ сознательно былъ увѣренъ въ чистотѣ своихъ догматовъ, и, для тогдашняго времени, былъ довольно образованъ. При каждой церкви находилось (17) училище. Русскіе имѣли даже высшія учебныя заведенія и свои типографіи. Но они не могли устоять въ неравной борьбѣ съ врагами вѣры. Ибо польское правительство, римское духовенство и своевольные польскіе дворяне дѣйствовали единодушно и употребляли различныя беззаконныя средства, лишь бы подчинить православныхъ властолюбію папъ. Церкви и монастыри отнимаемы были насиліемъ, а нѣкоторыя обращаемы въ кабаки, или отдаваемы жидамъ на откупъ; священниковъ били, мучили, умерщвляли; народъ выгоняли изъ храмовъ, побивали камнями; но особенною жестокостію превосходилъ (18) всѣхъ полоцкій архіепископъ Іоасафатъ Кунцевичъ, котораго папа недавно причислилъ къ лику святыхъ. Часто дѣти умирали безъ крещенія, тѣла умершихъ оставались безъ погребенія, возросшіе жили внѣ законнаго бра-

(15) Исторія объ уніи Бантышъ-Каменскаго стр. 41. (16) Замѣтки о Литвѣ Кукольника стр. 126. (17) Замѣтки о Литвѣ Кукольника стр. 105. (18) Исторія объ уніи Бантышъ-Каменскаго стр. 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81.

ка. Преемники Сигизмунда III понимали всю опасность отъ такого положенія дѣлъ, но не могли укротить фанатизмъ римскаго духовенства и своеволіе польскихъ дворянъ. Напрасно угнетаемые и гонимые подавали жалобы на сеймы, къ королю, въ трибуналы и, объясняя свои бѣдствія, писали: не насиліе ли это совѣсти, не нарушеніе ли это нашей вольности!? Разбирательство жалобъ по дѣламъ вѣры было отлагаемо отъ одного до другаго сейма. Напрасно государи всероссійскіе, начиная съ царя Алексѣя Михайловича до императрицы Екатерины II, по жалобамъ православнаго духовенства, ходатайствовали у двора польскаго объ облегченіи участи единовѣрныхъ и единоплеменныхъ, и приказывали посламъ своимъ въ Варшавѣ настаивать объ отдачѣ церквей и монастырей православнымъ, и не обращать въ унію. Сенаторы польскіе обманывали русское правительство, увѣряя, что въ ихъ государствѣ не дѣлаютъ никакого угнетенія православнымъ.—Въ царствованіе Станислава Августа III, поляки хотѣли совершенно уничтожить русскую народность. Ибо, послѣ бурныхъ преній, сенаторы издали противъ православныхъ самое обидное постановленіе (19): „лишить ихъ свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ." Ужасны были тогда жестокости и преслѣдованія! Православные, по словамъ бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конисскаго, осуждаемы (20) были въ темницы, на раны, на мечь, на огонь. Въ одной мѣстности, недалеко отъ Мстиславля, прихожане, будучи не въ состояніи противиться воинской командѣ, отнимавшей у нихъ церковь, пали на могилы (21) своихъ сродниковъ и съ рыданіемъ взывали: „блажены вы, умершіе во благочестіи!" Я думаю, что въ древности ни одному языческому богу не было принесено столько жертвъ, сколько Польша принесла своей чудовищной главѣ. Изъ девяти епархій уцѣлѣла только одна (22)! И такъ унія изобрѣтенная коварствомъ, распространилась насиліемъ. Но посмотримъ, какъ не прочно дѣло человѣческое, и какъ оно разорилось!—Императрица всероссійская Екатерина II, послѣ оскорбительныхъ дѣйствій польскаго правительства для чести русскаго престола, поступила энергически—рѣшительно. Силою оружія, она смирила враговъ православія и, завоевавъ древнія русскія области, даровала

(19) Замѣтки о Литвѣ Кукольника стр. 217. (20) Исторія объ уніи Бантышъ-Каменскаго стр. 330. (21) Исторія Бантышъ-Каменскаго стр. 395. (22) Бѣлорусская. Въ туровской—нынѣ минской епархіи хотя небыло православнаго архіерея, но въ православіи устояли 11 монастырей и болѣе 250 церквей.

права человѣчеству и свободу невинно гонимымъ. Едва это совершилось, три (23) милліона уніятовъ, въ слѣдствіе окружныхъ грамотъ минскаго и могилевскаго архипастырей, возвратились на лоно православія. Остальныеже возсоединились съ православною церковію въ царствованіе незабвенной памяти Императора Николая Павловича въ 1839 году.

Вотъ причина настоящаго нашего торжества и радости! Вотъ почему мы ежегодно празднуемъ день сей! И какъ не радоваться и не благодарить Господа! Возсоединеннымъ дарована свобода совѣсти, прекратились открытыя гоненія, миновалась вѣковая брань съ врагами вѣры. Церковь православная въ странѣ сей подобна купинѣ горѣвшей и несгорявшей, подобна кораблю, который не могло поглотить море бѣдствій. Память о семъ спасительномъ возсоединеніи да будетъ священна, до скончанія міра да перейдетъ отъ рода въ родъ!

И вотъ прошло уже 26 лѣтъ со времени возсоединенія уніятовъ съ православною церковію. Если сравнимъ прошедшее положеніе дѣлъ съ настоящимъ, то сердце наше трепещетъ отъ восторга? Ибо, что была унія въ послѣднее время своего существованія? Послушная раба римской церкви. Кромѣ однаго богослуженія на славянскомъ языкѣ, уніаты ничѣмъ не отличались отъ римлянъ. Въ ихъ церквахъ были открытые олтари, органы, шопотомъ читаемыя обѣдни, и другія латинскія затѣи. Самый костюмъ уніятскихъ священниковъ, стриженіе волосъ и бритье бородъ были по обычаю римскихъ ксендзовъ. Въ слѣдствіе цѣлаго ряда благодѣтельныхъ преобразованій, совершаемыхъ съ любовію и долготерпѣніемъ, нынѣ богослуженіе совершается по правиламъ восточной церкви, существуютъ благочестивые обычаи, уважаемые древнею христіанскою церковію, какъ то, частая исповѣдь; во дни свѣтлой седмицы съ артосомъ совершаемые крестные (24) ходы кругомъ храма; обычай (25) приносить въ церковь воскъ, ленъ, холстъ, введенный при равноапостольномъ в. князѣ Владимірѣ; обычай цѣловать (26) землю или полъ церковный, соблюдаемый греческими христіанами и даже византійскими императорами; обычай исповѣдываться и причащаться Св. Таинъ предъ вступленіемъ въ бракъ, обычай говѣть и исповѣдываться во время беремен-

(23) Слово высокопреосвященнаго Іосифа при освященіи виленскаго Николаевскаго собора стр. 12. (24) Дни богослуженія православной восточной церкви II том. стр. 185. (25) Описаніе Минской епархіи архимандрита Николая стр. 308. (26) Воскресное Чтеніе за 1845 годъ стр. 510.

ности, и другіе (27). И не напрасны наши труды и дѣло благовѣствованія! Вотъ уже при многихъ церквахъ находятся училища, братства и даже хоры пѣвчихъ; во многихъ приходахъ дѣти крестьянъ хорошо читаютъ по славянски и знаютъ катихизисъ. Эти радостныя явленія подаютъ надежду, что въ странѣ сей явятся полезны едѣятели для блага церкви и отечества. Правда, вѣковое польское иго укрѣпило въ народѣ нѣкоторые свои обычаи; но обычаи, вводимые вѣками, уничтожаются временемъ. Удивительно однакожъ, что юный, такъ долго ополячиваемый (28), народъ достигъ такъ скоро въ мѣру возраста—по своей любви къ православію и законному правительству. Ибо когда поляки, во время недавно бывшаго мятежа, заговорили о своихъ несбыточныхъ мечтахъ и въ воображеніи созидали свою Рѣчь Посполитую,—православные съ презрѣніемъ и негодованіемъ отозвались на ихъ безумныя манифестаціи,—и не только словомъ, но самымъ дѣломъ—многіе даже мученическою кончиною—доказали свою преданность къ своей вѣрѣ и народности. Потомки съ гордостію вспомнятъ объ ихъ великихъ подвигахъ, а св. церковь будетъ молиться о упокоеніи со святыми душъ невинныхъ страдальцевъ.

Возблагодаримъ же, православные христіане, Господа благодѣющаго православной церкви! Онъ—Всемогущій провелъ народъ свой, подобно древнему Израилю, чрезъ море бѣдствій и гоненій и освободилъ его отъ ига иновѣрія. Помолимся о здравіи и благоденствіи Государя нашего, Защитника и Покровителя православныхъ, а также о здравіи и благоденствіи великодушихъ братій нашихъ, которые сочувствуютъ намъ въ борьбѣ съ врагами вѣры, своими пожертвованіями восполняютъ недостатки бѣдныхъ церквей здѣшняго края и даже записываются въ число церковныхъ братчиковъ. Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II и благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, которые были мощными покровителями отторгнутыхъ насиліемъ,—да будетъ вѣчная память, маститому архипастырю церкви литовской, виновнику настоящаго торжества, по примѣру равноапостольныхъ, послужившему дѣлу возсоединенія уніатовъ,—многая лѣта! Аминь.

Священникъ Ипполитъ *Мироновичъ.*

---

(27) Намъ прискорбно, что эти благочестивые обычаи осуждаютъ нѣкоторые изъ пріѣзжающихъ въ нашу страну чиновниковъ. (28) Такъ называютъ народъ литовскій нѣкоторые великороссіяне. Но слѣдуетъли порицать народъ, долгое время томившійся подъ игомъ поляковъ? И согласно ли это съ духомъ любви христіанской?—

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Депутація изъ Царства Польскаго въ С.-Петербургѣ.

Общая глубокая скорбь Царственной Семьи и народная всей Россіи отразилась и въ Царствѣ Польскомъ. Высшіе гражданскіе чины, члены древнихъ польскихъ фамилій, бывшіе представители дворянства и лица разныхъ другихъ сословій, проникнутыя сознаніемъ великой утраты своей, кончины Того, въ Коемъ видѣли новую зарю своего благоденствія, свѣтлую надежду продолженія царствованія благодушнаго Родителя Его, изъявили желаніе поклониться смертнымъ останкамъ Его, запечатлѣть прощальною слезою тяжкую вину своего края передъ глубоко огорченнымъ сердцемъ Августѣшаго Отца Его, передъ Его отечествомъ. Испросивъ дозволеніе Царскаго намѣстника, они прибыли въ С. Петербургъ, получили здѣсь Высочайшее разрѣшеніе участвовать въ печальныхъ церемоніяхъ и присутствовали при самомъ погребеніи въ Бозѣ почившаго Государя Цесаревича. На другой же день удостоились неожиданнаго ими счастія быть представленными лично ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ намѣстникомъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, обращался къ каждому изъ нихъ съ милостивымъ Своимъ Царскимъ привѣтомъ, а затѣмъ, остановясь, изволилъ произнести слѣдующія слова:

„Я желалъ видѣть васъ, господа, чтобы поблагодарить за чувства, которыя вы выразили Мнѣ при послѣднихъ тяжкихъ обстоятельствахъ. Хочу вѣрить, что онѣ искренны и желаю, чтобы были раздѣляемы большинствомъ вашихъ соотечественниковъ подданныхъ Моихъ въ Царствѣ Польскомъ. Чувства эта будутъ лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что мы не подвергнемся уже тѣмъ испытаніямъ, чрезъ которыя прошли въ недавнее время.

„Я желаю, чтобы слова Мои вы передали вашимъ заблужденнымъ соотечественникамъ. Надѣюсь, что будете содѣйствовать привести ихъ къ разсудку.

„При семъ случаѣ не могу не припомнить тѣ слова, поставляемыя Мнѣ въ укоръ, какъ бы оскорбленіе для Польши, которыя

Я сказалъ въ 1856 году въ Варшавѣ, по прибытіи туда въ первый еще разъ императоромъ. Я былъ встрѣченъ тогда съ увлеченіемъ, и въ Лазенковскомъ дворцѣ говорилъ вашимъ соотечественникамъ: „оставьте мечтанія (point de rêveries).“ Если бы они послѣдовали этому совѣту, то избавили бы ваше отечество отъ многихъ бѣдствій. Потому-то возвращаюсь къ тѣмъ же прежнимъ Моимъ словамъ: „оставьте мечтанія.“

„Я люблю одинаково всѣхъ моихъ вѣрныхъ подданныхъ: русскихъ, поляковъ, финляндцевъ, лифляндцевъ и другихъ; они Мнѣ равно дороги; но никогда Я не допущу, чтобы дозволена была самая мысль о разъединеніи Царства Польскаго отъ Россіи и самостоятельномъ безъ нея существованіи его. Оно создано русскимъ императоромъ и оно всѣмъ обязано Россіи.

„Вотъ Мой Сынъ АЛЕКСАНДРЪ, Мой Наслѣдникъ. Онъ носитъ имя того императора, который нѣкогда основалъ Царство. Я надѣюсь, что Онъ будетъ достойно управлять своимъ наслѣдіемъ, и что Онъ не потерпитъ того, чего Я не терпѣлъ.

„Еще разъ благодарю васъ за чувства, которыя вы изъявили при послѣднемъ печальномъ событіи.“ (Рус. Инв. № 121).

Депутація дворянства гродненской губерніи г. главному начальнику сѣверо-западнаго края Россіи.

— Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» напечатано:

«14-го мая, г. главному начальнику края представлялась депутація дворянства гродненской губерніи представитель его, гродненской предводитель дворянства, дѣйств. ст. сов. Крживицкій выразилъ его высокопревосходительству цѣль прибытія депутаціи въ слѣдующихъ словахъ: „Мы уполномочены отъ дворянства гродненской губерніи представить вашему высокопревосходительству наше всеподданнѣйшее на имя Ихъ Императорскихъ Величествъ письмо, съ выраженіемъ чувствъ нашей глубокой скорби, по случаю столь преждевременной кончины въ Бозѣ почившаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, и покорнѣйше просить повергнуть это письмо къ стопамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовать о нашихъ вѣрноподаннических чувствахъ безпредѣльной преданности“.

„На это г. главный начальникъ края отвѣтствовалъ: „Съ живѣйшимъ и особеннымъ удовольствіемъ вринимаю всеподданнѣйшее письмо дворянства гродненской губерніи, и повергну таковое на всемилостивѣйшее благовоззрѣніе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Господа! Я не хочу сомнѣваться въ искренности и чистосердечіи заявляемыхъ вами чувствъ. Дворянство, какъ первенствующее сословіе въ государствѣ, должно всега содѣйствовать видамъ правительства, и только на этомъ пути оно можетъ ожидать осуществленія блага края, а такимъ образомъ и своего собственнаго. Только при искреннемъ и постоянномъ вашемъ содѣйствіи, при непреложномъ исполненіи вашего святаго долга, и доказывая вашу преданность на самомъ дѣлѣ, а не только на словахъ, я надѣюсь, что глубокія раны, причиненныя послѣдними событіями въ краѣ, въ которыхъ вы, мм. гг., сами принимали участіе,—могутъ быть излечены. Вы видѣли, господа, какъ вся Россія единодушно, съ такою любовію и преданностію откликнулась на голосъ своего Государя, когда вспыхнулъ мятежъ въ этомъ краѣ. Послѣднія событія должны были для васъ служить примѣромъ, и вы могли достаточно убѣдиться, что нѣтъ другаго рѣшенія этого вопроса, и нѣтъ для васъ другаго исхода, какъ только полное и глубокое сознаніе, что этотъ край русскій, и всегда будетъ русскимъ. Я готовъ, господа, во всякомъ случаѣ принимать заявленія дворянства о его нуждахъ, и удовлетворять имъ по возможности,—ежели онѣ будутъ согласны съ видами великаго нашего Государя и дѣйствительнымъ благомъ края".

Предложеніе г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края Россіи г. ковенскому губернатору.

Значительное число подаваемыхъ старообрядцами жалобъ на притѣсненія ихъ помѣщиками, у которыхъ они арендуютъ земли, доказываетъ, что не вездѣ исполняется распоряженіе бывшаго главнаго начальника края, отъ 1-го іюня 1863 года, изданное въ огражденіе старообрядцевъ отъ произвола и преслѣдованія землевладѣльцевъ.

Признавая несоблюденіе сего распоряженія весьма стѣснительнымъ для старообрядцевъ и въ виду пользы, приносимой

водвореніемъ ихъ въ здѣшнемъ краѣ, предлагаю вашему превосходительству, впредь до разрѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ, къ точному и непремѣнному исполненію правила 17-го іюня 1863 года, по которымъ землевладѣльцы: 1) не имѣютъ права удалять старообрядцевъ съ арендуемыхъ ими земель, не только до истеченія срока пользованія, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда условія или контракты уже окончились, и 2) примѣняясь къ ст. 128 мѣстн. для здѣшнихъ губерній полож. не взимать съ старообрядцевъ наемныхъ цѣнъ свыше 3 руб. съ десятины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривая, что разборъ жалобъ старообрядцевъ земскою полиціею не достигаетъ своей цѣли и что положеніемъ 19-го февраля 1861 года возложены на мировыхъ посредниковъ нѣкоторыя дѣла судебно-полицейскаго разбирательства, въ томъ числѣ и дѣла по отдачѣ въ наемъ земель (ст. 31 Полож. о Губ. и Уѣздн. по крестьян. дѣл. Учрежд.), коихъ цѣна иска не превышаетъ 30 руб. сер., и наконецъ Высочайшимъ повелѣніемъ 1-го апрѣля 1863 года, о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей, предѣлы власти мироваго посредника расширены такъ, что имъ предоставлено разбирать дѣла, цѣна иска которыхъ не превышаетъ 500 руб., а потому, примѣняясь къ означеннымъ узаконеніямъ, предлагаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобы разборъ споровъ землевладѣльцевъ съ старообрядцами производился мировыми посредниками и мировыми съѣздами, въ томъ предѣлѣ, какой указанъ Высочайшимъ повелѣніемъ 1-го апрѣля 1863 г.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда старообрядцы, сверхъ денежной платы, отбываютъ еще какія либо работы, то таковыя должны быть оцѣнены на деньги съ тѣмъ, чтобы въ общей сложности наемная плата за землю никакъ не превышала 3 руб. за десятину.

Настоящее распоряженіе мое прошу ваше превосходительство сдѣлать извѣстнымъ во ввѣренной управленію вашему губерніи и неослабно наблюдать за неуклоннымъ исполненіемъ его.

Подлинное за подписомъ генералъ-адъютанта
фонъ-*Кауфмана*.

(Ков. Губ. Вѣд. № 21)

Постановленіе ковенскаго губернскаго правленія.

Губернское правленіе слушали: словесное предложеніе ковенскаго губернатора генералъ-маіора графа Николая Михайловиче *Муравьева* о томъ, что, по мнѣнію его, необходимо было бы избрать одинъ праздничный день въ году для приглашенія одного изъ мѣстныхъ православныхъ священниковъ къ отслуженію, въ зданіи занимаемомъ ковенскимъ губернскимъ правленіемъ, молебствія съ водосвятіемъ, такъ какъ большая часть чиновниковъ, служащихъ въ правленіи, православнаго исповѣданія. Опредѣлили: установить служеніе православнаго молебствія съ водосвятіемъ въ ковенскомъ губернскомъ правленіи, въ присутствіи предсѣдателя, членовъ и чиновниковъ правленія, ежегодно въ Духовъ день, и возложить на экзекутора правленія постоянное приведеніе сего постановленія въ исполненіе, приглашеніемъ священно-служителей для молебствія и оповѣщеніемъ о семъ всѣхъ чиновниковъ, въ губернскомъ правленіи служащихъ. А какъ по примѣру губернскаго правленія быть можетъ, и другія присутственныя мѣста въ губерніи и уѣздахъ найдутъ нужнымъ учредить у себя таковыя же ежегодныя православныя молебствія, то журнальную о семъ статью напечатать въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ.“ (Ков. Губ. Вѣд. № 21.)

Празднованіе въ г. Ковно дня возсоединенія уніятовъ съ православными.

3-го іюня, въ приснопамятный день возсоединенія уніятовъ съ православною церковью, въ присутствіи его сіятельства г. ковенскаго губернатора, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и при многочисленномъ стеченіи православнаго народа, совершено было въ ковенскомъ православномъ соборѣ богослуженіе преосвященнымъ епископомъ ковенскимъ Александромъ и затѣмъ молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему Дому. По окончаніи молебствія, вслѣдствіе заблаговременно разосланныхъ приглашеній, члены ковенскаго православнаго свято-никольскаго братства собрались въ залѣ ковенской гимназіи на очередное засѣданіе братства, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ преосвящен-

щаго Александра и въ присутствіи члена братства г. губернатора, единодушно постановили: 1) принести почетному попечителю своему, бывшему начальнику сѣверо-западнаго края, графу М. Н. Муравьеву искреннѣйшую благодарность за новую ассигновку 2,000 руб. на постройку братскаго храма, а чтобы увѣковѣчить въ г. Ковнѣ его имя, какъ положившаго краеугольный камень великому зданію возстановленія православія въ сѣверо-западномъ краѣ, устроить особый придѣлъ во имя св. архистратига Михаила въ храмѣ, который передѣлывается изъ доминиканскаго костела; 2) выдать изъ братской суммы единовременно 30 рублей серебромъ и назначить изъ той же суммы содержаніе въ 4 рубля въ мѣсяцъ бѣдной вдовѣ православнаго чиновника, вызваннаго въ здѣшній край на службу и умершаго до поступленія въ оную, малолѣтнихъ же дѣтей ея пристроить; 3) купленныя на братскія же суммы евангелія, въ числѣ 1,000 экземпляровъ, разослать по православнымъ приходамъ ковенской губерніи, съ тѣмъ чтобы священники раздавали ихъ безплатно прихожанамъ; 4) впредь до назначенія казеннаго содержанія учителю русскаго языка въ ковенскомъ дѣтскомъ пріютѣ, о чемъ производится уже переписка, принять плату ему по 15 р. въ мѣсяцъ на суммы братства. Такимъ образомъ праздникъ возсоединенія униатовъ съ православными ознаменовался въ г. Ковнѣ дѣлами братской благотворительности и почтеніемъ памяти того, котораго имя соединено съ множествомъ живыхъ фактовъ, громко свидѣтельствующихъ о возставленныхъ здѣсь русской народности и православіи.

По окончаніи засѣданія братства, о постановленіи касательно придѣла во имя архистратига Михаила тотчасъ же была отправлена телеграфическая депеша въ С.-Петербугъ бывшему начальнику края, графу М. Н. Муравьеву. Спустя нѣкоторое время, на имя преосвященнаго епископа ковенскаго Александра получена отвѣтная депеша слѣдующаго содержанія: „Душевно „благодарю свято-никольское братство за столь лестное обо мнѣ „воспоминаніе и устройство придѣла во имя Михаила Архангела. Глубоко сочувствую благимъ цѣлямъ братства, и хотя „въ отсутствіи, но душею всегда не разлученъ съ благочестивыми русскими дѣятелями, утверждающими въ сѣверо-западномъ „краѣ православіе и русскую народность. Да поможетъ имъ „Богъ и подкрѣпитъ въ тяжкихъ трудахъ на пользу православной церкви и любезнаго нашего отечества. *Графъ М. Муравьевъ.*“

Вспоможеніе православному духовенству въ юго-западномъ краѣ.

Въ *Кіевлянинѣ* напечатано: Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, заботясь объ усиленіи содержанія православнаго духовенства въ юго-западномъ краѣ, впредь до разрѣшенія вопроса объ улучшеніи быта духовенства вообще, испросилъ, чрезъ комитетъ министровъ, Высочайшее Государя Императора соизволеніе на предоставленіе въ распоряженіе его *по двѣсти тысячъ* рублей въ годъ, изъ процентнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній, для оказанія временнаго пособія дѣйствительно въ ономъ нуждающимся лицамъ православнаго духовенства.

Изъ означенной суммы предположено удѣлить въ настоящемъ году кіевской губерніи до 60 т. руб., подольской до 65 т. руб. и волынской до 75 т. руб. сереб., и раздать таковые бѣднѣйшимъ лицамъ православнаго духовенства, по ближайшему усмотрѣнію мѣстнаго епархіальнаго начальства.

Торжественная панихида по въ Бозѣ усопшемъ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, въ дубненскомъ р. к. костелѣ.

Въ Дубнѣ, 21-го мая, была совершена въ р. католическомъ костелѣ торжественная панихида по въ Бозѣ усопшемъ Наслѣднипѣ Цесаревичѣ. Стеченіе молящихся было огромное,; полонъ костель. Службу отправляли 9 священниковъ. На панихиду приглашены были всѣ должностныя лица, а также православное духовенсво, которому отведены были почетныя мѣста близъ главнаго алтаря.

По обычаю р. католическому, среди костела устроенъ былъ высокій катафалкъ съ вензелемъ и портретомъ Покойнаго; на верху же катафалка поставленъ былъ черный крестъ, освѣщенный серебристымъ сіяніемъ двухъ большихъ урнъ съ горящимъ внутри спиртомъ. По бокамъ катафалка сдѣланы были изъ цвѣтовъ и зелени высокія пирамиды, освѣщенныя огромнымъ ко-

личествомъ лампъ и свѣчей. Окна костела завѣшены были черными сукномъ, а кругомъ карнизовъ развѣшены лампадки. Для игры на органѣ во время панихиды, былъ приглашенъ изъ Радзивиллова, тамъ проживающій извѣстный органистъ. Богослуженіе при такой старательной обстановкѣ, при безмолвной толпѣ молящихся, при заунывномъ пѣніи и величественномъ звукѣ органа, вполнѣ соотвѣтствовало торжественности совершаемаго акта. Мысль такой панихиды, поданная нѣсколькими дворянами, нашла отголосокъ и вызвала въ средѣ всего дворянства того уѣзда безъ исключенія, а за тѣмъ у прочаго населенія, общій усердный порывъ къ исполненію той мысли. По настоятельной просьбѣ дворянъ, ксендзъ Шумковскій, болѣе чѣмъ 70 лѣтъ старецъ, уважаемый какъ проповѣдникъ, сказалъ приличное обряду слово; а чувство одушевляющее маститаго старца проникло въ сердца слушателей, такъ что у многихъ показались непритворныя слезы.

Мы позволяемъ себѣ передать эту рѣчь въ переводѣ.

„Наставляйте ихъ—говоритъ св. Павелъ,—наставляйте, дабы были послушны своимъ властителямъ, ибо нѣтъ власти кромѣ отъ Бога, а какія существуютъ, отъ Бога существуютъ“.

„Достойное дворянство нашего уѣзда! Призвали вы меня, старца, быть руководителемъ тѣхъ молитвъ, которыя вы сегодня, за душу недавно угасшаго въ Ниццѣ Наслѣдника Цесаревича, собрались возсылать къ небесному престолу Царя надъ царями.

„Уже печальные стоны и жалобное пѣніе утихло; уже и заупокойная жертва престола церкви совершилась, которая вздохами вашими вознеслась къ подножью небеснаго престола; но пока еще послѣднія пожеланія вѣчнаго покоя раздадутся пѣсенью предъ тѣми святыми алтарями, я желаю отъ переполненнаго сердца высказать вамъ нѣсколько словъ.

„Господа! вы, которые, не взирая на безумный братній гнетъ терроризма, съумѣли примѣрно сохранить уваженіе къ святому этому храму Божію—и эту чистую непорочную Іисуса Христа невѣсту жаркимъ революціоннымъ дымомъ какихъ-то пожаровъ

безчестно не осрамили,—я не сомнѣваюсь нынѣ, что въ виду распятаго на крестѣ сына Божія, вы сюда собрались не по иной мысли, которая бы запятнала ваше достоинство, не съ инымъ движеніемъ сердца, какъ съ сердцемъ вѣрныхъ подданыхъ, чтобы вознести моленія о душѣ Того, въ чьей рукѣ, съ послѣдствіемъ времени, какъ въ рукѣ намѣстника Бога, имѣла быть сложена властъ надъ вами,—имѣли быть сложены судьбы милліоновъ народа и ваши.

„Честь вамъ и вашему сердцу! похвальное рвеніе вашего сердца, воздвигло сегодня тотъ памятникъ; въ похвальномъ сердечномъ чувствѣ, вы окружили его съ религіознымъ уваженіемъ и съ глубокою печалью; этимъ наконецъ достойнымъ движеніемъ вашего сердца вы торжественно, передъ небомъ и землю, заявляете, что вы далеки отъ легкомысленнаго неуваженія къ намѣстничьей Божіей власти надъ вами, и что для васъ отвратительно безбожное ученіе подземныхъ дѣятелей, которые для личныхъ видовъ, безъ совѣсти, хотѣли повергнуть въ ужаснѣйшую пропасть этотъ еще недавно начавшій расцвѣтать, а нынѣ облитый слезами и покрытый стыдомъ край.

„Послушайте, господа, что говоритъ св. Павелъ: *„Таковые ложные апостолы суть обманчивые дѣятели—не слушайте ихъ!“* О! неслушайте тѣхъ ложныхъ апостоловъ, тѣхъ обманчивыхъ дѣятелей, тѣхъ кровожадныхъ волковъ, которые къ вамъ, подъ личиною ложнаго патріотизма, приходятъ со знаменемъ кровавой анархіи! Пребывайте непоколебимы въ чувствахъ вашей вѣрности и чувства тѣ передайте послѣдующимъ поколѣніямъ. Пребывайте непоколебимы въ этомъ должномъ, въ этомъ святомъ чувствѣ вѣрнаго сердца своему Монарху—а вѣсы судебъ вашихъ, которые по Божію предопредѣленію почти уже столѣтіе сложены при могущественномъ тронѣ Государей Россіи,—тѣ, говорю, вѣсы земныхъ судебъ вашихъ, въ сильной, но вмѣстѣ великодушной десницѣ Всемилостивѣйшаго Монарха нашего, при благословеніи Божіемъ перевѣсятъ на сторону помилованія, къ осушенію слезъ, къ заживленію ранъ и къ возрадованію сердецъ, убитыхъ горемъ. Аминь!“

О заявленіи такою торжественною панихидою глубокаго участія вѣрныхъ сердцемъ подданныхъ въ великой горести своего возлюбленнаго Монарха, отправлено, за подписью 60 дворянъ, письмо къ главному начальнику края, для поверженія сего письма къ стопамъ ГОСУДАРЯ.

(Кіев. Телег. N. 62).

Краткія свѣдѣнія объ учрежденномъ при каменецкомъ каѳедральномъ Свято-Іоанно-Претеченскомъ соборѣ братствѣ и о дѣйствіяхъ совѣта того братства.

Съ 1 октября 1863 г. открыто было въ г. Каменцѣ Іоанно-Претеченское братство, которое имѣло своею задачею поддержаніе и благолѣпіе мѣстнаго каѳедральнаго собора и благоустройство кладбища и кладбищенской церкви. Въ 1864 г. въ м. октябрѣ и ноябрѣ, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ совѣщаній и обсужденій о новомъ устройствѣ братства, [1] совѣщаній въ которыхъ приняло самое искреннее участіе лучшее православное общество г. Каменца,-кругъ дѣятельности прежняго братства былъ расширенъ на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ правилъ для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ.

Въ настоящее время каменецкое Іоанно Претеченское братство имѣетъ уже значителсное число членовъ какъ иногородныхъ, такъ и изъ житслой г. Каменца, изъ которыхъ многіе, вполнѣ понимая великую пользу въ будущемъ отъ этого общественнаго учрежденія, дѣйствовали и дѣйствують съ самымъ глубокимъ сочувствіемъ и неослабною энергіею, какъ своимъ нравственнымъ содѣйствіемъ, такъ и денежными пожертвованіями. Чтобы не оскробить ихъ скромности, мы не будемъ здѣсь упоминать именъ ихъ: имена нѣкоторыхъ изъ нихъ уже извѣстны нашему обществу... Кромѣ того, собственное сознаніе ихъ и отрадная надежда, что первоначальная безкорыстная дѣятельность ихъ на пользу общественную,

---

(1) См. статью о православномъ каменецкомъ Іоанно-Перетеченскомъ братьствѣ въ № 1 Подольскихъ Епарх. вѣд. 1865 г.

при болѣе широкомъ развитіи ея и увеличеніи матеріальныхъ средствъ братства, побудитъ и остальное мѣстное общество отнестись къ доброму дѣлу съ такимъ же сочувствіемъ, служитъ для нихъ самою лучшею наградою и поддержкою.

Задача преобразованнаго братства и кругъ его дѣятельности кратко обозначены въ уставѣ братства.

15 ноября 1864 года, въ общемъ собраніи всѣхъ наличныхъ членовъ г. Каменца, учрежденъ былъ совѣтъ братства изъ членовъ единогласно избранныхъ общимъ собраніемъ; этотъ совѣтъ принялъ на себя обязанность дѣйствовать въ духѣ и характерѣ братскаго устава.

Первыя дѣйствія братскаго совѣта открыты были засѣданіемъ 18 ноября, 1864 г. Чтобы не утруждать при этомъ подробнымъ изложеніемъ всей предварительной работы совѣта и его распоряженій по различнымъ частямъ, мы ограничиваемся изложеніемъ болѣе главныхъ и существенныхъ его дѣйствій.

Совѣтъ братства, имѣя въ виду доставить возможность сиротамъ, а равнымъ образомъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей, которые не имѣютъ на столько средствъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ необходимо-нужное для нихъ элементарное оразованіе и сообщитъ правильное знаніе о догматахъ св. православной церкви, занялся прежде всего открытіемъ и устройствомъ братскихъ школъ. Съ этою цѣлью открыто три братскихъ пріюта, для обученія малолѣтнихъ дѣтей русской грамотѣ и закону Божію. Одинъ изъ такихъ пріютовъ окрытъ въ г. Каменцѣ, другой на Русскихъ, а третій на Польскихъ Фольваркахъ; первый открытъ 2 февраля, второй 24 генваря, третій 31 генваря 1865 г.

Число обучающихся въ первомъ пріютѣ 16 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ, во второмъ 40 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ, въ третьемъ 35 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ.

Устройство этихъ пріютовъ подробно обозначено въ правилахъ, составленныхъ совѣтомъ для училищъ каменецкаго православнаго братства и утвержденныхъ его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Леонтіемъ, епископомъ подольскимъ и брацлавскимъ, по сношеніи съ г. начальникомъ губерніи Н. Н. Сухотинымъ.

Наблюденіе за состояніемъ братскихъ пріютовъ раздѣлили между собою члены совѣта: въ городѣ старшій совѣтникъ

губернскаго управленія, Н. С. Гогоцкій и священникъ Е. С. Струмѣнскій; на Польскихъ Фольваркахъ польковникъ Н. С. Лебедевъ и священникъ С. Г. Корчевскій, на Русскихъ Фольваркахъ священникъ М. З. Доронович и Д. М. Монастырскій.

Преподаваніе закона Божія взяли не себя безмездно члены совѣта: въ городѣ священникъ Ф. Лазаркевичъ; на Польскихъ Фольваркахъ священникъ С. Г. Корчевскій, на Русскихъ Фольваркахъ священникъ М. З. Дороновичъ.

Годичное содержаніе каждаго изъ братскихъ пріютовъ опредѣлено совѣтомъ, на основаніи смѣтъ расходовъ, доставленныхъ попечителями школъ, въ слѣдующихъ цифрахъ:

1. *Каменецкій пріютъ.*

Наемъ квартиры, состоящей изъ двухъ комнатъ, кухни и кладовой	90	р.	с.
Учительницѣ	80	—	—
Прислугѣ	12	—	—
Отопленіе	15	—	—
Итого	197	р.	с.

2. *Русско-Фольварецкій пріютъ.*

Учителю	90	р.	с.
Прислугѣ	12	—	—
Мебель	20	—	—
Отопленіе	15	—	—
Итого	137	р.	с.

3. *Годичное содержаніе Польско-Фольварецкаго пріюта первоначально опредѣлено было такъ:*

Наемъ квартиры	50	р	с.
Двумъ учителямъ	72	—	—
Учительницѣ	60	—	—
Отопленіе	15	—	—
Служителю	12	—	—
Итого	209	р.	с

Съ 1 января этотъ пріютъ переведенъ въ другое мѣсто и годичное содержаніе его обойдется:

Наемъ квартиры, состоящей изъ двухъ комнатъ	60	р.	с.
Учителю	72	—	—
Учительницѣ	60	—	—
Прислугѣ	12	—	—

Меблировка	15 р. с.
Отопленіе.	16 — —
Итого	235 р. с.

По этой смѣтѣ годичное содержаніе всѣхъ братскихъ пріютовъ обойдется въ 569 р.

Въ одномъ изъ засѣданій братскаго совѣта положено было отнестись съ приглашеніемъ гг. книгопродавцамъ и просить ихъ о пожертвованіи, въ новооткрытыя школы, нужныхъ книгъ для первоначальнаго обученія. По этимъ приглашеніямъ присланы книги книгопродавцемъ А. В. Глазуновымъ: 10 экз. русской Грамматики Востокова, 4 экзем. Ариѳметики Меморскаго, 9 экз. Краткой Священной Исторіи, 19 экз. букварей и 11 экз. прописей; а также получены отъ кіевскаго Свято-Владимірскаго братства 16 книж. Житій святыхъ, 4 экз. О вѣрѣ и жизни христіанской, 1 экз. Новаго Завѣта, 1 кн. Часослова и 1 кн. Православнаго Исповѣданія. Всѣ эти книги раздѣлены между тремя братскими пріютами.

Въ послѣднее засѣданіе, 18 апрѣля, совѣтомъ братства опредѣлено было исправить крышу кладбищенской церкви, оштукатурить стѣны ея и побѣлить ихъ. Объ этомъ уже сдѣлано распоряженіе подольскою духовною консисторіею, чтобы епархіальный архитекторъ составилъ безъ замедленія смѣту на означенныя исправленія.

Приходъ и расходъ братскихъ суммъ.

Отъ пожертвованій различныхъ лицъ въ новопреобразованное братство собрано денегъ по 1 мая 1865 года, 2652 руб 92¼ коп. сер. А именно: отъ жителей г. Каменца поступило 1588 р. 92¼ коп. сер., совключеніемъ въ это число денегъ, собранныхъ съ двухъ концертовъ, данныхъ въ пользу братства-вокально музыкальнаго и духовнаго.

По приглашеніямъ отъ иногородныхъ жертвователей получено 1064 руб. сер.

По приглашеніямъ прежняго братства собрано отъ иногородныхъ жертвователей по 1 мая настоящаго года 726 р. 70½ коп. Эти деньги употреблены на уплату за постройку кладбищенской ограды.

РАСХОДЪ.

1. По каменецкому пріюту.

Учительницѣ съ м. декабря до мая включительно выдано 42 р. с.

На отопленіе	8 р.	с.
На прислугу	3 —	—
На наемъ квартиры за полугодіе	45 —	—
Итого	98 —	—

2. По польско-фольварецкому пріюту.

На жалованье учителю выдано	10 р.	
учительницѣ	15 —	
На наемъ квартиры	33 р.	65 к.
На меблировку	15 —	
На писчіе матеріалы	1 —	
На прислугу	2 —	
На отопленіе	5 —	50 к.
Итого	82 —	15 —

3. По русско-фольварецкому пріюту.

На жалованье учителю	27 р.
учительницѣ	3 —
На отопленіе	4 —
На мебель	10 —
Итого	44 —

На учебныя книги и учебныя пособія для братскихъ пріютовъ израсходовано . . . . 21 р. 20 к.

Итого расхода по училищамъ . . . . 245 — 35 —

На писчіе мателіалы для отписки по дѣламъ братства, на книги для записыванія пожертвованій приходо-расходную, входящихъ, исходящихъ бумагъ и на книгу для записыванія протоколовъ засѣданій совѣта израсходовано . . . 11 р. 10 к

На почтовыя марки	18 р.	
На устройство 12 брат. свѣчъ	24 р.	48 к.
На отопленіе двухъ соборныхъ печей и починку ихъ.	15 р.	30 к.
При богослуженіи въ день открытія братства . .	1 р.	50 к
Въ типографіи Крайза за литографированіе 1000 пригласительныхъ листовъ уплочено	15 р.	
За сундучекъ для храненія братскихъ свѣчъ . .	1 р.	
Письмоводителю братства по 7-е апрѣля уплочено.	20 р.	

Одному бѣдному семейству выдано 50 р. присланные на этотъ предметъ неизвѣстнымъ лицемъ.

Пѣвчимъ, участвовавшимъ въ духовномъ концертѣ выдано 25 р. Роздано бѣднымъ къ празднику Пасхи 100 р. въ числѣ которыхъ 65 р., собранные вмѣсто визитовъ въ праздникъ Рождества Христова препровождены въ братство г. начальникомъ гу-

бернiи. Деньги эти раздѣлены между слѣдующими приходами: соборнымъ, петропавловскимъ, польско-фольварецкимъ и русско-фольварецкимъ, по 25 руб. сер. на каждый.

Одной бѣдной вдовѣ священника, мужъ которой послѣ продолжительнаго легченiя въ г. Каменцѣ умеръ, выдано на погребенiе умершаго 20 р.

Выдано одному мѣщанину Польскихъ-фольвароковъ за содержанiе одного мальчика, сына чиновника, круглаго сироты, 4 р. за два мѣсяца.

Итого израсходовано со дня открытiя братства (съ 21 Ноября 1864 г.) по 1 Мая: 702 руб. 24 коп.

Осталось въ наличности по 1 Мая 1950 руб. 69½ коп. сереб.

Римскiй Юбилей въ 1865 году *).

Въ концѣ пресловутаго посланiя 8-го Декабря прошлаго года, папа Пiй IX говоритъ епископамъ: „если всегда, почтенные братья, мы должны съ вѣрою прибѣгать къ престолу милости, испрашивая милосердiя и своевременной помощи (auxilio opportuno), то теперь особенно, во время бѣдствiй церкви и гражданскаго общества, въ виду обширнаго заговора враговъ и скопища заблужденiй противъ церкви и святаго престола.“ Приглашая къ совокупной съ нимъ молитвѣ всѣхъ вѣрующихъ, папа прибѣгаетъ къ особенному средству, чтобы усилить ихъ благочестiе (pietatem excitare). „Но какъ молитвы людей прiятнѣе Богу, говоритъ онъ, когда онѣ исходятъ отъ чистаго и незапятнаннаго сердца, поэтому мы считаемъ нужнымъ открыть всѣмъ вѣрнымъ христiанамъ, съ апостольскою щедростiю, небесныя сокровища церкви, ввѣренныя нашему распоряженiю, чтобы живѣе возбудить ихъ истинное благочестiе и очистить ихъ отъ грѣховъ таинствомъ покаянiя, дабы они молились съ большею увѣренностiю и получили благодать и милосердiе **).

---

*) Хотя статья эта и запоздала немножко, но какъ юбилей продолжатся будетъ до истеченiя настоящаго 1865 года, то она все еще таки не лишилась интересса своевременности. *Ред.*

**) ... idcirco coelestes Ecclesiae thesauros dispensationi nostrae commissos Christi fidelibus Apostolica liberalitate reserare censuimus ut ildem fideles ad veram pietatem vehementius incensi, ac per poenitentiae sacramentum a peccatorum maculis expiati, fidentius suas preces ad Deum effundant, ejusque misericordiam et gratiam consequantur.

Поэтому мы даруемъ, въ силу нашей апостольской власти, всѣмъ вѣрнымъ членамъ церкви, обоего пола, полное всепрощеніе грѣховъ (plenariam indulgentiam), въ видѣ Юбилея въ продолженіи 1865-го года."

Да не смутится слухъ истинныхъ христіанъ и не подумаютъ они, что папа Пій IX открываетъ какой-нибудь земный банкъ, изъ котораго всякій, безъ особеннаго труда, можетъ получить пособіе! Таковъ уже языкъ латинской церкви, соотвѣтствующій впрочемъ и самымъ ея понятіямъ, въ которыхъ дѣла духа взвѣшены и измѣрены и втиснуты въ рамки строго-развитой внѣшней системы!

Не о денежномъ капиталѣ идетъ здѣсь рѣчь, но о *запасѣ добрыхъ дѣлъ,* кѣмъ-то ввѣренномъ распоряженію папы, объ особенномъ догматѣ латинской церкви, которымъ она отличается отъ церкви вселенской столько же, какъ и догматомъ о полновластіи римскихъ первосвященниковъ. Здѣсь рѣчь идетъ объ особомъ учрежденіи въ латинской церкви, объ *Юбилеѣ,* котораго также нельзя найти ни въ обрядахъ, ни въ преданіяхъ христіанской церкви и который напоминаетъ, впрочемъ только по названію, еврейскій синедріонъ.

Но что-же это за запасъ благостыни, которую папа можетъ, по своей волѣ, разливать потокомъ на всѣхъ сыновъ латинской церкви и что такое за торжество, извѣстное въ Римѣ подъ названіемъ Юбилея? Конечно и то и другое извѣстно нашимъ читателямъ и давно знакомо Западной Европѣ; но иногда старое и повидимому очень извѣстное получаетъ значеніе новости, смотря по времени, когда оно выражается и притомъ—какъ выражается. Папское посланіе сильно встревожило всю латинскую Европу; во имя современнаго просвѣщенія и самостоятельности государственной власти, возстали противъ него въ литературѣ и въ законодательныхъ собраніяхъ; но объявленіе Юбилея и торжественное подтвержденіе ученій Рима о запасѣ добрыхъ дѣлъ и индульгенціяхъ не встрѣтили никакого возраженія. Французское правительство эту часть посланія дозволило даже обнародовать въ церквахъ съ епископскихъ каѳедръ. Оно, стало быть, не видитъ въ этихъ ученіяхъ ничего особеннаго, несогласнаго съ христіанскими началами. Вотъ почему мы позволимъ себѣ поговорить съ нѣкоторою подробностію о догматѣ латинской церкви, о запасѣ добрыхъ дѣлъ и объ Юбилеѣ.

Латинское богословіе развилось въ полную систему, послѣ

того какъ Римъ отдѣлился отъ вселенской церкви, подъ вліяніемъ двухъ началъ: схоластической философіи и римскаго права. Самобытная жизнь церкви прекратилась въ одной изъ ея вѣтвей, отрѣзанной отъ корня. Латинская церковь, лишивши сама себя всякой связи съ органическою силою христіанской жизни, подпала подъ вліяніе преданій и ученій древняго языческаго міра. Не подъ вліяніемъ животворнаго начала новаго христіанскаго міра воспользовалась латинская церковь наслѣдствомъ, оставленнымъ міромъ древнимъ; напротивъ: свою жизнь и ученіе она развила по началамъ этого древняго міра. Внѣшняя дѣятельность подчинилась понятіямъ о государствѣ, и христіанство,—его же царство не отъ міра сего,—выразилось въ видѣ *церковнаго государства;* ученіе, отрѣшенное отъ жизни, превратилось въ простой запасъ правилъ, мнѣній и постановленій, который, по началамъ римскаго права и законамъ Аристотелевой логики, кропотливо до мелочности выработали въ строгую систему неутомимые богословы среднихъ вѣковъ. Порывъ свободной мысли, выразившійся въ жизни западныхъ государствъ со времени реформаціи, отбросилъ въ сторону эту вѣковую, муравьиную работу тружениковъ. Но въ тиши, незамѣчаемая общимъ движеніемъ жизни, она продолжалась. Поновленная въ трудахъ Беллярмина и потомъ Перроне, очищенная отъ многихъ подробностей—даже неприличныхъ въ наше время,—но оставаясь вѣрною общему направленію и главнымъ началамъ, она постоянно выражалась въ сочиненіяхъ ультрамонтанскихъ писателей, и въ настоящее время вновь торжественно провозглашена римскимъ первосвященникомъ. Въ этой системѣ латинскаго богословія занимаетъ не послѣднее мѣсто и догматъ о запасѣ добрыхъ дѣлъ (thesaurus superrogationis perfectorum), тѣсно связанный съ такъ называемыми *индульгенціями*, памятными Западной Европѣ столькими бѣдствіями!

Въ евангельскомъ ученіи заключаются два рода предписаній, говорятъ латинскіе богословы,—одни, которыя долженъ исполнять каждый, чтобы достигнуть спасенія, обязательныя для всѣхъ христіанъ; другія — болѣе совѣты, нежели предписанія (consilia Evangelica), не обязательныя для всѣхъ, не необходимыя для спасенія. Исполненіемъ послѣднихъ—вѣрующій, въ большей или меньшей мѣрѣ, достигаетъ извѣстной степени совершенства, которое не составляетъ необходимаго условія для спасенія. Совершенство, по понятіямъ латинской церкви, уже составляетъ

болѣе преимущества, особую привилегію высшаго правительственнаго сословія въ церковномъ государствѣ, іерархіи и монашескихъ орденовъ и сосредоточивается въ лицѣ папы. Изъ добрыхъ дѣлъ, выходящихъ изъ ряду необходимыхъ для спасенія (opera superrogatoria), и составляется то сокровище, запасный капиталъ, изъ котораго папы удѣляютъ нѣкоторыя доли грѣшникамъ, чтобы даровать имъ спасеніе. Такимъ образомъ живое единство вѣрующихъ въ христіанской церкви замѣнилось въ латинствѣ внѣшнимъ разсчетомъ, пополненіемъ недостатковъ однихъ—избыткомъ добрыхъ дѣлъ другихъ, и эту задачу перечисленія производятъ папы въ качествѣ верховной власти. „Вѣчная тяжба, вѣчный споръ противорѣчащихъ правъ передъ духовными законовѣдами папскаго Рима, говоритъ А. С. Хомяковъ, вотъ отношенія, замѣнившія собою внутреннее единство, которое пришествіемъ Христа установлено между творцомъ и его тварью. Вооруженный счетною книгою, раздѣленною на двѣ части, въ которой *долгъ* представляется какъ грѣхъ, а имущество, какъ *добрыя дѣла* (правда, подкрѣпляемыя жертвою Спасителя), человѣкъ хочетъ судиться съ Богомъ и желаетъ найти въ Римскомъ казуистѣ благосклоннаго себѣ судью. Впрочемъ его дѣло почти не можетъ быть проиграно. Только бы онъ былъ гражданиномъ церковнаго государства и покорнымъ рабомъ его правителей, онъ сдѣлается акціонеромъ рая за довольно умѣренную сумму добрыхъ дѣлъ и добрыхъ мыслей, а избытокъ, если таковой окажется, можетъ составить для него небольшой подвижной капиталъ, который будетъ находиться въ полномъ его распоряженіи; если же окажется дефицитъ, то онъ можетъ быть пополненъ займомъ, сдѣланнымъ у болѣе богатыхъ капиталистовъ. Если только балансъ вѣренъ, то Богъ ничего болѣе не требуетъ! Да простятъ мнѣ жесткость моей ироніи; ибо я остаюсь въ предѣлахъ самой строгой истины. И какой сынъ церкви могъ бы сдержать свое негодованіе, видя какъ сильно обезображено и какъ глубоко унижено апостольское ученіе! Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось христіанство!... И послѣ того будутъ строго судить невѣрующихъ!“ *).

Въ юбилейные годы папы съ особенною, апостольскою щедростію расточаютъ запасы благостыни, собранные въ этой сокровищницѣ добрыхъ дѣлъ, давая всѣмъ *полное* отпущеніе грѣховъ при нѣкоторыхъ условіяхъ. Главнымъ условіемъ было:

*) Правосл. Обозрѣніе 1864 г. Января ст. 35.

присутствіе въ Римѣ и посѣщеніе нѣкоторыхъ храмовъ, особенно св. Петра. Юбилей долженъ былъ повторяться чрезъ каждыя сто лѣтъ, но потомъ этотъ срокъ былъ сокращаемъ и наконецъ перешелъ въ неопредѣленный. Подобнаго торжества никогда не существовало въ христіанской церкви; въ первый разъ оно было установлено папою Бонифаціемъ VIII въ 1300 году. Какая же цѣль и какой смыслъ этого установленія и каковъ былъ папа—его учредитель?

Мы могли бы подробно изобразить личность папы Бонифація VIII стихами его знаменитаго современника, Данта; онъ часто говоритъ о немъ и въ „Чистилищѣ" и въ „Адѣ." Но Бонифацій былъ Гвельфъ, а Дантъ Гибеллинъ, его можно заподозрить въ пристрастіи къ своему политическому противнику. Указывая на многіе его пороки, онъ особенно упрекаетъ его въ ненасытной жадности къ богатству. Этотъ папа, говоритъ онъ, и его кардиналы забыли Евангеліе и Отцовъ церкви, они занимались только декреталіями; ихъ мысль не обращалась къ Назарету, но искала только обогащенія *). Но корыстолюбіе, въ которомъ Дантъ упрекаетъ Бонифація VIII, мы указываемъ потому только, что это подтверждаютъ всѣ другія историческія свидѣтельства. Приведемъ слова Муратори, котораго нельзя подозрѣвать въ пристрастіи: „Онъ заботился всѣми силами возвеличить и обогатить своихъ родственниковъ, собрать богатства, не разбирая какими бы то ни было средствами. Былъ человѣкъ, исполненный свѣтскихъ мыслей, непримиримый врагъ Гибеллиновъ. За то и они его не щадили; Дантъ обрекъ его на жесточайшія муки ада. Бенвенуто да Имола, частію хваля, частію порицая, называетъ его великодушнымъ грѣшникомъ. Говорятъ, будто-бы папа Целестинъ V сказалъ про него; что онъ достигъ папскаго престола какъ волкъ, правилъ церковью какъ левъ и умеръ какъ собака (entrerebbe nel pontificato qual volpe, regnerebbe qual leone, morebbe come cane)" **). Дѣйствительно,

*) Parad. IX ст. 127 и слѣд. Ср. такъ же infern. XIX. ст. 52 и слѣд. Purg. XXXII ст. 155 и слѣд. — In veste di pastor lupi rapaci, называетъ Дантъ современныхъ ему папъ. Бонифацій считался знатокомъ каноническаго права. Знаменитыя должныя декреталіи были собраны при Григоріѣ IX въ 1234 г., а при Бонифаціи дополнены цѣлою шестою книгою. F. Arrivabene, il secolo di Dante. Firenze 1830 vol. I. стр. 329 и сл. C. Balbo, vita di Dante Napoli 1840 гл. 2 кн. II.

**) Muratori ann. 1303 годъ т. VIII рад. 12.

вдумываясь въ причины, побудившія установить Юбилей, нельзя ничѣмъ объяснить его происхожденіе кромѣ простаго корыстолюбія. Если онъ напоминаетъ что-либо, то скорѣе всего столѣтнія игры древнихъ римлянъ (ludi saeculares *). Въ буллѣ Бонифація VIII, 1300 года, 22 февраля, установившей Юбилей, сказано только, что въ Римѣ существовалъ обычай отпущать грѣхи тѣмъ, которые посѣщаютъ храмъ *князя апостоловъ*, т. е. св. Петра. Въ виду этого обычая папа постановилъ давать полное отпущеніе грѣховъ такимъ посѣтителямъ чрезъ каждыя сто лѣтъ. Въ буллѣ 1343 года января 26 (unigenitus), папа Климентъ VI говоритъ, что безконечныя заслуги Сына Божія, вмѣстѣ съ заслугами Божіей Матери и всѣхъ святыхъ, составляютъ сокровище, которое онъ ввѣрилъ распоряженію апостола Петра и его преемниковъ; на *этомъ основаніи* Бонифацій VIII установилъ Юбилей; усматривая же, что въ Моисеевомъ законѣ, который духовно исполнить пришелъ І. Христосъ, былъ установленъ 50-лѣтній срокъ для юбилея еврейскаго, онъ сократилъ только до этого числа лѣтъ прежде установленный срокъ. Та же мысль выражена и въ буллѣ папы Николая 1449 года, января 19. Папы желали исполнить духовно то, что внѣшнимъ образомъ предоставлялъ юбилей въ ветхомъ завѣтѣ. Но римскій Юбилей, вмѣстѣ съ отпущеніемъ грѣховъ, представляетъ и другую, внѣшнюю сторону. По свидѣтельству современныхъ этимъ торжествамъ писателей, въ Римъ собирались сотни тысячъ народа со всѣхъ концовъ Европы. Противъ опаснаго и вреднаго для государствъ движенія народовъ возставали свѣтскіе государи и даже нѣкоторые епископы. Но воля папъ была сильна, и еще сильнѣе всеобщее вѣрованіе, что отпущеніе грѣховъ, данное самимъ папою, дѣйствительнѣе всякого другаго, а папа призывалъ для этого въ Римъ. Первымъ послѣдствіемъ огромнаго стеченія народа въ Римъ было — обогащеніе храмовъ богатыми вкладами и особенно папской казны. Другимъ, не менѣе важнымъ, умноженіе разбоевъ по дорогамъ и то, что многочисленныя толпы по улицамъ, на Тибрскомъ мосту и въ римскихъ храмахъ, ежедневно душили до смерти болѣе десятка несчастныхъ богомольцевъ во все время празднованія Юбилея. Въ утѣшеніе защитники папъ разсказываютъ, что въ Римѣ совершалось и много чудесъ въ это время. Но многіе, жаждавшіе отпущенія

*) Schroeck. Kirchengesch. XXVIII стр. 168 и 169.

7**

грѣховъ, не могли однакоже являться въ Римѣ, часто по причинамъ весьма важнымъ, а иногда и независѣвшимъ отъ ихъ воли. Они просили избавить ихъ отъ условія лично быть въ Римѣ, но сначала папа Климентъ отказалъ, говоря, что Юбилей установленъ—„не только для спасенія душъ, но и въ прославленіе святыхъ.“ Потомъ онъ дозволилъ нѣкоторымъ епископамъ давать всепрощеніе грѣховъ такимъ просителямъ, но собирая съ нихъ деньги, по строгой оцѣнкѣ, что могло бы имъ стоить путешествіе въ Римъ, и присылать эти деньги въ распоряженіе папы. Послѣдующіе папы наводнили наконецъ всю Европу своими уполномоченными, продававшими всѣмъ и каждому подобныя индульгенціи *). Такимъ образомъ цѣль учрежденія Юбилея ясно выразилась, какъ при самомъ его установленіи, такъ и въ послѣдующихъ повтореніяхъ. Папа расточалъ небесныя богатства съ цѣлію пріобрѣсть поболѣе богатствъ земныхъ.

Полагаетъ ли Пій IX, что и въ нынѣшнемъ году ему удастся собрать такія же толпы народа въ Римѣ, какія собирались прежде и этимъ способомъ поправить скудные свои финансы!

Мы привели слова А. С. Хомякова, который, говоря объ ученіи латинской церкви о запасѣ добрыхъ дѣлъ, до такой степени несогласномъ съ основными началами христіанства, невольно выразилъ удивленіе: какъ-же послѣ этого Римъ, проповѣдуя такія ученія, можетъ строго осуждать невѣріе? Когда вдумываешься въ значеніе римскаго Юбилея, невольно, въ добавокъ къ его восклицанію, просится другое: какъ-же можетъ Римъ, торжественно возобновляя подобныя учрежденія среднихъ вѣковъ, строго осуждать революцію, отлучать отъ церкви италіанскихъ патріотовъ и клеймить позоромъ италіанское правительство, когда въ немъ самомъ кроется источникъ и того и другаго направленія, препятствующихъ стройному развитію свободной жизни западныхъ народовъ?!

Реформація оказала огромную услугу самой латинской церкви. Этого не отрицаютъ даже сами ультрамонтанскіе писатели. Сражаясь съ своими противниками, она нѣсколько очистилась **). Съ одной стороны, воздерживаясь отъ явныхъ пороковъ и злоупотребленій или, по крайней мѣрѣ, скрывая ихъ соблюденіемъ внѣшнихъ приличій, она получила нѣкоторый видъ нравствен-

---

*) Fleury. Histoire Eccles. Кн. 89 гл. LXIX. кн. 95 гл. XIV и LI и др.
**) J. de Maistre. Lettres ined. vol. 11. p. 1.

наго и общественнаго благообразія; съ другой стороны, хотя папы и сочувствовали мнѣніямъ ультрамонтанскихъ писателей и іезуитовъ, однакоже опасались провозглашать ихъ непреложными ученіями самой церкви. Такое положеніе латинства послужило поводомъ къ тому, что возникла мысль о возможности примиренія ученій Рима съ современнымъ просвѣщеніемъ, и власти папъ — съ требованіями общественной и государственной жизни европейскихъ народовъ. Образовалась цѣлая литература, непослѣдовательная конечно въ изложеніи своихъ мнѣній, но какъ будто искренно желавшая ближе подойти къ началамъ христіанскимъ, прямо отрицавшая *увлеченія,* какъ она выражалась, ультрамонтановъ и іезуитовъ. Образовалась цѣлая партія католиковъ-либераловъ, которая, какъ напримѣръ въ Белгіи, хотѣла даже увѣрить, что она сочувствуетъ успѣхамъ просвѣщенія и защищаетъ свободу гораздо болѣе всѣхъ другихъ политическихъ партій. Торжественнымъ выраженіемъ этого направленія, увлекшимъ всю Италію, былъ самъ Пій IX въ первые годы послѣ своего возшествія на римскій престолъ. „Когда кардиналъ Мастаи, говорилъ государственный министръ Руэ въ засѣданіи французскаго сената 5-го марта, вышелъ изъ конклава, увѣнчанный папскою тіарою, первымъ его дѣйствіемъ было дарованіе всепрощенія, первымъ его словомъ была реформа, первою его заботою былъ прогрессъ и тогда Лигурійскія и Аппенинскія горы мгновенно озарились свѣтомъ милліона огней и ликовали. Развѣ Пій IX не былъ въ Италіи начинателемъ всѣхъ великихъ идей свободы, прогресса и цивилизаціи? Развѣ не восклицалъ г. Монталамберъ, что насталъ конецъ теократіи, а Тьеръ развѣ не поощрилъ папу смѣлѣе идти впередъ и патеръ Вентура развѣ не проповѣдывалъ, что религія не можетъ окрѣпнуть безъ свободы, а свобода не можетъ развиться безъ содѣйствія религіи!“ Но это было только личное увлеченіе новаго папы, который такъ искренно повѣрилъ въ возможность перерожденія латинской церкви, что помышлялъ даже о соединеніи церквей. Не одна слабость характера, въ которой такъ охотно упрекаютъ Пія IX даже его защитники, скоро заставила его обратиться въ другую сторону; но сила историческихъ преданій Рима, хотя не согласныхъ ни съ христіанствомъ, ни съ началами современнаго просвѣщенія, однакоже живыхъ и крѣпкихъ въ латинскомъ духовенствѣ. Возвратившись въ Римъ вслѣдъ за французскими штыками, папа предался совершенно въ руки ультрамонтановъ и іе-

зуитовъ. „Эта могущественная партія, какъ говорилъ въ засѣданіи французскаго сената 11-го марта, г. Руланъ, подстрекаетъ его, обманываетъ своими интригами и увлекаетъ неотступными просьбами. Притязанія этой партіи таковы, что съ нею невозможенъ никакой союзъ; а между тѣмъ религіозный прогрессъ можетъ совершиться только союзомъ церкви и государства. Этотъ союзъ будетъ крѣпокъ, когда государство признаетъ въ религіи силу просвѣщающую, а не власть, стремящуюся захватить самыя существенныя изъ его правъ.“ Но эта *партія*, какъ выражается французскій министръ, едва ли можетъ быть такъ названа, потому что она безусловно господствуетъ въ современной латинской церкви.

Въ лицѣ Пія IX представилось нашему времени странное и даже трагическое сочетаніе совершеннаго безсилія съ притязаніями на безусловную силу и власть въ судьбахъ міра. Въ его лицѣ исторія какъ будто выразила свой окончательный приговоръ латинской церкви. Главнѣйшая опора всѣхъ притязаній Рима, свѣтская власть папъ, рушилась совершенно. Нѣтъ ни одного изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ папы, который бы не былъ увѣренъ, что вслѣдъ за выходомъ изъ Рима послѣдняго французскаго солдата, и Пій IX долженъ будетъ оставить свою столицу. Между тѣмъ, онъ присвоиваетъ себѣ такую власть въ отношеніи къ существеннымъ основаніямъ вѣры, о которой конечно мечтали, но осторожно и съ робостью выражали на дѣлѣ его предшественники. Не созывая собора, одною собственною властію возводитъ на степень догмата церкви частное мнѣніе, далеко не всѣми раздѣляемое, даже принадлежащими къ латинскому исповѣданію *) и—торжественно провозглашаетъ свое неограниченное полновластіе въ судьбахъ міра!

*) Замѣчательно, что на способъ установленія догмата о безпорочномъ зачатіи Божіей Матери обратили вниманіе только нѣкоторые изъ публицистовъ-либераловъ. Вотъ что въ 1854 г. писалъ Лабуле: Dans une question ou l'Eglise, réunie en corps, devrait décider, aprés une mure instruction, suivant des formes protectrices et de concert avec le pape, on remplace le droit de tous les éveques par une grace faite a quelques priviligiés, on demande un avis bénévole et qui ne lie pas, a des pasteurs, qui devraient prononcer en legislateurs. Ce n'est pas seulement une opinion libre qu'on redige en article de foi, on renverse du meme coup l'ancienne constitution de l'Eglise. Jusqu, a ce jour l'Elise, établissant le dogme, était la réunion des pasteurs légitimes sous la conduite du pape. Demain l'Eglise sera le pape seul,» interrogeant les pasteurs, comme et quand il jugera a propos; les eveques, qu'en ce moment

Тщетно парижскій архіепископъ въ своемъ посланіи говоритъ, что папѣ „подобаетъ примирить разумъ съ вѣрою, свободу съ властью, политику съ церковью“ и призываетъ его благословить тѣ добрыя начала, которыя существуютъ въ современной жизни. Не все-же въ ней достойно проклятія и отлученія, „пусть изъ глубуны великодушнаго сердца выскажется одно изъ тѣхъ словъ, которыя, даруя прощеніе прошедшему и успокоивая настоящее, растворяютъ врата для будущаго.“ Посланіе монсиньора Дабруи и его рѣчь въ сенатѣ возбудили только гнѣвъ Рима. Изъ всей современной жизни Европы въ Римѣ находятъ сочувствіе только неаполитанскій разбой и польскій мятежъ!

Тщетно министръ Руэ призываетъ *французскихъ* епископовъ подумать о преобразованіи церкви. Это воззваніе къ *галликанскимъ* епископамъ, которыхъ уже не существуетъ болѣе!

А. Поповъ.

1864 Марта. (*День*).

Изъ Юго-Западнаго края.

Кіевскія Губернскія Вѣдомости сообщаютъ, что кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, усмотрѣвъ изъ представленныхъ кіевскимъ губернаторомъ свѣдѣній объ издаваемомъ монахами бердичевскаго кармелитскаго монастыря календарѣ, что правомъ изданія этого календаря монахи кармелитскаго монастыря пользуются безъ всякаго разрѣшенія, и находя, что календарь этотъ не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ и, какъ издаваемый по-польски, не можетъ удовлетворять потребностямъ большинства населенія юго-западнаго русскаго края, призналъ продолженіе изданія бердичевскаго календаря излишнимъ, тѣмъ болѣе что съ настоящаго года издается въ Кіевѣ народный календарь, болѣе удовлетворяющій требованіямъ здѣшняго края, и предположено на будущее время принять мѣры къ возможному улучшенію и дополненію сего изданія. Вслѣдствіе этого, кіевскій, подольскій и волынскій ге-

---

on veut bien consulter a Rome, serviront, non pas a conserver les droits, mais a lier les mains de leurs successeurs. Leur adhésion est la ruine des anciennes libertés de l'Eglise. Quel pouvoir refusera-t-on au pape, quand il aura établi le dogme par sa seule décistion, aux acclamations de l'episcopat?— Immac. Conception и отвѣтъ іезуиту кн. Гагарину въ Journal des Débats 1858 г.

нералъ-губернаторъ предложилъ кіевскому губернатору сдѣлать распоряженіе о прекращеніи изданія календаря монахами бердичевскаго кармелитскаго монастыря.

— Въ Житомирѣ и Луцкѣ недавно закрыты нынѣшнимъ главнымъ начальникомъ юго-западнаго края двѣ общины сестеръ милосердія, упраздненныя de jure двадцать два года тому назадъ, но до послѣдняго времени продолжавшія существовать de facto; мало того, что упраздненныя общины продолжали существовать,—онѣ ухитрялись даже получать значительную матеріяльную поддержку отъ казны. *Кіевлянинъ* сообщаетъ объ этихъ общинахъ слѣдующія подробности. Общины сестеръ милосердія въ Житомірѣ (шаритки) и Луцкѣ (бригитки) были основаны въ 1766 и 1829 годахъ и состояли въ духовной зависимости отъ ордена миссіонеровъ. Призваніе ихъ заключалось въ призрѣніи и воспитаніи подкидышей, сиротъ и вообще дѣтей, отдаваемыхъ имъ людьми недостаточнаго состоянія. До 1842 года житомірской общинѣ принадлежало имѣніе подъ названіемъ Вильскій ключъ, населенное 39? душами крестьянъ, и денежный капиталъ въ 65,000 р., составившійся изъ пожертвованій; а луцкая община владѣла недвижимымъ имѣніемъ въ 400 душъ и капиталомъ въ 17,000 р., образовавшимся изъ тѣхъ же источниковъ. Сверхъ того, общины пользовались отъ помѣщиковъ, по обязательной подпискѣ, всѣми необходимыми жизненными припасами. Еще въ 1837 году дошли до правительства свѣдѣнія, что, несмотря на безкорыстную повидимому цѣль служенія бѣднымъ, общины отчасти служатъ орудіемъ р. католической пропаганды, отчасти злоупотребляютъ находящимися въ ихъ рукахъ значительными матеріяльными средствами. Всѣ дѣти, находившіяся на ихъ попеченіи, воспитывались въ р. католическомъ духѣ, подкидыши получали крещеніе по латинскому обряду, хотя простой классъ населенія въ губерніи, изъ котораго поступали дѣти въ заведеніе общинъ, за небольшими исключеніями, принадлежитъ къ православной церкви. Луцкая община вовсе отвергала дѣтей православнаго исповѣданія, а бо́льшая часть принимаемыхъ, вслѣдствіе дурнаго присмотра, умирали; состояніе же находившейся при общинѣ больницы было такъ неудовлетворительно, что для всѣхъ умирающихъ одинъ гробъ и одна пара бѣлья служили на нѣсколько лѣтъ. Сверхъ того, вопреки запрещенію, сестры милосердія въ общинахъ въ числѣ прислуги содержали лицъ православнаго исповѣданія. Особыя рѣшительныя мѣры

противъ злоупотребленій были отложены до задуманнаго тогда общаго преобразованія р. католическихъ монастырей въ западной Россіи, которое и состоялось въ 1842 году. Въ этомъ году, на основаніи высочайшаго повелѣнія объ имѣніяхъ р. католическаго духовенства западныхъ губерній, капиталы и имѣнія общинъ сестеръ милосердія были взяты въ казенное управленіе; призрѣваемыя въ воспитательныхъ заведеніяхъ дѣти помѣщичьихъ крестьянъ обращены къ помѣщикамъ; дѣтей государственныхъ крестьянъ и бывшихъ во владѣніи духовенства предположено обратить на попеченіе министерства государственныхъ имуществъ, умалишенныхъ перевести въ кіевское богоугодное заведеніе, а госпитали и благотворительныя заведенія общинъ передать въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго призрѣнія. Такимъ образомъ должно было прекратиться существованіе общинъ сестеръ милосердія, въ видѣ дозволенныхъ и признанныхъ правительствомъ духовныхъ конгрегацій; вступленіе новыхъ лицъ въ званіе сестеръ милосердія было воспрещено, остававшимся же тогда на лицо сестрамъ предоставлено, не образуя уже изъ себя религіозной общины, заниматься уходомъ за больными въ заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія, съ полученіемъ отъ приказа помѣщенія и стола, и сверхъ того, отъ казны, пожизненно, по 40 р. содержанія въ годъ. Житомірскія сестры милосердія, по упраздненіи ихъ общины, остались въ принадлежавшемъ этой общинѣ зданіи, построенномъ въ 1821 году на счетъ частныхъ пожертвованій, и занимались уходомъ за больными, пока больница приказа общественнаго призрѣнія помѣщалась въ томъ же зданіи; когда же больница эта была переведена въ другой домъ, то сестры милосердія перестали ухаживать за больными и получать содержаніе по 40 руб. въ годъ. Чтобы, подъ благовиднымъ предлогомъ, продолжить существованіе своей общины, житомірскія шаритки объявили, что онѣ, по чувству состраданія къ сиротамъ, желаютъ оставить въ *своемъ зданіи* сиротскій домъ безъ всякаго возмездія. Желаніе ихъ было исполнено, и сиротскій домъ продолжалъ помѣщаться въ этомъ зданіи до 1861 года, впрочемъ *не безмездно,* ибо въ 1861 года за это помѣщеніе имъ исходатайствовано было 1,600 р. Изъ сказаннаго видно, что главнымъ поводомъ къ существованію житомірскихъ сестеръ въ видѣ общины послужило чуть ли не то обстоятельство, что зданіе, въ которомъ онѣ жили, не было въ 1842 года взято въ казенное вѣдомство

или обращено на другое употребленіе, подобно зданіямъ другихъ упраздненныхъ монастырей и обителей, а оставлено въ распоряженіи остававшихся на лицо сестеръ упраздненной общины. Впослѣдствіи имъ даже отпускались суммы за наемъ частей этого зданія подъ разныя заведенія, какъ будто это зданіе, составляло ихъ *личную собственность*, тогда какъ, вмѣстѣ со снятіемъ съ нихъ обязанностей, для которыхъ онѣ предназначались, ему слѣдовало очевидно перейдти въ вѣдѣніе тѣхъ правительственныхъ учрежденій, на которыя возлагалась прежняя миссія шаритокъ. Очень хорошо понимая, какъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о зданіи вопросъ о ихъ существованіи, шаритки въ 1854 году, на запросъ генералъ-губернатора, какую сумму онѣ желали бы получить, если бы ихъ домъ понадобился правительству, — отвѣчали, что онѣ не почитаютъ себя въ правѣ продавать зданіе, такъ какъ въ немъ помѣщается церковь. Такимъ образомъ община шаритокъ сохранила разными косвенными путями и подъ разными предлогами свое существованіе. Какъ житомірскія шаритки, такъ и луцкія бригитки ловко умѣли обойдти законъ, запрещающій монастырямъ увеличивать число своихъ членовъ. Дѣло въ томъ, что число монахинь дѣйствительно уже не увеличивалось; но за то на мѣсто выбывавшихъ поступали тотчасъ новыя изъ числа запасныхъ, офиціально не показываемыхъ въ спискахъ. Отсюда происходило, что сестры общинъ оказывались какъ бы безсмертными. Этого мало: обѣ общины послѣ 1842 года вновь образовали при себѣ воспитательныя заведенія, принимали въ нихъ подкидышей, крестили ихъ по римско-католическому обряду, воспитывали всѣхъ дѣтей въ духѣ противномъ господствующей церкви и народности, и держали православную прислугу. (Въ концѣ 1864 года въ житомірской общинѣ воспитывалось 28 дѣтей, изъ которыхъ 9, неизвѣстнаго происхожденія, окрещены были по римско-католическому обряду въ самой общинѣ; въ луцкой общинѣ воспитывалось 9 дѣтей). Однимъ словомъ въ 1864 г. въ исторіи ихъ повторились явленія совершенно аналогическія тѣмъ, какія открыты были въ ихъ дѣйствіяхъ 25 лѣтъ тому назадъ, въ 1839 году. Разница была только въ томъ, что прежде сестры милосердія содержали находящееся при нихъ заведеніе на средства принадлежавшія общинѣ, а теперь содержали его на суммы, отпускавшіяся имъ за помѣщеніе въ зданіи общины отдѣленія военнаго госпиталя и сиротскаго дома.

Свято-Кирилло-Меѳодіевское

православное братство.

Объ учрежденіи новаго православнаго братства подъ этимъ названіемъ было объявлено *прошлаго года* въ газетахъ и съ дозволенія правительства открытъ сборъ; но уставъ его утвержденъ только нынѣшней зимой. Прилагая и весь уставъ въ подробности, мы должны присовокупить, что развалины Преображенскаго монастыря не могли быть пріобрѣтены братствомъ, потому что имъ назначили другое употребленіе. Вмѣсто ихъ, по ходатаству г. министра государственныхъ имуществъ, Государь Императоръ благоволилъ разрѣшить передать во владѣніе братства зданіе и землю упраздненнаго капуцинскаго монастыря, тоже въ гор. Острогѣ. Эти зданія однако такъ запущены, что отчасти разваливаются. Чтобы исправить ихъ, нужны денежныя средства, которыя еще слишкомъ незначительны у братства для покрытія первыхъ издержекъ на исправленіе зданій и на устройство школы и лечебницы для приходящихъ *). Строительницы братства обращаются ко всѣмъ, кто пожелаетъ способствовать дѣлу воспитанія вообще и въ особенности дѣлу русскому въ Западномъ краѣ, съ просьбою помочь Свято-Кирилло-Меѳодіевскому острожскому братству или единовременнымъ пожертвованіемъ какой бы то ни было суммы, или занесеніемъ своего имени въ число братчиковъ-соревнователей съ обязательствомъ братскаго взноса каждогодно отъ 20 коп. до 1 руб., не превышая этой послѣдней суммы.

Каждое лице, желающее участвовать въ этомъ братскомъ дѣлѣ, живущее внѣ Петербурга, благоволитъ адресовать денежный взносъ свой въ Москву, ея сіятельству графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой, на Садовой, у Самотеки, въ домѣ Писемскаго, съ поясненіемъ, желаетъ ли это лицо быть записаннымъ въ число постоянныхъ братчиковъ-соревнователей, и въ такомъ случаѣ взносъ этотъ долженъ быть возобновляемъ ежегодно (и доставляемъ графинѣ Блудовой не позже половины апрѣля мѣсяца), или лице, дѣлающее взносъ, назначаетъ его *единовременнымъ вкладомъ*. Нѣкоторыя лица внесли одновременно, въ пользу братства, извѣстные капиталы, процентами съ коихъ они по-

*) До сего времени поступило вообще всей суммы 3,517 р. 85 к. изъ коей 1,581 р. 5 к. собственно на благочинную школу въ память покойнаго графа Блудова.

желали замѣнять ежегодно братскіе взносы: такъ 4% съ 25 р. составятъ рубль ежегоднаго взноса.

Живущіе же въ Петербургѣ и его окрестностяхъ приглашаются записываться въ братчики-соревнователи и уплачивать братскіе взносы у старшаго братчика Меѳодія Мироновича Молчанова ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 5 до 8 часовъ вечера, въ квартирѣ его у Симіоновскаго моста, противъ дѣтскаго сквера, въ домѣ г-жи Ралль, № 1 и 2, квар. № 8, входъ съ набережной Фонтанки. Въ полученіи денегъ будутъ выдаваемы росписки. Такъ какъ въ церкви во имя святыхъ Кирилла и Меѳодія въ городѣ Острогѣ будутъ возноситься молитвы за здравіе жертвователей, споспѣшествующихъ этому дѣлу, то покорнѣйше просятъ сообщать, при взносахъ, имена лицъ, о коихъ должны быть возносимы молитвы заздравныя или заупокойныя.

Кромѣ доставленныхъ братчиками по ихъ книжкамъ, получены по почтѣ слѣдующія деньги черезъ Марью Сергѣевну Муханову 25 р. за упокой Екатерины; изъ Кременчуга: *ежегодные взносы* за 1864 г. по одному руб. отъ Анисьи Есаковой, Варвары Егоровой и Маріи Гоголь; чрезъ графиню Протасову изъ дома протоіерея Терновскаго 25 р., отъ Великаго Князя Михаила Николаевича 50 р., отъ Великой Княгини Елены Павловны 50 р., изъ Житоміра отъ русской дворянки 50 р.

На подлинномъ рукою архіепископа волынскаго и житомірскаго Антонія написано: «Утверждается 2-го марта 1865 года.»

УСТАВЪ
Острожскаго кирилло-меѳодіевскаго православнаго церковнаго братства.

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТАГО ДУХА.

§ 1. *Устройство и названіе братства.* Въ городѣ Острогѣ волынской губерніи (бывшей резиденціи ревностнаго поборника православія, князя Константина Острожскаго), учреждается православное, церковное братство, и въ память просвѣтителей славянъ называется Свято-Кирилло-Меѳодіевскимъ.

§ 2. Братство это должно состоять при предполагаемой къ устройству церкви во имя святыхъ Кирилла и Меѳодія и Пантелеймона цѣлителя.

§ 3. *Составъ братства.* Братство состоитъ изъ:

1) Старшихъ братчиковъ *), 2) основательницъ или стро-

*) Употреблено это названіе потому, что въ древнихъ братствахъ православныхъ и въ существующихъ еще остаткахъ этихъ братствъ, члены ихъ такъ называются.

ительницъ братства 3), мѣстныхъ острожскихъ братчиковъ и сестеръ и 4) членовъ соревнователей и соревновательницъ.

§ 4. *Обязанности братчиковъ и сестеръ.* Старшіе братчики и основательницы или строительницы братства обязаны каждый по мѣрѣ средствъ и возможности стараться о распространеніи, поддержаніи и развитіи братства. Старшіе братчики назначаются строительницами братства по единогласному избранію. Каждый изъ старшихъ братчиковъ имѣетъ книгу для внесенія именъ братчиковъ соревнователей, отвѣчаетъ за исправность взноса тѣхъ, которые внесены въ его книгу и разсылаетъ имъ ежегодно отчеты братства, а имена вписанныхъ имъ сообщаетъ разъ въ мѣсяцъ попечительницѣ графинѣ Блудовой для внесенія ихъ въ общую книгу братства, которая хранится у нея, а копія должна находиться въ церкви братства въ городѣ Острогѣ. Старшіе братчики, наравнѣ со всѣми другими братчиками, обязаны вносить ежегодно плату по ихъ усмотрѣнію отъ 20 коп. до 1 р. с., никакъ не больше *). Они съѣзжаются разъ въ годъ 11-го мая для слушанія литургіи и молебна *Святымъ Кириллу и Меѳодію и святому Пантелеймону цѣлителю.* Они съѣзжаются тоже по назначенію для переговоровъ о томъ, что сдѣлано ими въ пользу братства, о томъ, что предполагается дѣлать и для чтенія писемъ изъ города Острога; впрочемъ этотъ братскій съѣздъ не составляетъ ни совѣта, ни комитета, братчики не имѣютъ права рѣшать ничего, не подаютъ голосовъ и не балотируютъ, а просто бесѣдуютъ между собою въ видахъ пользы для братства черезъ взаимный обмѣнъ мыслей и мнѣній. Дѣла же братства ведетъ совѣтъ мѣстныхъ братчиковъ и сестеръ въ ихъ собраніи въ городѣ Острогѣ. По дѣламъ же первоначальнаго устройства зданій, школъ и прочихъ заведеній, и по дѣламъ требующимъ издержекъ болѣе чѣмъ на $1/5$ всей братской суммы, совѣтъ сообщаетъ предварительно рѣшеніе свое графинѣ Блудовой и двумъ строительницамъ братства (избираемыхъ ежегодно), и неранѣе какъ по полученіи ихъ согласія приводитъ таковыя рѣшенія въ исполненіе. Одинъ изъ старшихъ братчиковъ, *по выбору или по очереди,* обязанъ разъ въ годъ побывать въ городѣ Острогѣ и провести тамъ не менѣе двухъ недѣль,

*) Запрещеніе *добровольнаго* вноса неболѣе 1 рубля непонятно — значитъ нѣтъ никакой надежды, чтобъ братство могло когда нибудь добиться порядочныхъ денежныхъ средствъ, нужныхъ для достиженія его цѣлей. Намъ кажется слѣдовало бы 1 р. назначить minimum ежегоднаго взноса. *Ред.*

или отправить туда на свой счетъ и подъ свою отвѣтственность вѣрнаго и свѣдущаго человѣка для осмостра матеріальнаго положенія церкви, зданій вообще, школы, библіотеки и прочихъ заведеній, какія будутъ со временемъ, а равно и для повѣрки счетной части.

Основательницы или строительницы братсгва обязаны внести единовременно при основаніи братства по 50 р. сер. каждая на устройство зданій, и по мѣрѣ возможности, помогать къ сбору для поправокъ, перестроекъ и снабженія всѣмъ нужнымъ тѣхъ заведеній, которыя найдутъ нужнымъ основать при братствѣ въ городѣ Острогѣ. Каждая изъ нихъ имѣетъ книгу для внесенія именъ братчиковъ, и отвѣчаетъ за исправность взноса братчиковъ по ея книгѣ. Если средства позволятъ завести постоянную школу, богадельню или больницу, то онѣ будутъ имѣть право *по очереди* назначать на вакантныя мѣста учениць, больныхъ и призрѣваемыхъ престарѣлыхъ.

Обязанности мѣстныхъ острожскихъ братчиковъ и сестеръ подробно означены ниже.

Члены соревнователи и соревновательницы только вносятъ ежегодную плату въ пользу братства отъ 20 к. до 1 руб. сер. по своему усмотрѣнію, но никакъ не больше *1 руб. въ годъ*, чтобы обязательный взносъ ни для кого не сдѣлался обременительнымъ. Имъ посылается ежегодно отчетъ чрезъ старшаго братчика, у котораго они записались, и на эти отчеты они имѣютъ право дѣлать свои замѣчанія и присылать ихъ старшему братчику, или печатать ихъ въ газетахъ: „Русскій Инвалидъ“, „С.-Ппб. Вѣдомости“, „Московскія Вѣдомости;“ „День“, „Душеполезное чтеніе“, „Странникъ“,—напечатанныя въ другихъ журналахъ замѣчанія не доходили бы прямо до графини Блудовой. Вь соревнователи могутъ вступать лица обоего пола изъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ мѣстностей Россіи или проживающихъ за границей исповѣдующихъ православную вѣру.

§ 5. *Средства братства.* Доходовъ для поддержанія братства не имѣется никакихъ, кромѣ а) добровольныхъ подаяній, и б) ежегодныхъ взносовъ братчиковъ, отъ 20 коп. до 1 руб. сер., какъ выше сказано.

а) *Вклады. Единовременные взносы или вклады* принимаются безразлично отъ всѣхъ *православныхъ* безъ ограниченія суммы или числа вещей, черезъ посредство старшихъ брат-

чиковъ, или прямо на имя графини Блудовой. Сборы тоже не должны быть дѣлаемы между не православными, по самому направленію братства, которое не можетъ возбудить сочувствія въ людяхъ относящихся съ холодностію или скептицизмомъ къ вѣрѣ въ молитвенное заступничество святыхъ угодниковъ нашей церкви.

б) *Братскіе взносы.* Ежегодные *обязательные* взносы, какъ выше сказано, *не должны превышать* 1 руб. въ годъ, какъ отъ старшихъ, такъ и отъ мѣстныхъ братчиковъ и сестеръ и членовъ соревнователей. Вклады за *здравіе* и *за упокоеніе души* записываются въ церкви по желанію дателей. Равно записываются имена всѣхъ братчиковъ, и за нихъ вынимаются части при литургіи въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, за здравіе живыхъ и за упокой почившихъ. Ежегодные *братскіе взносы* должны всѣ быть употребляемы *исключительно* на заведеніе и нужды мѣстнаго братства въ самомъ городѣ Острогѣ.

Единовременные вклады обращаются, куда назначатъ датели, а если нѣтъ особаго назначенія, то упогребляются въ общее дѣло по усмотрѣнію гаафини Блудовой и двухъ строительницъ братства избираемыхъ ежегодно. Ни концертовъ, ни баловъ, ни театральныхъ представленій, ни лотерей, ни литературныхъ чтеній въ пользу братства или для вкладовъ по дѣлу братства не дозволяется, потому что предполагается братство чисто *церковное,* не дозволяющее сборовъ посредствомъ свѣтскихъ увеселеній, и такіе сборы не должны быть приняты братчиками ни подъ какимъ предлогомъ. Братчики не должны принимать сами, ни испрашивать для другихъ, ни крестовъ, ни медалей, никакихъ знаковъ отличія, ни наградъ, ни закакія услуги, *оказанныя по дѣлу братства.* Не позволяется носить никакихъ особенныхъ знаковъ, украшеній, символовъ, костюмовъ, однымъ словомъ ничего отличающаго, по наружности, братчиковъ.

§ 6. *Дѣятельность братства.* Братство должно открыть сборъ по всей Россіи для построенія церкви во имя *святыхъ Кирилла* и *Меѳодія,* съ придѣломъ, *святаго Пантелеймона, цѣлителя* въ городѣ Острогѣ.

Но пока не соберется довольно значительной суммы для этой постройки, предполагается устроить домовую церковь во имя святыхъ *Кирилла* и *Меѳодія* и при ней помѣстить

малое первоначальное училище и двухъ или трехъ сестеръ милосердія, называемыхъ въ народѣ *черничками*, для раздачи приходящимъ больнымъ безденежно лекарствъ и для посѣщенія больныхъ на дому.

Если же средства братства съ благословенія Божія, *разширятся*, то предполагается завести училище для дѣвицъ, съ нѣсколькими постоянно живущими въ училищѣ дѣвицами, и принимать на воспитаніе сиротъ; устроить небольшую больницу и богадельню для престарѣлыхъ и неизлечимыхъ.

Но всѣ эти заведенія потребовали бы большихъ средствъ, которыя во всякомъ случаѣ не скоро *пріобрѣтутся*.

Началомъ слѣдовательно будетъ только:

1) Основаніе маленькаго училища для приходящицъ, при домовой церкви сатыхъ *Кирилла* и *Меѳодія*.

2) Маленькаго лазарета для приходящихъ *).

3) Маленькой библіотеки или склада книгъ, гдѣ можно бы было приходить занимать книги или журналы, и выписывать или покупать книги на мѣстѣ, и

4) Малочисленнаго высшаго училища для дѣвицъ острожскаго благочинія въ память графа Дмитрія Николаевича *Блудова*.

§ 7) *Цѣль братства*. Цѣль братства принести должную дань благодарности памяти нашихъ первоучителей святыхъ солунскихъ братьевъ Кирилла и Меѳодія, чрезъ постоянную молитву, хваленіе и благодареніе церкви, посвященной ихъ святой памяти, и чрезъ посильное стараніе подражать ихъ дѣятельности, распространеніемъ *христіанскаго просвѣщенія* въ двухъ православныхъ церквахъ, ихъ братской любви любовью къ ближнимъ, ихъ неутомимымъ трудамъ, терпѣніемъ, кротостію, ревностью и постоянствомъ въ служеніи церкви православной.

§ 8. *Управленіе братства*. Основательницы (*строительницы*) братства: Елена Николаевна *Нелидова*, (урожд. Анненкова); Настасья Александровна *Назимова*; Софья Николаевна *Батюшкова*; Юлія Николаевна *Зиновьева*; княгиня Екатерина Дмитріевна *Долгорукова*; Анна Ѳеодоровна *Тютчева*; Екатерина Петровна *Ермолова*; Елисавета Николаевна *Карамзина*; Софья Васильевна *Ланская*; Варвара Васильевна *Ланская*;

---

*) Предполагается лечебницу эту устроить въ память въ Бозѣ почившаго Виликаго Князя Цесаревича Николая Александровича.

Марья Ивановна *Сенявина;* Елисавета Дмитріевна *Стремоухова;* княгиня Елисавета Петровна *Урусова;* Екатерина Васильевна *Галаганъ;* Зойя Александровна *Зарудная;* Анна Петровна *Исакова;* Марья Сергѣевна *Муханова;* княгиня Марья Александровна *Мещерская;* Елисавета Васильевна *Дашкова;* графиня Александра Григорьевна *Шереметева;* графиня Антонина Дмитріевна *Блудова.*

Старшіе братчики: статсъ-секретарь *Корниловъ;* сенаторъ *Ремеръ;* надворный совѣтникъ *Молчановъ.*

Главная попечительница и руководительница братства есть:

Графиня Блудова, которая принимаетъ на себя (или возлагаетъ на одну изъ строительницъ) ходатайство по дѣламъ братства внѣ города Острога, заботится при содѣйствіи другихъ строительницъ о преуспѣяніи братства, исполненіи имъ обязанностей въ предѣлахъ сего устава, и объ отклоненіи всѣхъ дѣйствій выходящихъ изъ круга его обязанностей.

Она имѣетъ особенный надзоръ и распоряженія надъ училищемъ для дѣвицъ.

Дѣлами братства на мѣстѣ въ городѣ Острогѣ завѣдуютъ мѣстные острожскіе братчики и сестры по слѣдующимъ правиламъ:

а) *Мѣстные острожскіе братчики и сестры братства святыхъ Кирилла* и *Меѳодія* поставляютъ цѣлію своей дѣятельности безкорыстное, ради единой любви ко Христу, вспомоществованіе церквамъ г. Острога и ближайшихъ селъ, и всѣмъ бѣднымъ прихожанамъ этихъ церквей, ученіе дѣтей и даже взрозлыхъ закону Божію, русской грамотѣ, чистописанію и счетамъ и пособіе лекарствомъ и уходомъ за больными на дому.

Братство состоитъ изъ братчиковъ и сестеръ, жителей г. Острога, тоже изъ лицъ пріѣзжихъ изъ другихъ мѣстностей, желающихъ послужить Господу нашему Іисусу Христу въ лицѣ его меньшей братіи.

Въ братство мѣстное, острожское, могутъ вступать лица всякаго званія и пола, исповѣдующія православную христіанскую вѣру, отличающіеся усердіемъ къ церкви и любовію къ бѣднымъ, согласныя давать братству обязательный ежегодный взносъ отъ 20 коп. до 1 руб. сер., по ихъ усмотрѣнію (но никакъ не больше одного рубля въ годъ) и представляющія письменныя ручательства своего духовнаго отца и двухъ братчиковъ или двухъ сестеръ о незазорности жизни своей.

б) *Принятіе въ мѣстное братство.* Лице, желающее вступить въ братство, объявляетъ устно или письменно о своемъ желаніи старѣйшему братчику, представляетъ при семъ надлежащія *письменныя ручательства,* (1) и затѣмъ браткій совѣтъ разрѣшаетъ принять ли его.

Если удостоится принятія въ братство, то приводится однимъ изъ старшихъ братчиковъ (если мужчина) или одною изъ старшихъ сестеръ (если женщина) въ слѣдующее собраніе братскаго совѣта, предъ которымъ словесно подтвержаетъ свое желаніе вступить въ братство, и дастъ обѣщаніе служить братству по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ. Затѣмъ всѣ идутъ въ церковь, гдѣ служится молебенъ Спасителю, Божіей Матери и св. Кириллу и Меѳодію, послѣ котораго вновь принятый братчикъ вноситъ опредѣленный имъ же самимъ годовой взносъ отъ 20 коп. до 1 руб., и вписывается въ братскій списокъ,

в) *Обязанности братчиковъ и сестеръ.* Всѣ братчики и сестры, помня заповѣдь Христову о братской любви, обязуются жить въ мирѣ со всѣми братчиками и сестрами, всѣ случающіяся несогласія прекращать по братски, споры свои или недоразумѣнія оканчивать посредствомъ братскаго совѣта, не считаться между собою внѣшними преимуществами, неуклонно посѣщать братскія общія собранія (не совѣтъ) и добросовѣстно исполнять всѣ правила и порученія братства.

г) *Братскія пени.* Въ случаѣ неисполненія какимъ либо членомъ братства братскихъ обязанностей, онъ, по рѣшенію братскаго совѣта, подвергается духовному увѣщанію, или совершенному удаленію изъ братства, смотря по степени его вины и чувству раскаянія провинившагося.

д) Дѣлами братства на мѣстѣ въ г. Острогѣ завѣдуютъ: братскій совѣтъ и братское собраніе.

е) Братскій совѣтъ подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго острожскаго братчика составляется изъ братчиковъ и сестеръ ежегодно избираемыхъ общимъ братскимъ собраніемъ съ согласія старшаго братчика очереднаго, т. е. пріѣхавшаго отъ своего Кирилло-Меѳодіевскаго братства на двѣ недѣли въ г. Острогъ; по этому избранія должны быть назначены въ то же время какъ пріѣздъ братчика. Избираются же въ совѣтѣ братства братчики и сестры для завѣдыванія отдѣльными братскими дѣлами, а именно: а) церковный староста, б) два братчика и

(1) Много хлопотъ! *Ред.*

двѣ сестры для больныхъ, изъ нихъ одинъ долженъ быть непремѣнно врачъ, в) изъ одного братчика и одной сестры, завѣдывающими дѣтьми въ школѣ, г) изъ одного братчика и одной сестры, завѣдывающими дѣлами хозяйственными, д) изъ одного братчика и одной сестры, завѣдывающими братской библіотекой.

ж) *Обязанности братскаго совѣта.* Братскій совѣтъ собирается въ первое воскресенье каждаго мѣсяца послѣ литургіи и молебна, въ школьной комнатѣ, и рѣшаетъ всѣ текущія дѣла братства, принимаетъ новыхъ братчиковъ и удаляетъ недостойныхъ, даетъ порученія и направляетъ дѣятельность каждаго братчика, повѣряетъ приходорасходныя книги братскія, свидѣтельствуетъ братскую казну, производитъ уплату по счетамъ представляемымъ братству, наблюдаетъ за дѣятельностію братства, ведетъ лѣтопись дѣятельности братства и представляетъ общему братскому собранію ежегодный подробный отчетъ о дѣятельности и состояніи братства, отправляетъ каждый мѣсяцъ къ графинѣ Блудовой подробный отчетъ о своей дѣятельности, издержкахъ, пріобрѣтеніяхъ и нуждахъ.

з) *Общее братское собраніе мѣстное.* Общее братское собраніе бываетъ два раза въ годъ, въ воскресенье *за недѣлю предъ* братскимъ праздникомъ (11-го мая св. Кирила и Меѳодія), послѣ литургіи, за которой совершается общее братское моленіе о всѣхъ живыхъ и умершихъ братчикахъ и сестрахъ, внесенныхъ въ заздравные помянники братскіе. Въ этомъ собраніи читается общій годовой отчетъ о дѣятельности и состояніи братства, происходитъ избраніе братчиковъ и сестеръ въ члены братскаго совѣта, и связанныя съ этимъ званіемъ должности, и производится сборъ ежегодныхъ братскихъ взносовъ.

Другое общее собраніе бываетъ тоже разъ въ годъ, въ пріѣздъ старшаго очереднаго братчика, въ его присутствіи для слушанія годоваго отчета и для повѣрки счетовъ, осмотра матеріальнаго состоянія церкви и зданій, и дабы ознакомить его съ средствами и нуждами мѣстнаго братства. Съ нимъ отправляются рѣшенія братскаго совѣта къ графинѣ Блудовой на согласіе ея и *очередныхъ* сестеръ строительницъ; безъ этого согласія, дѣла, требующія издержекъ болѣе чѣмъ на $1/_5$ всей братской суммы и дѣла по устройству зданій, школъ и прочихъ заведеній, не могутъ быть окончательно рѣшенными. Къ этому разряду относятся дѣла спорныя мѣстныхъ братчиковъ.

и) *Характеръ братскихъ собраній и рѣшеніе дѣлъ на нихъ.* Всѣ вообще братскія собранія, собразно высокому христіанско-

му значенію ихъ, должны начинаться и кончаться молитвою и быть ведены скромно и тихо.

Дѣла рѣшаются *единогласно,* въ случаѣ разногласія *временное* преимущество отдается тому рѣшенію, съ которымъ соглашается *старѣйшій братчикъ;* тутъ же сносятся съ графиней Блудовой и очередными строительницами и онѣ окончательно рѣшаютъ спорные пункты.

к) *Братская казна.* Братская казна образуется изъ опредѣленныхъ братскихъ взносовъ отъ 20 коп. до 1 руб. сер. общаго братскаго сбора, изъ денегъ, собираемыхъ въ кружки въ братской церкви, изъ денегъ, собираемыхъ по братскимъ тетрадямъ, выдаваемымъ старшимъ братчикомъ, изъ денегъ собираемыхъ въ приходахъ г Острога, наконецъ изъ добровольныхъ всякаго рода пожертвованій, приносимыхъ или собираемыхъ мѣстными братчиками.

л) *Мѣсто храненія братской казны.* Всѣ денежныя и вещественныя пожертвованія вносятся братчикомъ казначеемъ въ братскую книгу и хранятся въ церкви въ особомъ братскомъ сундукѣ за печатью старѣйшаго братчика и церковнаго старосты, за замкомъ, котораго ключи у братскаго казначея.

м) *Братскія преимущества.* Всѣ мѣстные братчики и сестры въ г. Острогѣ, дающіе обѣщаніе служить святой церкви и своимъ ближнимъ, исключительно ради Христа, не должны искать внѣшнихъ преимуществъ, а могутъ имѣть только два права, освященныя уставомъ всѣхъ древнихъ православныхъ церковныхъ братствъ, а именно: внесеніе ихъ именъ въ братскіе заздравные и заупокойные помянники и дозволеніе стоять въ церкви съ братскими свѣчами въ рукахъ на всеношномъ бдѣніи, наканунѣ большихъ праздниковъ въ положенное церковнымъ уставомъ время.

н) *Братскія свѣчи.* Братскія свѣчи пріобрѣтаются братчиками и сестрами на ихъ собственный счетъ, но огарки отъ нихъ поступаютъ въ пользу церкви для пріобщенія къ церковному доходу.

§ 9. *Братскій уставъ.* Сей братскій уставъ подписывается всѣми братчиками и сестрами и долженъ храниться въ церкви святыхъ Кирилла и Мефодія въ г. Острогѣ. Сей уставъ острожскаго святаго Кирилла Мефодіевскаго братства нашего во Христѣ, мы нижеподписавшіеся обѣщаемъ исполнять ненарушимо, ради спасенія душъ нашихъ, во свидѣтельство чего и подтверждаемъ оный собственноручно подписью нашею и мо-

лимъ Господа Бога да сохранитъ Онъ наше во Христѣ братство отъ взякаго зла. Аминь.

Русская Вильна.

Плодомъ польскихъ демонстрацій въ Вильнѣ было замѣтное обрусеніе города. Какъ измѣнился онъ, благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ бывшаго начальника края! На домахъ и лавкахъ, вездѣ русскія вывѣски; биржевые извощики въ русскихъ армякахъ; возсозидаются и украшаются русскіе православные храмы; весело работаютъ русскіе люди подъ звуки русскаго напѣва. Въ присутственныхъ мѣстахъ, на публичныхъ гуляньяхъ, вездѣ порадуетъ васъ русскій говоръ. Въ лавкахъ и на базарѣ обратятся еще къ вамъ иногда съ польскою рѣчью; но, какъ скоро вы заговорите по русски, еврей ли, полякъ ли будетъ отвѣчать вамъ на вашемъ языкѣ: нѣтъ надобности русскому человѣку переламывать свой языкъ на польскій ладъ. Проходя по одному изъ заднихъ проулковъ города, я остановился въ недоумѣніи, услышавъ чисто русскую рѣчь въ кругу бѣдно одѣтыхъ мальчиковъ; оказалось, что это дѣти изъ воспитательнаго дома. Прежде польскія *девотки* обучали въ этомъ богоугодномъ заведеніи дѣтей немножко польской грамотѣ, но много съ польскимъ духомъ, и выпускали несчастныхъ неспособными ни къ какой работѣ: теперь мальчикъ съ какою-то гордостію поспѣшилъ заявить мнѣ, что всѣ дѣти въ заведѣніи и дѣвочки и мальчики—русскіе, и кромѣ грамоты обучаются разнымъ мастерствамъ. Вотъ гдѣ, подумалъ я, хоть небогатый запасъ туземной русской народности! Никто не напомнилъ объ немъ до графа Муравьева, и въ теченіе двухъ поколѣній, домъ Младенца Іисуса обращался на усиленіе польской пропаганды и польскаго пролетаріата. Два года тому назадъ, можно полагать, не одна сотня бывшихъ питомцевъ этого пріюта ушла до лясу; а теперь отсюда будутъ выходить русскіе мастеровые, кухарки, швейки, прачки и прочій трудящійся людъ! Почему бы не устроить и всѣхъ пріютовъ и безплатныхъ школъ въ западномъ краѣ по такой-же программѣ?—Но мы боимся и тѣни подозрѣнія въ пропагандѣ!—Въ настоящее время русское общество въ Вильнѣ, не считая множества военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, получило замѣчательное подспорье въ рабочемъ классѣ. Городъ обстроивается: то передѣлываются, то вновь воздвигаются четыре православные храма. 23 іюня освящена закладка обширнаго зданія присутственныхъ мѣстъ на площади противъ римско-католическаго

каѳедральнаго собора, въ присутствіи главнаго начальника края и при многочисленномъ собраніи военныхъ и гражданскихъ чиновъ города. Прекрасная погода благопріятствовала торжеству. По совершеніи церковнаго обряда соборнымъ православнымъ духовенствомъ, тутъ же на площади въ галлереѣ, убранной зеленью и цвѣтами, предложенъ былъ обществу завтракъ. Заздравные тосты за Государя Императора и за главнаго начальника края сопровождались громкимъ ура. Дай Богъ, чтобы стѣны зданія, воздвигаемаго русскими людьми, навсегда пропитаны были духомъ русскаго патріотизма, а не обращались бы въ орудіе польско-революціонныхъ затѣй! Многочисленныя постройки привлекли въ Вильну артели мастеровыхъ изъ Петербурга, изъ — подъ Москвы и другихъ мѣстъ центральной Россіи. 24 іюня вечеромъ все русское населеніе Вильны стеклось на народное гулянье за городъ. По направленію желѣзной дороги къ Динабургу есть мѣстность Росса, названная такъ потому, что примыкаетъ къ части города, въ которой встарину сѣлились русскіе, и называвшейся по этому русскимъ концемъ, и потому что здѣсь встарину было кладбище, на которомъ погребались исключительно русскіе — кладбище это впослѣдствіи отошло къ римско-католикамъ, но названіе его осталось прежнее — Росса. Вообще окрестности Вильны чрезвычайно живописны; но на Россѣ природа такъ прихотливо сгруппировала горы и тѣсныя ложбины, что на протяженіи одной версты желѣзная дорога то прячется въ ущельи, то дерзко виситъ надъ глубокимъ, крутымъ оврагомъ. Одна изъ такихъ лощинъ, перерѣзанная полотномъ желѣзной дороги, служила мѣстомъ для гульбища. Въ осьмомъ часу вечера, вслѣдъ за вереницею пѣшеходовъ по возвышенной насыпи прошелъ я до этой лощины, и вдругъ, какъ очарованный остановился передъ чудесной картиной. Вотъ небольшая, глубокая долина, окаймленная зеленью сосенъ; онѣ вѣнчаютъ вершины окружающихъ длину горъ и спускаются по скату ихъ: ниже—зеленыя поля, и еще ниже лугъ, на которомъ въ разныхъ кружкахъ толпится народъ. Нарядныя дамы и кавалеры, какъ въ ложахъ театра, сидятъ, или прогуливаются по скату противоположной горы въ тѣни рощи. Спустясь съ желѣзной дороги на поляну, мы подошли къ качелямъ, устроеннымъ на этотъ разъ;—увеселеніе, до сихъ поръ еще невиданное на виленскихъ загородныхъ гуляньяхъ. Далѣе игралъ оркестръ оренбурскаго полка, но звуки его покрывались заливными хорами пѣсенниковъ, нѣсколько напоминавшихъ знамени-

-тые хоры Жукова на петербургскихъ гуляньяхъ: они составлены изъ русскихъ мастеровыхъ и работниковъ; и не смотря на то, что артели собраны были изъ разныхъ краевъ Россіи, пѣніе ихъ, по стройности и залихватскимъ выдержкамъ не уступало полковымъ хорамъ. Далѣе интересовалъ публику не такъ громкій, но стройный хоръ русскихъ дѣвушекъ: онѣ одѣты въ сарафанахъ съ кисейными бѣлыми рукавами, головы ихъ повязаны шелковыми платочками, какъ у московскихъ крестьянокъ. Въ пѣсенкѣ онѣ припоминали Петербургъ, Москву, и родную Вильну. Замѣчательное сближеніе русскихъ столицъ!—Вотъ пріѣхалъ начальникъ края съ своею супругою, въ сопровожденіи почетнаго конвоя. На почтительныя привѣтствія отвѣчая радушнымъ поклономъ, онъ прошелъ прямо въ народную толпу и остановился въ кружку хора: дѣвушки безъ застѣнчивости продолжали свою пѣсню, сопровождая ее приличными дѣйствіями.—Какъ жаль, что этотъ кружокъ русскихъ вильнянокъ такъ невеликъ! Обойдя веселившіяся толпы, начальникъ края отправился въ рощу, гдѣ для лучшаго общества приготовлены были стулья. Смотря на оживленную картину русскаго народнаго праздника, на этихъ разнощиковъ мороженаго въ красныхъ рубахахъ, на кучеровъ въ синихъ армякахъ, прислушиваясь къ русскимъ напѣвамъ, оглашающимъ долину, къ русскому говору, за которымъ здѣсь рѣшительно не слышно было никакого другого нарѣчія (даже въ кружку, собравшемся на горькѣ, намъ не удалось подслушать ни одной французской фразы). Можно было забыться, что тутъ за горою течетъ Вилія, что на берегахъ ея такъ недавно раздавались задорные по содержанію, и *ляментабиле* по исполненію, польскіе гимны: такъ живо все напоминаетъ берега Днѣпра, или Волги. Оркестръ разыгрывалъ столь знакомые русскому уху мотивы изъ оперы „Жизнь за Царя.“ При наступленіи сумерекъ лугъ освѣщенъ былъ разноцвѣтными огнями; вершины окружающихъ его горъ озарились яркимъ пламенемъ смоляныхъ бочекъ и бенгальскихъ огней, сожженъ былъ небольшой фейерверкъ, и общество при свѣтѣ луны стало расходиться. Впрочемъ веселые хоры не умолкали; они получали вдохновеніе изъ такъ называемой, *Желѣзной хатки,* гдѣ не успѣвали справляться съ боченками пива и съ другими живительными напитками. Но, не смотря на такой разгулъ народа, нигдѣ не замѣтно было какой нибудь безобразной сцены,—онъ только веселился, какъ подобаетъ на народномъ русскомъ гуляньи.

При вступленіи въ городъ исчезло столь пріятное для русскаго сердца очарованіе! По улицамъ, въ лавкахъ, въ домахъ, вездѣ кишатъ толпы евреевъ, вездѣ поражаетъ слухъ жидовскій жаргонъ. Впрочемъ къ подавленію этого тяжелаго впечатлѣнія и въ настоящее время есть уже значительные задатки, благодаря мѣрамъ мѣстной администраціи и способности евреевъ принаровляться къ каждой господствующей націи. Еще два года тому назадъ отъ евреевъ въ Литвѣ нельзя было добиться ни одного русскаго слова: а теперь они стараются говорить порусски: во всѣхъ школахъ, особенно раввинскомъ училищѣ, преподаваніе принято на русскомъ языкѣ; даже ученики высшихъ еврейскихъ училищъ, молитвы, поютъ порусски: теперь изготовляются для нихъ русскіе молитвенники. Если съ такой же энергіей будетъ продолжаться это дѣло, то можно надѣяться, въ скоромъ времени еврейское населеніе городовъ Западной Россіи будетъ отличаться отъ русскаго только религіею. *А. С.*

25 Іюня. 1865 года. Вильна.

Что такое шляхта?

Есть у насъ свои люди, которые считаютъ поляковъ овечками, а насъ волками. Нужды нѣтъ, что эти овечки знать не хотятъ ни о какомъ долгѣ русскихъ подданныхъ, ни о какихъ обязанностяхъ русскихъ гражданъ; что они уже около вѣка служатъ разлагающимъ элементомъ въ нашемъ государственномъ организмѣ, что они и теперь, послѣ внѣшняго подавленія мятежа, вездѣ у насъ продолжаютъ свои подземныя козни: жгутъ наши города и села, заводятъ тайныя политическія общества въ самой Сибири, выдвигаютъ свои польскія притязанія даже за Кавказомъ [1]), стараются обратить Одессу въ новый центръ своей пропаганды, и проникая во всѣ слои нашего общества, во всѣ сферы нашей администраціи, подъѣдаютъ, какъ корнеточные черви, всѣ зародыши нашей оплодотворяющейся жизни: все это нисколько не мѣшаетъ полякамъ, не въ качествѣ русскихъ подданныхъ, а именно въ качествѣ поляковъ, находить у насъ друзей и покровителей.

Эти друзья и покровители польщизны взываютъ о примиреніи, протестуютъ противъ всякихъ общихъ мѣръ, требуютъ преслѣдованія однихъ фактовъ, хотя бы повторявшихся до без-

1) Въ Кавказскомъ Календарѣ на 1865 г. церковные календары: православный, армяно-грегоріянскій и армяно-католическій напечатаны на русскомъ языкѣ, а римско-католическій весь на языкѣ польскомъ!

конечности, находятъ оправданіе для правъ польской національности на русской землѣ и, будто бы въ интересахъ цивилизаціи, преклоняются передъ такъ-называемою польскою интеллигенціей! На основаніи этихъ главныхъ положеній, они порицаютъ требованія нашего патріотизма, отвергаютъ эти требованія, какъ грубыя и варварскія, а нашихъ государственныхъ людей, спасающихъ дѣло Россіи, клеймятъ прозвищемъ людоѣдовъ.

Между этими господами есть, разумѣется, *сознательные* и *безсознательные*. Первые видятъ въ полякахъ хорошее средство для своихъ собственныхъ цѣлей, удобное орудіе для ослабленія нашей государственной крѣпости, а всякое такое средство и орудіе есть искомое ихъ задачи. Эти выродки русской жизни всегда были союзниками поляковъ, всегда дѣлили съ ними отечество. Вторые же относятся сочувственно къ полякамъ только потому, что не выяснили себѣ дѣла и, по русскому добродушію, не смотрящему ни назадъ, ни впередъ, подчинились, безъ заднихъ мыслей, ходячимъ у насъ гуманнымъ теоріямъ. Одна изъ такихъ теорій, въ особенности, способствовала у насъ поддержанію ложнаго взгляда на польскій вопросъ: это—теорія о народѣ и государствѣ, которая принимаетъ ихъ не какъ двѣ нераздѣльныя силы одного и того же организма, внутреннюю и внѣшнюю, долженствующія, какъ душа и тѣло, дѣйствовать, каждая, сообразно требованіямъ общей жизни и соразмѣрно зрѣлости и развитію ея органовъ, а представляетъ государство какъ наружную оболочку, болѣе или менѣе крѣпкую, съ внутренними перегородками, за которыми могутъ жить и развиваться отдѣльные организмы, существуя, подобно нѣкоторымъ моллюскамъ, безъ вреда общему содержанію охраняющей ихъ внѣшней формы. Добрые у насъ люди, наслушавшись этой нѣмецкой теоріи, устарѣлой и брошенной уже въ самой Германіи, относятся къ польскому у насъ населенію, какъ къ составной части государственнаго аггрегата, могущей сохранять въ немъ свой политическій характеръ, не нарушая законовъ связующей государство силы, а вслѣдствіе того требуютъ не только пощады польской историко-политической національности, но и уваженія къ ней.

Польскій вопросъ есть исключительно вопросъ шляхетскій: не будь шляхты, не было бы и польскаго вопроса. Поэтому, чтобъ уяснить себѣ польскій вопросъ до сознательнаго его уразумѣнія и дать себѣ правильный отчетъ объ отношеніяхъ его къ намъ, должно только понять, что такое шляхта. Понявъ

внутренній смыслъ шляхетства, не одинъ, быть можетъ, изъ нашихъ честныхъ гуманистовъ почувствуетъ глубокую антипатію къ предмету своихъ нынѣшнихъ сочувствій. Такъ было и со мною самимъ: я не врагъ польскаго племени и безразлично смотрѣлъ съ братскимъ чувствомъ на всѣхъ поляковъ, пока не изучилъ и не понялъ историческаго монстра, называемаго шляхтой.

Посмотримъ же, что такое шляхта.

Мы не будемъ говорить о томъ какъ изъ смѣси феодализма и демократіи (*), сословнаго своеправія и гражданской ривноправности, сложилась шляхетская община, и какъ латинство дополнило эту амальгаму, добавивъ къ ней свое начало духовнаго рабства. На почвѣ этихъ противорѣчій возникла общественность съ кулачнымъ правомъ узаконенныхъ мятежей, называвшихся конфедераціями, образовалось государство безъ правительства, съ націей безъ народа, выросли неслыханныя сословныя привиллегіи и развилась небывалая сословная исключительность, которая выдѣлила себя изъ народа, какъ никогда не выдѣлялись изъ него ни личный деспотизмъ, ни олигархія,—которая поглотила государство, какъ не поглощала его никакая демократія,—которая поставила всю массу народа внѣ всякаго закона,—и не пріискала своимъ собственнымъ правамъ другаго обезпеченія, кромѣ круговой поруки взаимнаго насилія. Это сословіе, лишивъ верховную власть свободы дѣйствій и обративъ народъ въ животную рабочую силу,—и какой народъ? не завоеванный, не чужой, а свой, однокровный,—формально провозгласило свое надъ нимъ самодержавное право жизни и смерти. Закономъ было воспрещено принимать въ судахъ жалобы на владѣльца, даже за убійство имъ своего крестьянина (1572 года), и вслѣдъ за тѣмъ, каждому шляхтичу былъ предоставленъ надъ его крестьянами весь судъ, не только гражданскій, но и духовный, съ правомъ, за непослушаніе въ дѣлахъ религіозныхъ, смертной казни (1573 г.), шляхта не только предавала смерти своихъ

(*) Въ шляхтѣ есть множество фамилій, имѣющихъ одинъ гербъ и не имѣющихъ между собою никакихъ родовыхъ отношеній. Это произошло отъ того, что знатные польскіе феодалы приписывали къ своему гербу, въ качествѣ домочадцевъ, людей, имъ служившихъ, и тѣмъ усиливали свою партію. Такую тактику польскіе паны употребляли съ особеннымъ успѣхомъ въ русско-литовскихъ областяхъ, гдѣ изъ подобныхъ огербованныхъ слугъ образовалась бо́льшая часть нынѣшней *родовитой* шляхты, гордящейся, на основаніи герба, своею мнимою древностью.

крестьянъ по личному произволу, но она формальными актами отдавала ихъ въ аренду, съ правомъ меча, жидамъ. Вообще, что касается до крѣпостнаго права, то польско-шляхетская цивилизація, какъ и во многомъ другомъ, представляетъ небывалое явленіе въ христіанскомъ мірѣ: у всѣхъ христіанскихъ народовъ, по мѣрѣ развитія общечеловѣческихъ понятій, крѣпостное право слабѣло, сглаживалось закономъ и, наконецъ, вовсе отмѣнялось. Въ одной Польшѣ оно не только никогда не было ограничиваемо, но постоянно распространялось, до конца ея существованія. Такъ, почти наканунѣ ея разрушенія, въ 1764 г., конституціей о поповичахъ, дѣти православнаго и уніятскаго духовенства обращались въ крѣпостныхъ тѣхъ селеній, гдѣ ихъ отцы были священниками, а въ 1768 г. помѣщена, между основными законами республики, слѣдующая статья: „Неприкосновенность власти *и права собственности* шляхты надъ имѣніями и *крестьянами* не должна быть ни отмѣняема, ни уменьшаема. Однакожъ, право жизни и смерти не можетъ *оставаться въ рукахъ помѣщика*, но крестьянинъ, совершившій уголовное преступленіе, долженъ быть отправленъ въ судъ городскій или земскій“. Не ясно ли, что помѣщичье право на жизнь крестьянъ существовало до 1768 года? Но мы имѣемъ документальныя доказательства, что ограниченіе этого права оставалось только въ буквѣ закона и на практикѣ не было исполняемо. Однимъ словомъ, нѣтъ такого насилія, такого средневѣковаго злодѣянія, котораго не совершала бы шляхта надъ простымъ народомъ, до конца XVIII вѣка, особенно въ русскихъ областяхъ, гдѣ прежніе служилые люди русско-литовскаго государства, ошляхтованные, олатиненные и ополяченные, неистовствовали надъ крестьянами со всею злостью отступничества, вплоть до раздѣловъ Польши. За доказательствами сказаннаго отсылаемъ сомнѣвающихся къ лучшимъ польскимъ историкамъ: Лелевелю, Маціовскому, Марачевскому, Шейнохѣ, и къ актамъ, изданнымъ кіевскою археографическою коммиссіей. (*)

Въ школѣ шляхетскаго самоуправія образовался характеръ шляхетской личности, принявшій въ себя всю порчу свое-

(*) Прибавимъ еще: къ Трентовскому, Крашевскому, Ярошевичу, Нарбуту, актамъ, изданнымъ С. П.-скою археографическою коммиссіею, актамъ городовъ Вильны, Трокъ и проч., актамъ г. Минска и проч., къ Вѣстнику юго-запад. и западной Россіи и проч. проч. *Ред.*

властной воли и все растлѣніе безправнаго существованія. Подчиняясь одной грубой силѣ, польскій шляхтичъ могъ быть только деспотомъ или рабомъ; развиваясь исключительно въ этомъ направленіи, онъ потерялъ всякое сознаніе права, всякое чувство гражданскаго долга, и потому самъ лишился способности пользоваться законной свободой. Nous serons serfs pour demeurer tyrans, этотъ стихъ, какъ девизъ, прилагается къ шляхетству.

Мы говоримъ, разумѣется, не о лицахъ, а о массѣ. Были и въ польскомъ шляхетствѣ блестящія исключенія изъ общей порчи: были добрые помѣщики, заботившіеся о благосостояніи своихъ крестьянъ, являлись правдолюбивые голоса и на шляхетскихъ сеймахъ, возникали и на шляхетской почвѣ такіе государственные люди, какъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга,— этотъ пророкъ-обличитель злодѣяній витебскаго епископа Іоасафата Кунцевича, котораго въ нынѣшнемъ году папа вздумалъ канонизировать. Есть и теперь люди польскаго происхожденія, которыхъ мы смѣло поставили бы въ примѣръ гражданскаго мужества, непоколебимой вѣрности присягѣ, глубокаго сознанія гражданскаго долга, и для которыхъ мы желали бы рѣзкаго отмежеванія отъ остальной шляхетской среды; но частныя исключенія не измѣняютъ общаго правила. Шляхетская масса осталась и теперь тѣмъ же, чѣмъ была во время покойной неурядицы, именовавшейся Рѣчью Посполитю, съ тою только разницей, что предки были доступны нѣкоторымъ доблестямъ, свойственнымъ полновластію, а нынѣшніе потомки остались при однихъ порочныхъ инстинктахъ утраченной власти. Мы не хотимъ входить въ разборъ частностей нынѣшняго шляхетскаго характера: о нихъ во очію свидѣтельствуетъ живая дѣйствительность.

Чтобы исцѣлить шляхетскую язву, потребовался раздѣлъ Польши. Какъ же поступили мы у себя съ этимъ цѣлительнымъ средствомъ? Увы! мы только раздражили язву, давъ ей возможность не заживать, а на нашъ счетъ растравляться.

По возвращеніи отъ Польши нашихъ западныхъ областей, мудрая политика Екатерины не устояла долѣе ея жизни. Мѣсто политики національной заступила политика ложнаго великодушія, примирительной уступчивости польско-шляхетскимъ интересамъ, политика своенароднаго самоотреченія, признавшая господство на русской землѣ чужой вѣры, чужаго языка, чужихъ законовъ. Подъ владычествомъ слабаго Польскаго государства,

русская народность могла бороться и боролась съ шляхетскою идеей и воплощавшимъ ее полонизмомъ. Подъ властью русской государственной силы, русская народность лишилась возможности самозащищенія и должна была поникнуть передъ народностью шляхетской: ни русскій народъ, ни православное духовенство, не смѣли уже возставать противъ давленія польско-шляхетской стихіи, господство которой, въ русскихъ западныхъ областяхъ, было формально признано русскимъ государствомъ и принято имъ подъ свою защиту. Послѣдствія извѣстны: все что оставалось русскаго въ шляхетствѣ, все что попадалось въ эти области изъ русскихъ людей, подчинялось польско-шляхетскому давленію, ополячивалось и олатинивалось, потому что ополяченіе вело за собою олатиненіе и наоборотъ, такъ какъ латино-шляхетская интрига, успѣвъ усвоить своей церкви исключительно польскій характеръ, слила у насъ латинство и полонизмъ въ одно понятіе. Этого давленія не вынесли даже нѣмецкіе бароны, отошедшіе, съ частью Курляндіи, къ витебской губерніи, которые, подобно другимъ, также обратились въ поляковъ и латинянъ. И ежели уцѣлѣло русское простонародье, оставшись вѣрнымъ своей народности и вѣрѣ, то благодаря только легкомысленному презрѣнію шляхты къ хлопамъ.

Такимъ образомъ, вопреки историческому приговору, осудившему, раздѣломъ Польши, шляхетскую идею, съ ея институтомъ, на упраздненіе, мы, своею политикой, продлили искусственно ея существованіе. Что мудренаго, что съ уцѣлѣвшимъ у насъ шляхетствомъ, уцѣлѣли и его притязанія, надежды, стремленія, особенно послѣ того, какъ мы сами создали для нихъ центръ опоры въ возстановленномъ нами Польскомъ государствѣ? Конечно, приговоръ исторіи отъ того не измѣнился; но сколько золъ и бѣдствій мы навлекли этою политикой не только на себя, но и на самую шляхту!

Не будемъ уклоняться отъ осужденія самихъ себя: мы до того виновны въ совершенныхъ и въ совершаемыхъ нашею шляхтой преступленіяхъ, что адвокату, сколько-нибудь знакомому съ исторіей западнаго края Россіи, не трудно было бы, передъ судомъ присяжныхъ, обратить большую долю ответственности за эти преступленія на насъ самихъ. Вотъ почему не въ преслѣдованіи отдѣльныхъ фактовъ состоитъ теперь наша задача, а въ систетѣ общихъ мѣръ, направленныхъ къ упраздненію польско-шляхетской идеи, со всѣми ея проявленіями. Къ этой цѣли должна быть обращена теперь вся наша энергія, какъ прави-

тельственная, такъ и общественная. Въ основу нашей государственной политики и нашихъ общественныхъ отношеній, должно лечь безусловное отрицаніе польской національности на русской землѣ и строгое требованіе отъ поляковъ, живущихъ на ней, безусловнаго признанія всѣхъ обязанностей, сопряженныхъ съ идеей русскаго отечества, съ долгомъ русскаго подданства и съ правами русскаго гражданства. На русской землѣ не можетъ быть Польши; слѣдовательно, не можетъ быть и поляковъ, въ качествѣ подданныхъ и гражданъ.

Только такимъ путемъ мы освободимъ себя отъ вопіющаго противорѣчія, какимъ является въ нашей жизни нынѣшняя польская шляхта, и дадимъ ей самой выходъ изъ существованія, исторически невозможнаго. Увѣрьте шляхту, что новыхъ ошибокъ съ нашей стороны не будетъ, что возврата прошедшаго не послѣдуетъ и, повѣрьте, нынѣшніе польскіе патріоты не оставятъ, какъ теперь, безъ признанія такой непреложной истины, какъ слѣдующая, недавно имъ высказанная нами: *) „что люди, живущіе на правахъ подданныхъ и гражданъ въ чу„жой странѣ, обязаны, за такія права, признавать эту страну „своимъ отечествомъ, и что затѣмъ, всякая солидарность, граж„данская и политическая, съ другою страной, этнографически „родственною этимъ людямъ, обязательно для нихъ прекра„щается актомъ ихъ подданства и гражданства.“ (**)

М. Юзефовичъ.
(*Моск. Вѣд.*)

(*) См. *Современную Лѣтопись*, № 6-й нынѣшняго года.
(**) См. отдѣлъ III 8 кн. Вѣстника. *Ред.*

ОПЕЧАТКИ.

Въ статью: «Панскія Фацеціи» вкрались весьма значительныя опечатки.

стр.	*строк.*	*Напечатано:*	*Нужно исправить:*
102	22	выпить.	лыпинь.
—	(въ примѣч.)	подало	падало.
104	15	разлетѣлъ	разлетѣлся.
105	11—12	харивазе	хоровое.
—	28	астрономическія	гастрономическія.
106	31	пчелой *(фасти)*	пчелой.
107	9	*до доти*	*do doти.*
108	8—9	Андрей	Ондрій.
—	16	панъ	пана.
109	27	спада	сюда.
111	(въ примѣч.)	прекращенъ	прекращался.

Очевидныя опечатки оставлены безъ вниманія.

Содержание 10-й книжки „Вѣстника Западной России“ за 18$\frac{64}{65}$ г.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ» на $18^{64}/_{65}$ годъ выхо-
тъ съ іюля 1864 года по іюль 1865 года, *ежемѣсячно*, книж-
ми отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ, въ редакціи журнала и въ конторѣ его, при
ижномъ магазинѣ *г. Сеньковскаго*; *въ С.-Петербургѣ*, въ конторѣ
ла, при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ
оспектѣ, въ домѣ Ольхиной, и въ книжномъ магазинѣ *С. И.*
мова, на углу Невскаго Проспекта и Малой Садовой; *въ Москвѣ*,
конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Н. Ѳерапонтова*,
Никольской улицѣ, во флигелѣ заиконоспаскаго монастыря,
игопродавца *Черенина*, на Никольской улицѣ, и у книгопро-
ца *И. В. Базунова*; *въ Кіевѣ*, въ конторѣ журнала, при
жномъ магазинѣ *С. И. Литова*; *въ Варшавѣ*, у книгопро-
а *Дутова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА «ВѢСТНИКА» ЗА ГОДЪ.

Для жителей *Вильны*, безъ доставки, 6 руб. 50 коп., съ до-
кою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ го-
имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требо-
ніями *исключительно* въ редакцію журнала „Вѣстникъ Запад-
Россіи", *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю
стника» Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать «*Вѣстникъ*» за *истекшіе* годы
ается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р.
к., для иногородныхъ по 6 руб. 50 коп.; за $18^{63}/_{64}$ годъ—
первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 коп.—
пересылкой.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій**.